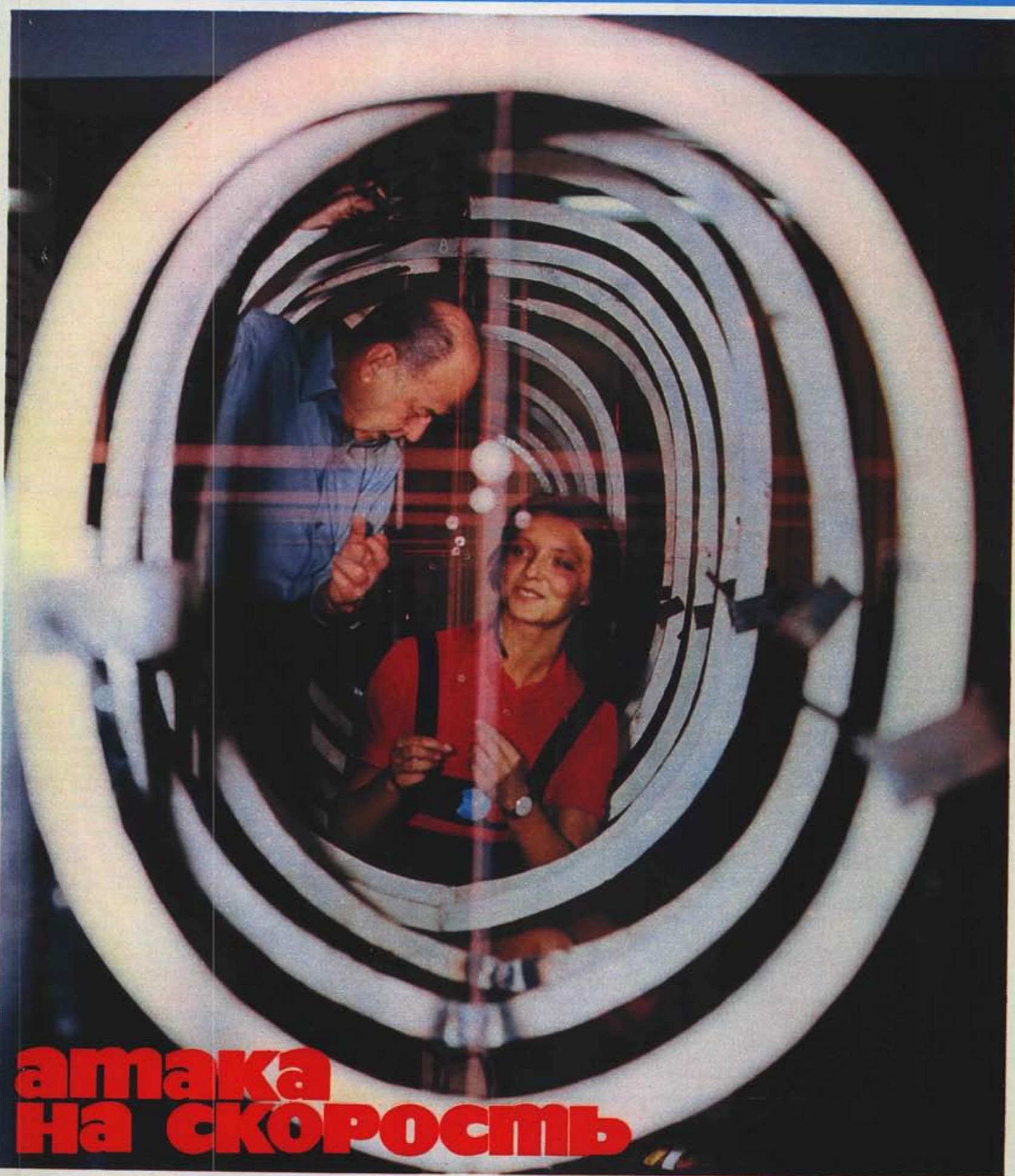

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 15 АВГУСТ 1981

**атака
на скорость**

ПЕРВИЧНАЯ О СЛОВОВО И

Борис ДАНИШЕВСКИЙ

Предупредили бы гардеробщицу тетю Клаву, чтобы пальто никому не выдавала, и стопроцентная явка на собрание была бы обеспечена,— размышлял, сидя в глубоком кресле в цеховой комнате отдыха парень, ответственный в комсомольском бюро за оргработу.— Или мастеров можно попросить, чтобы ставили в табеле прогул всем, кто не присутствует на собрании

— Ты бы еще предложил таких квартальной премии лишать или из очереди на квартиру вычеркивать,— возразила сидевшая напротив него девушка.

— А что? И правильно, я бы так и поступал с теми, кто игнорирует собрания, потому что никаких уважительных причин, чтобы отсутствовать на нем, кроме болезни, быть не может.— не унимался парень из оргсектора.

— Ладно, ребята, давайте о деле поговорим. Кипятиться мы все умеем, а не лучше ли самокритично и по-деловому разобраться, почему уже в который раз собрание срывается,— сказал, утихомиривая комсомольцев, Дмитрий Жуков, мастер одной из смен, еще недавно сам бывший комсомольский активист, а теперь ответственный в партбюро цеха за работу с молодежью.

Обсуждение этого ЧП было долгим и бурным. Мнения членов бюро о провале последнего собрания были разные, но на одном все сошлись сразу: доклады на собраниях неинтересные, никого не затрагивают, вопросы в них поднимаются одни и те же — только производство да производство, а это ведь повторение того, что все уже не раз слышали на цеховых летучках и планерках.

Я не присутствовал при этом разговоре, но мне о нем подробно рассказывали секретарь комсомольского бюро цеха № 1 Гусь-Хрустального завода кварцевого стекла Вера Орлова и мастера Валерий Клочков и Дмитрий Жуков. А потом у меня были долгие и подробные беседы и с ними, и с руководителями участков, и с рядовыми комсомольцами. Мы сидели в той же цеховой комнате отдыха, и ровный гул «кварцевудвки» — так сами ребята называют свой цех, где один за другим стоят широкие столы с укрепленными посредине газовыми горелками, над которыми рабочие и творят свои причудливые формы кварцевые изделия,— создавал своеобразный деловой фон нашему разговору.

Что припоминали ребята о своей комсомольской жизни? Как агитбригада цеха каждый год ездит в подшефный колхоз «Вперед» и дает там по несколько концертов... Как комсомольская орга-

низация цеха заняла в прошлом году первое место на конкурсе художественной самодеятельности, посвященном десятилетию завода... Как сумело все-таки бюро привлечь большую часть молодежи к дежурству в ДНД — правда, признались ребята, только потому, что членам ДНД полагается несколько дополнительных дней к отпуску.

— Раньше комсомольская организация цеха гремела на весь завод, а сейчас активность резко спала, есть костяк первичной — несколько человек, а большинство — ярко выраженный пассив, и потому комсомольской жизни не чувствуется,— вот таким примерно был лейтмотив бесед, которые состоялись у меня с комсомольскими активистами в цехе № 1 завода кварцевого стекла. Они ничего не скрывали, себя не оправдывали, и по этой обнаженности мыслей и приводимых фактов становилось понятно, что такое положение дел их в общем-то не устраивает, а их старшие товарищи — тоже недавние комсомольцы — так и просто глубоко переживают «сдачу позиций» своей организацией.

В этом номере «Смена» предлагает читателям блок материалов «Первичная организация: слово и дело». Вдумаясь в смысл строки из Устава ВЛКСМ: «Основой комсомола являются первичные комсомольские организации». Основа — это фундамент. И как от прочности фундамента зависит прочность всего здания, так от сплоченности, организованности, активности первичных организаций зависит сплоченность и боеспособность всего Ленинского комсомола. Огромная ответственность лежит на первичной организации: в ней решается вопрос о приеме новых членов в ряды ВЛКСМ, а от уровня предъявляемых к ним требований зависит качество нового пополнения. Разнообразны задачи, решаемые комсомолом, но главная из них — воспитание молодежи. Именно в первичной проходят школу коммунистического воспитания миллионы юношей и девушек.

О человеке, как известно, судят по его делам. Истина эта применима и к коллективу. Общие

ИНИЦИАТИВА БЕ

Работают в цехе и сегодня некоторые «старички» — им этим «старичкам», лет по 30—35,— которые помнят то неожиданно страстное выступление Дмитрия Жукова на комсомольском собрании в первый год пуска завода. Помнят, как всем было скучно слушать гладкий, без сучка и задоринки отчетный доклад секретаря комсомольской организации цеха. Когда слово попросил Дима, отчет через пару минут был уже всеми позабыт. Потому что Дима, не стесняясь ни начальника цеха, ни секретаря заводского комитета комсомола, обратился прямо к комсомольцам — неужели вы согласны с тем, что всю комсомольскую работу можно свести только к одному сбору членских взносов? А почему скучно в цехе, почему мало хороших дел на счету комсомольской организации? Тогда никто из присутствующих не воспринял выступление Жукова как голое критиканство. Потому что, кроме справедливой критики, были в нем деловые, конкретные предложения, направленные на улучшение всей работы первичной комсомольской организации.

Я обратил внимание, что в разговоре со мной Дмитрия все время тянуло на воспоминания. Вспомнил, как он, уже имевший опыт комсомольской работы — на заводе имени Ф. Э. Дзержинского, откуда пришел на кварцевый, был членом заводского «КП», — на новом месте сразу окунулся в строительную суматоху. Как комсомольцы дружно выходили на субботники и воскресники — и

никого не надо было уговаривать, призывать. Какие тесные контакты были у них, членов цехового бюро, со старшими товарищами — ветеранами производства, в частности с Рудольфом Александровичем Орловым, который тогда возглавлял заводскую народную дружину. Как оставались после смены и нажимали на строителей, которые никак не хотели соблюдать график строительных работ. Обо всем этом Дмитрий, повторяю, говорил в прошедшем времени. И вскоре я понял, что ему так удобнее, так вернее, что ли, вести со мной разговор, потому что о сегодняшних делах комсомольцев цеха фактически сказать нечего.

— ...На субботник собраться? Только если я, мастер, прикажу, придут. А так, добровольно, нет,— рассказывал с огорчением от такого своего признания Дмитрий.— Спрашиваете, почему такие неактивные ребята у нас? Да потому что для того, чтобы субботник прошел хорошо, его ведь сначала организовать надо. То есть подготовить фронт работ. Чья это забота? Прежде всего комитета комсомола завода и комсомольского бюро цеха. А у нас как: пришли ребята на субботник, им строители говорят: «Эту кучу земли перенесите вот сюда». Что, зачем, почему — никто не объяснит. На следующий день ребята видят: трактор с навесным ковшом подходит и ту же кучу земли за один час обратно переносит. Есть польза от такого субботника? Комсомольцы же это прекрас-

но видят, и в следующий раз их уже не дожидаться.

— А знаете, как у нас проходит Ленинский зачет,— вступает в разговор мастер другой смены, заместитель секретаря парторганизации цеха Валерий Клочков.— Нам, мастерам, приходится чуть ли не за ручку комсомольцев на аттестацию приводить. То же самое и с комсомольским собранием. Соберутся, если я, их непосредственный начальник, от которого, они знают, многое зависит, прикажу собраться. Это уже после того, как объявление провисит неделю-другую. В общем, мука это для нас,— заключил Валерий свое невеселое суждение о комсомольской жизни в цехе.

— А вот когда строили завод,— неожиданно оживляется Дмитрий,— вот тогда было дело. Дело, за которое все болели.— И снова он садится на своего конька и ударяется в приятные ему воспоминания.— Потому что цель одна у всех была — увидеть завод, построенный своими руками. А сегодня такой общей цели нет, и дела никакого нет, потому нет и активности.

Впечатление действительно такое, что комсомольская работа в цехе идет самотеком, что актив во главе с комсоргом Верой Орловой только тогда что-то и делает, когда подсажут мастер или начальник цеха. Попытался выяснить: может, просто не умеют ребята рассказывать о своей работе, стесняются или считают ненужным хвастаться перед

ОРГАНИЗАЦИЯ: ДЕЛО

ДЕЛО — ВОТ ОСЕЛОК, НА КОТОРОМ ПОЗНАЕТСЯ
ИСТИННАЯ ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

заботы сплавляют людей, высокая цель поднимает их нравственно. И, наоборот, отсутствие живого дела ослабляет первичную организацию, тянет ее назад.

Задумайтесь, всегда ли в вашей первичной слово и дело идут рука об руку? Не случается ли так, что решения комсомольских собраний остаются только на бумаге, а обязательства берутся и не выполняются? Как эрозия незаметно разрушает плодородный слой почвы, так разрыв между словом и делом подрывает доверие молодежи к своей комсомольской организации.

В нашем блоке «ПЕРВИЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: СЛОВО И ДЕЛО» мы будем публиковать материалы, затрагивающие насущные вопросы жизни основной ячейки комсомола. Одному из таких вопросов — активности комсомольцев — мы посвящаем сегодняшний блок.

летним рабочим, пришел с предприятия, где несколько лет подряд избирался членом заводского штаба «Комсомольского прожектора». Сменив профессию, став кварцеводом, Володя с головой окунулся в новую работу и как-то незаметно все, что раньше в комсомольских делах волновало его, теперь отодвинулось на второй план, благо, что никто из новых его товарищей не поинтересовался его комсомольской биографией, не спросил, чем он хотел бы заниматься, не постарался подключить к активной общественной работе. Устраивало Володю это? Нет. Но в нем уже появилось убеждение, что здесь лучше молчать, чем высказываться, и в конце концов он просто на все махнул рукой.

— Не чувствуется у нас в цехе по-настоящему боевой комсомольской организации, — подвел черту под рассказом о себе Володя, — формалистика одна.

Вот так постепенно, как корабль, загрузившись в порту, медленно отходит от причала, и Володя Головин отходил от комсомольских дел. Я спросил его, знает ли он фамилию комсорга своего

подготовил двоих. Говорю мастеру: давайте в союбязательства включим этот пункт — у нас ведь сегодня многие комсомольцы по пониженным разрядам работают. Он меня выслушал, промолчал, а делать так или иначе ничего и не стал. Вот и осталось мое комсомольское поручение фактически невыполненным...

Спросил ли кто-нибудь из членов бюро первичной организации комсомольца Головина о том, как он выполняет данное ему поручение? Нет. Вынесло ли хоть раз бюро на обсуждение комсомольского собрания вопрос о том, как проходят в цехе субботники и какую конкретную пользу приносит участие в них комсомольцев? Тоже нет. А кто поинтересовался, есть ли желающие из числа комсомольцев-спортсменов вести по примеру Валеры Барашкова спортивные кружки в подшефной школе? Никто и не интересовался, потому что просто решили: других этим делом заниматься не заставишь.

И снова вспомнился разговор комсомольских активистов, сетовавших на то, как неинтересно и буднично проходят у них комсомольские собрания, как трудно поднять активность комсомольцев, потому что большая часть из них записалась в «наблюдатели со стороны». Вспомнилось потому, что многие животрепещущие вопросы, как выяснилось, так и не стали пунктами повестки комсомольского собрания. А разве не интересно было бы, к примеру, поговорить ребятам о том, почему часть молодежи в цехе не имеет возможности повышать свою квалификацию (на это очень сетовал в разговоре со мной Володя Головин); или почему комсомольцы творчески не участвуют в разработке союбязательства, а лишь формально подписывают их, повторяя каждый год, словно по шаблону, одни и те же пункты?

А может быть, стоит включить в повестку комсомольского собрания вопросы из большого круга проблем внутрисоюзной работы? Например, почему немало комсомольцев, которым стала недорога комсомольская честь и авторитет своей первичной организации? Или почему комсомольцы никогда не приходят в комитет со своими инициативами, предложениями, интересными и полезными делами?

Так или иначе все, с кем разговаривал я на эту тему, признавались в один голос: да, активной, насыщенной, боевой комсомольской жизни в цехе давно уже нет. Есть немногочисленный актив, который худо-бедно несет на своих плечах текущую работу, и есть явный пассив. Увы, за последним — большинство.

Я слушал эти суждения, и мне хотелось каждого из этих в общем-то ребятах, толковых ребят спросить: «Ну, а что ты сам-то сделал, чтобы было лучше? Разве твоей ответственности в сложившейся ситуации нет? И почему твоя потребность замечать недостатки и даже иногда говорить о них вслух — хотя какая польза от того, что о недостатках говорится в курилке или в той же комнате отдыха — выливается в

З ИНИЦИАТОРОВ

посторонним человеком. Попросил показать протоколы заседаний бюро и протоколы комсомольских собраний. Вера, смутившись, сказала, что эти документы она не держит при себе, они у парторга в сейфе, а парторг уже почти месяц находится на больничном. Судя же по рассказам самой Веры и других ребят, комсомольские собрания проходят у них по такой схеме: ну, покритикуют нарушителей трудовой дисциплины, сделают внушение тем, кто отстает с выполнением плана, обязательно посетуют на хозяйственников, которые чего-то там недопоставили, где-то что-то упустили... А в протокол потом запишут: «Слушали: о выполнении производственных планов и участии в этом комсомольцев. Постановили: комсомольцам и молодежи прилагать больше усилий к тому, чтобы производственные задания выполнялись по графику». Четко, быстро и... бесполезно.

— Когда сидишь на комсомольском собрании, впечатление такое, словно ребята утратили тягу к общению, — говорит с сожалением Дмитрий Жукков. — Раньше общение было традицией, а теперь эта традиция утрачена.

Заметим на это, что традиции создают люди. Они же их и разрушают.

Так не в этой ли утрате традиций молодежного общения следствие той злополучной пассивности и безынициативности, которая парализовала сегодня комсомольскую жизнь цеха?

Да и можно ли рассчитывать на активность комсомольцев, на то, что они не будут молча отсиживаться на собраниях, если никто ни в цехе, ни в заводском комитете комсомола не смог рассказать ни об одной полезной инициативе, принятой и проводимой в жизнь самими комсомольцами? О той самой инициативе, которая способна захватить, всколыхнуть, наконец, сплотить молодежь, дать ей почувствовать свою силу, свое место в жизни. Нет, вместо этого комсомольцы предпочитают тихое, безмятежное существование, которое сводится всего лишь к тому, чтобы нормально отработать смену в «кварцевудке» и... привел горячий, дома забот и хлопот не обещаясь, как говорил мне почти каждый из комсомольцев, оправдывая свое пассивное участие в делах комсомольской организации цеха. Мол, бюро есть, оно пусть и работает, а нам-то зачем?

Но вот знакомство с одним из комсомольцев цеха — Володей Головиным — прояснило кое-что и с другой стороны. Он подошел ко мне, как показало, неохотно, и поначалу действительно беседа наша не клеилась. Володя больше слушал, чем говорил, и всем своим видом показывал, что разговор этот ему не только неинтересен, но и неприятен. Но когда я напрямую спросил, считает ли он, носящий комсомольский билет, себя комсомольцем, Володя встрепенулся, и я увидел, как задела его мои слова. Он пришел на завод кварцевого стекла два года назад, 24-

цеха. Нет. Веру Орлову как комсорга Володя не знал (значит, и она ни разу не нашла времени поговорить с ним по общественным делам), ни на одном комсомольском собрании за последние месяцы не был (семейные дела каждый раз не позволяли). И хотя он исправно, как и другие комсомольцы в цехе, платит членские взносы, и неплохо трудится, и по всем моральным нормам нашего общества может быть примером для других молодых людей — дорожит своей семьей, неспособен на антиобщественный поступок, — я все-таки утверждаю, что комсомольцем он по сути своей уже не является.

Вот по такому легкому и нехлопотному принципу: заплатил вовремя членские взносы, тем и откупился от комсомола, — живет сегодня в этой организации большинство ее членов. И, думается мне, виноваты в этом не в меньшей степени, чем сами ребята, те комсомольские работники завода, цеха, для которых единственным мерилом хорошей общественной работы стал маленький резиновый прямоугольник со словом «уплачено».

— Володя, но ты же совсем еще недавно был активистом, почему же так легко забыл об этом? — спросил я своего собеседника.

— А кому это надо у нас в цехе? Мне недавно дали общественное поручение — помочь ребятам, кто со вторым разрядом работает, подготовиться к сдаче экзамена на третий. Ну, я взялся,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1301) АВГУСТ 1981

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
заслуженный
мастер спорта,
рекордсмен мира
Владимир НИКИТИН
и студентка ХАДИ
Наталья ЧЕНЦОВА
проводят
центровку рамы
гоночного
электромобиля.

Фото
Вячеслава СИНЯКОВА

1 «ПЕРВИЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: СЛОВО И ДЕЛО».

Беседа снайпера, Героя Советского Союза
Владимира Николаевича ПЧЕЛИНЦЕВА
и чемпиона Олимпиады-80,
заслуженного мастера спорта по стрельбе
Виктора ВЛАСОВА «УМЕЙ СТРЕЛЯТЬ!»

7 Рассказ Виктора ШАЛАТОНОВА «НАКАТАННЫЙ ВАРИАНТ».

10 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».

12 ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ. «РОЖДЕНИЕ СОЗВЕЗДИЙ». Фотоочерк Славы ТАЙНСА и Алексея ФЕДОРОВА.

16 Юрий ВИЗБОР. «УМНЫЙ В ГОРУ НЕ ПОЙДЕТ?»

19 Стихи Юрия ПОРОЙКОВА. КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕ- СТВО».

20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «РЕКОРДЫ НА СТАПЕЛЕ».

22 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

27 Стихи Татьяны ЛУЧНИКОВОЙ.

28 Повесть Валерия ВИНОКУРОВА и Бориса ШУРДЕЛИНА «СЛЕДЫ В КРУТОМ ПЕРЕУЛКЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ,
Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1981 г.

одни только слова? Не хватит ли слов, ребята? Побольше бы наконец дела. Ведь слово весомо только тогда, когда оно подтверждается делом.

А пока самое большое зло, разъедающее общественную жизнь коллектива,— это равнодушие. И справиться с этим злом одному комсоргу цеха Вере Орловой трудно. Трудно потому, во-первых, что комсомольская работа, как и любая другая, требует сегодня профессионализма, которого у Веры пока нет. Стаж ее работы на такой ответственной выборной должности, как комсорг цеха, небольшой, ее избрали всего лишь несколько месяцев назад, а раньше она с комсомольской работой не сталкивалась. Справедливости ради надо отметить, что Вера стала комсоргом в трудный для первичной организации цеха момент: численный состав ее уменьшается—еще пять лет назад было 120 членов ВЛКСМ, сейчас—48, часто сменяются и секретари: за последние два года Вера—уже третий человек на этой должности. Мне, правда, показалось, что Веру не смущает это обстоятельство и она готова взяться за любое дело с энтузиазмом. Организационную сторону этой работы она, я уверен, сможет при желании постичь быстро, посещая занятия школы комсомольского актива при горкоме комсомола. Но надо учитывать Вере и то, что народ в цехе работает взрослый, все имеют профессию, кто-то учится, многие обзавелись семьей. Это специфика, и, учитывая сию специфику, надо искать новые формы работы. Не сетовать на то, что многие ребята после смены сразу спешат домой. Ведь кого-то из них ждет раскрытый учебник, а кому-то—да взять хоть того же Володю Головина—надо успеть забрать из сада ребенка. И это надо понять комсоргу, понять и войти в положение своих ребят. Тогда и они тоже, уверен, поймут своего комсорга. Поймут, если ты вместе с ними придумаешь такое масштабное, серьезное дело, которое будет всем по душе, всем интересно и принесет несомненную пользу твоему цеху, заводу, городу.

А теперь мне хочется рассказать об одном комсомольском работнике, с которым познакомился я несколько лет назад при обстоятельствах, на первый взгляд кажущихся странными. Судите

сами: приятель, служащий Большого театра Союза ССР, как-то невзначай в разговоре бросил: «А знаешь, у нас в столярном цехе по ночам работает твой коллега—слушатель Высшей комсомольской школы с факультета журналистики». Услышал это я от своего приятеля и не поверил: ну, думаю, и дела... чтобы журналист по ночам совместительством занимался... Нет, не может этого быть. Буквально за горло приятеля взял, чтобы он познакомил меня с этим «совместителем». И в один прекрасный день мы втроем оказались на одном спектакле. Познакомились. Представились друг другу. Точно, сам парень мне так и сказал: «Учусь в ВКШ». А как же, спрашиваю, понимать твои столярные увлечения? А это, отвечает он мне, для души и для сердца. И даже при этом не улынулся и не засмутился. Потому что, поясняет мне, ты вот, к примеру, не можешь попасть в Большой—то времени у тебя на это нет, то билетов не достанешь,—а я в театре каждый вечер. Пересмотрел уже все спектакли—и балетные, и оперные. Скоро занятия у нас кончатся, мне домой к себе уезжать, в Карелию, когда еще удастся попасть в Москву, а я, считай, на несколько лет вперед культурным багажом запасся.

Было лето, и Сергей—так звали того парня—бегал по музеям, слушал лекции в ВКШ, сидел в Ленинской библиотеке, вечерами, естественно, ходил на работу в Большой. А еще, как совершенно неожиданно узнал я от него—прыгал с парашютом. Да, он оказался фанатиком парашютного спорта—более ста раз над ним раскрывался купол парашюта, и это тоже был его тот самый багаж, который он вскоре увез с собой домой.

После окончания ВКШ Сергея избрали первым секретарем одного из райкомов комсомола в Карельской АССР. С тех пор я с ним больше не встречался, но знаю от коллег-журналистов, что одним из главных своих секретарских дел он сделал заботу о трудных подростках. Он не читал им нотации, не твердил о том, что они должны хорошо учиться, не применял административных мер, хотя некоторые из его подопечных этого уже и заслуживали, не жаловался родителям. Он просто привлек их

С ПОЗИЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Здравствуй, «Смена»!

На твоих страницах часто поднимаются вопросы, которые волнуют многих, и прежде всего молодых, не оставляя их равнодушными, заставляют задуматься, а порой и пересмотреть некоторые взгляды на те или иные стороны своего поведения и отношения к жизни.

Вот и мне хочется поделиться с тобой наболевшим. Меня волнует вопрос о жизненной позиции члена ВЛКСМ. Ведь не секрет, что наряду с хорошими, боевыми ребятами,—а их большинство—есть в нашей многомиллионной организации и «балласт» люди, которые только числятся комсомольцами. Эти предпочитают жить спокойно и тихо, как амёбы. Их никто и ничто, кроме собственной персоны, не интересует. А когда с такими познакомишься поближе, оказывается, что и сами-то себе они неинтересны. И еще очень обидно, что даже среди комсомольских активистов сегодня можно встретить и бюрократов, и эгоистов, и себялюбцев. Разве могут люди с такими качествами характера руководить другими, ведь комсомольская работа требует полной бескорыстности, самоотдачи, а порой даже и жертвы—хотя бы своим личным временем.

Или взять вопрос о комсомольских собраниях. Как часто еще проходят они совершенно формально, в обсуждении повестки дня участвуют комсорг да

два-три заранее назначенных выступающих. Остальная масса комсомольцев только присутствует. Может, это оттого, что тема собрания никого не волнует? Зачем же тогда вообще терять время и превращать главный орган первичной комсомольской организации в периодику?

Вопросы эти волнуют не случайно. Комсомол для меня—понятие святое. Мне 18 лет, учусь на первом курсе лечебного факультета в Тюменском медицинском институте. У меня тоже характер не очень-то ладный, а на взгляд некоторых даже трудный. Наверное, это потому, что я ни люблю, когда о человеке говорят за глаза, и все, что думаю о нем, не стесняюсь ему сказать. Не могу мириться с лицемерием, ложью, равнодушием. Внутри у меня начинает все дрожать от возмущения при виде безразличия к страданиям и боли другого человека. Мне кажется, я не зря пошла в медицину, равнодушный здесь не может работать.

Вот с такими убеждениями, воспитанными еще в школе, и поступила в институт. Группы у нас небольшие, по 13—15 человек. Ребята подобрались хорошие, почти все одного возраста. Поначалу мы решили: будем стремиться к тому, чтобы стать лучшей группой на курсе. Но «треугольник» наш—это комсорг, профорг и староста—оказался бездейственным, инициативы никакой не проявлял—слов много, а дела

ЗАХОТЕЛИ — СДЕЛАЛИ

В любом из магазинов «Детского мира» можно наблюдать примерно такую картину: мама у прилавка рассматривает товары, а ее сын, обрета вожделенную свободу, резво исчезает в толпе. Или мама занимает очередь в кассу, а ее малыш в это время заходит в пляж. Поход за покупками, помимо радости, как известно, доставляет еще и немало хлопот.

А вот в «Детском мире» подмосковного города Красногорска такой картины не увидишь. Потому что работники здесь продавцами дежушки-комсомолки придумали массу самых разных занятий для детей, которые приходят в магазин с родителями. Есть здесь живой уголок с рыбками в аквариуме и птицами в клетках, есть игротека с автоматами, есть уголок чуть ли не настоящего леса, в котором живут самые разные звери. Даже взрослым здесь интересно, а уж о ребятишках в говорить не приходится.

Три года назад в городе впервые провели месячник «Пусть всегда будет солнце!». Тогда и решили члены бюро ВЛКСМ «Детского мира» впасть, чтобы комсомольцы в свободное от работы время занялись каким-то интересным и полезным делом. Поначалу разужали, сколько в городе многодетных семей, в чем они нуждаются. Организовали для них бюро добрых услуг — с тех пор комсомольцы обслуживают эти семьи прямо на дому. Тогда же появились живой уголок и игротека.

На одном из последних комсомольских собраний группкомсорг магазина Ира Слесарева предложила:

— Так же, как многолетним семьям, наша шефская помощь может быть полезной и будущим матерям. Давайте возьмем в их под свою опеку.

Сегодня в «Детском мире» по системе предпринимательских заказов обслуживается около ста семидесяти молодых мам. Им достаточно позвонить в бюро добрых услуг, где помогут составить заказ, а потом спокойно ожидать доставки нужных вещей прямо на дом.

По итогам работы в десятой пятилетке комсомольская организация «Детского мира» стала лауреатом премии комсомола Подмосковья. Ей вручено Красное знамя ЦК ВЛКСМ «Герои пятилеток, ветераны труда» — лучшему комсомольско-молодежному коллективу.

Наталья КОНДРАТЕНКО,

слушатель курсов Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ

к настоящему делу, которое, он это знал точно, не оставит равнодушным никого из подростков,—организовал в своем маленьком городке парашютный клуб. И произошло чудо—трудные вскоре стали самыми примерными ребятами в городе. Потому что до них и без нотаций дошло, что дело, которым они занимаются, нельзя делать плохо, ибо все, чему ты не выучился на земле, может потом, в небе, сыграть с тобой злую шутку. Раз попробовав самостоятельно прыгнуть с парашютом, они многое увидели в этой жизни по-иному. А главное—им стало ясно и понятно: что они

выбирают и за что отвечают. Так настоящее, увлекательное дело помогло выбрать то, что заложено в человеке.

Молодость—время сил, таланта, настроения, из которых и проистекает все благородное, волевое, творческое в личности. А начинается-то все с элементарного—с действия, с поступка, даже с намерения иногда. Вот почему именно в молодые годы нужно сделать бросок к главной цели—иначе не сделаешь его никогда.

В этой командировке в Гусь-Хрустальный, славный город на древней владимирской земле, мне как никогда раньше

хотелось сказать комсомольским работникам, с которыми встречался: ребята, комсомольская работа—это ведь не только собрания, заседания, мероприятия... Это прежде всего сама жизнь во всем ее многообразии. Это жизнь ваших комсомольцев, их мысли, мечты, стремления. И жизнь эта будет только тогда интересной, когда в ней участвуют все на равных, без деления на активных и пассивных, когда у каждого есть своя мера ответственности за общее большее дело. Если же за него берется один человек—комсорг, ничего хорошего из этого не получится. **Комсомолу нужны единомышленники, нужно общее мнение о необходимости и важности ДЕЛА.**

Мне кажется, многие ребята из группы понимают, что староста тянет их в болото, но молчат. На всякий случай. Их пока никто не трогает, и они никого не

хотят задеть. Всех устраивает позиция стороннего наблюдателя. Этим-то и пользуются люди, подобные старосте: сами ловчат, хитрят и других на это толкают, развращая тем самым даже хороших ребят. Вот это, мне кажется, опаснее всего: когда в первичной комсомольской организации постепенно создается атмосфера, при которой никому ни до чего нет дела. О каком же нравственном воспитании может идти речь в первичной ячейке, где все трясется только за себя и живут по принципу «Моя хата с краю»?

Я, наверное, многое написала не так, как хотелось бы, но все-таки надеюсь, что письмо это не останется без внимания. Уверена, что не только я хочу, чтобы годы пребывания в комсомоле стали для каждого юноши и каждой девушки действенной школой воспитания, воспитания в себе активной гражданской и жизненной позиции, той самой правильной линии поведения, с которой им предстоит идти по жизни. В ближайшем времени хочу провести в своей группе комсомольское собрание на эту тему, поговорить с ребятами еще раз, расшевелить их. Только вот почему-то боюсь, что разговоров и слов этих хватит на небольшой период, а там все пойдет по-старому.

Я знаю, что это очень сложные вопросы, потому и обращаюсь в редакцию. Посоветуйте, как мне быть?

С комсомольским приветом
ЯКОВЛЕВА Наталья.

хотелось сказать комсомольским работникам, с которыми встречался: ребята, комсомольская работа—это ведь не только собрания, заседания, мероприятия... Это прежде всего сама жизнь во всем ее многообразии. Это жизнь ваших комсомольцев, их мысли, мечты, стремления. И жизнь эта будет только тогда интересной, когда в ней участвуют все на равных, без деления на активных и пассивных, когда у каждого есть своя мера ответственности за общее большее дело. Если же за него берется один человек—комсорг, ничего хорошего из этого не получится. **Комсомолу нужны единомышленники, нужно общее мнение о необходимости и важности ДЕЛА.**

— Комсомольская организация цеха № 1—хорошая, крепкая организация,—так не единожды повторяла в беседе со мной секретарь комитета ВЛКСМ завода кварцевого стекла Оля Маринцева.—С членскими взносами у них никаких проблем, нарушения трудовой дисциплины редки, комсомольские вожаки там всегда на высоте,—расшифровывала она свое понятие «хорошая организация». И вспомнилось мне, что и в горкоме комсомола, рекомендуя для знакомства именно эту первичную организацию, все время делали упор на то, что в ней и комсорг и члены бюро—исполнительные, толковые, инициативные работники. Получалось, что они, эти ребята, и их личные качества олицетворяют положение дел в организации. А ведь правильнее было бы, оценивая комсомольскую жизнь в цехе, руководствоваться другими критериями, а именно: каково положение дел в первичной—такова и характеристика работников, ее возглавляющих.

Накануне отъезда из Гусь-Хрустального я еще раз зашел в горком комсомола. Второй секретарь Слава Овсянников, которого я застал в его привычной позе—склоненным над бумагами, ни единым словом, ни жестом не проявил желания узнать о результатах моего знакомства с комсомольской организацией завода кварцевого стекла, а только произнес: «Рыбаков у себя. Поднимитесь на третий этаж. Он хотел вас видеть».

Первый секретарь горкома Геннадий Рыбаков сидел за большим столом, на поверхности которого не было ничего—ни бумаг, ни документов, ни папок, ни книг, только несколько новеньких комсомольских билетов и учетных карточек к ним, которые он старательно подчесывал. Закончив, Геннадий поднял голову от стола и приготовился внимательно слушать. Я спросил его, как он оценивает работу комсомольской организации завода кварцевого стекла.

ОТ РЕДАКЦИИ

Итак, вы прочитали материалы блока, посвященного жизни первичной комсомольской организации. Хотелось бы надеяться, что они заставят и вас поставить перед собой вопрос: а какую позицию занимает моя первичная, кто мы сами—мои товарищи и я,—участники или наблюдатели?

Вы заметили в делах своей комсомольской организации недостатки, возмущались ими и... не выступили на комсомольском собрании, продолжаете жить по принципу «себе дорожке». При этом еще и успокаиваете себя: мол, один человек все равно не в силах что-нибудь изменить. Суть подобной позиции одна: это позиция обывателя.

Но можно жить и по-другому. Не закрывать глаза на недостатки в работе и сказать о них открыто, даже если это повредит моему спокойствию и благополучию. А самое главное—сделать все от тебя зависящее, чтобы меньше вокруг было наблюдателей. Ведь боевитость первичной определяется самими комсомольцами: чем активнее они сами, тем боевитель и их организация.

И еще. Не забываем ли мы спрашивать себя: «Всегда ли я поступаю так, как того требует Устав нашего коммунистического Союза?» Давайте будем чаще задавать себе подобные вопросы. Соблюдать требования Устава—это и значит быть активным участником всего того, что происходит на вашем заводе, в вашем цехе, в вашей первичной организации. Поступать по совести—это и значит занимать активную жизненную позицию.

Мы обращаемся к комсомольцам и комсомольским активистам с просьбой высказать свое мнение по поводу материалов новой рубрики. Расскажите о вашем комсомольском руководителе—группкомсорге, секретаре цеховой организации или секретаре комитета ВЛКСМ предприятия. Кто он: настоящий вожак молодежи или случайный человек, лишь формально исполняющий свои обязанности? Нам интересно было бы узнать о добрых инициативах, о нравственном микроклимате в вашей комсомольской группе.

Содержание последующих материалов рубрики во многом будет зависеть от того, какие вопросы вы поставите. Ждем ваших писем.

— Организация эта у нас в городе одна из лучших. Крепкая, активная,—с убежденностью в голосе ответил Геннадий. И пояснил:—Шефскую работу они хорошо ведут в школах..., сейчас в расширении производственной базы завода активно участвуют..., есть комсомольцы, которые защитили рабочие диссертации..., комсомольский актив там работает добросовестно...

В общем, все хорошо, тревожиться не о чем. Когда же я стал рассказывать ему о беседах с комсомольцами и даже зачитал записанные в блокнот их суждения о своей комсомольской жизни, Геннадий, несколько смутившись такому повороту беседы, пожал плечами:

— Да, конечно, пассивных тоже у нас хватает. А что с ними делать? «Моя хата с краю»—вот их жизненный принцип. Их и палкой не заставишь что-нибудь сделать для комсомола.

Мне очень хочется, чтобы и Оля Маринцева, и члены бюро ВЛКСМ цеха № 1 во главе с Верой Орловой, но прежде всего секретари Гусь-Хрустального горкома комсомола Геннадий Рыбаков и Слава Овсянников поняли, как стремительно, буквально с каждым днем усложняются и расширяются задачи, стоящие перед комсомольскими организациями. И решать их «по старинке», с помощью одной лишь добросовестности—вовремя собрать членские взносы, следить, чтобы все комсомольцы выполняли производственные планы, не совершали дисциплинарных проступков и т. д.—сегодня просто невозможно. Сегодня надо искать наиболее эффективные пути решения многообразных комсомольских проблем, и один из самых видимых путей здесь—**настоящее, интересное, живое дело.** Быть сегодня середнячком так же недопустимо, как и быть отстающим. Потому что узреченность в комсомольской работе означает пассивность и бездействие.

И уж кому, как не горкомовским работникам, надо знать, что ЦК ВЛКСМ постоянно требует от комсомольских руководителей «перенести центр организаторской и воспитательной работы среди молодежи непосредственно в молодежные коллективы участков, бригад, ферм, звеньев, решительно поднять роль комсомольской группы...».

Это требование надо не только знать, но и ежедневно выполнять.

Беседу ведут
известный снайпер
Великой
Отечественной войны,
Герой
Советского Союза,
полковник в отставке
Владимир Николаевич ПЧЕЛИНЦЕВ
и чемпион Олимпиады-80,
заслуженный мастер
спорта по стрельбе
Виктор ВЛАСОВ

УМЕЙ

В. Н. Пчелинцев. Стрелять метко — об этом мечтает каждый мальчишка, хоть не у каждого, к сожалению, есть возможность заняться стрельбой серьезно... Вспоминаю один случай. Выступал я как-то перед молодежью. Слушали с вниманием. Еще бы! Снайпер — легендарная для мальчишек военная профессия. Заинтересовали ребят снайперские дуэли. Что помогало мне в этих поединках? Испытывал ли я страх? Рассказываю: 14 раз «нос к носу» сталкивался с гитлеровскими снайперами, но выходил победителем. А всего за годы войны уничтожил 456 фашистов. Страх? Был страх — сначала. А потом к опасности как бы привыкаешь, она ведь рядом с тобой ходит. И становится трудно поверить, что могут петь птицы, а не грохотать орудия. Это и есть самое страшное — отвыкнуть от мира... А в дуэлях с фашистами помогало многое: и умение стрелять, и выдержка, и сила воли.

А потом на той встрече зашла речь об успехах самих ребят. Рассказывают с гордостью: успехи в стрельбе есть, «в слоников попадаем!» В каких таких слоников? Которые в тире. Тир возле базара, в подвале. Заплатил — пострелял. Представляете, Виктор, те мальчишки тренировались в платном тире, не имея возможности попасть в стрелковую секцию. Но ведь они мечтали стать снайперами!

В. Власов. Им можно только посочувствовать. Какая уж тут стрельба — в платном тире? Зайдите в такой тир... Толпятся взрослые дяди, шум, гам, дяди эти нетрезвые порой. Подростку к винтовке не протолкнуться. Да и какие там винтовки...

В. Н. Пчелинцев. А если и протолкнется? В копейку ему эта стрельба влетит. Ведь чтобы стрелять метко, надо прочесть не десяток — сотни, тысячи патронов. На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Московская Олимпиада наглядно показала замечательные достижения советских спортсменов. Однако нас всегда интересовали не только спортивные вершины, а прежде всего массовость физкультуры и спорта...» А о какой массовости стрелкового спорта можно говорить, если путь к ней лежит через платные тир, как их метко называют, «ширпотребовские»?

Как-то раз я сам стрелял в таком — пуля даже до мишени не долетела! Да и вообще отечественное пневматическое оружие оставляет желать лучшего, чего греха таить. Но, предположим, разрешат эту проблему — завезут в «ширпотребовский» тир качественные винтовки. Положение все равно не изменится к лучшему. Платный тир — это платный тир. А тренер? Где он? Даст тебе смотритель винтовку: эта — «по центру», эта — «под яблочко», — и вся наука. А между тем, говоря об умении метко стрелять, мы говорим об умении защищать Родину.

СТРЕЛЯТЬ!

Да, мы радуемся успехам советских стрелков-спортсменов, внимательно следим за их выступлениями на международных состязаниях. И подчас забываем о том, что большая часть молодежи, да и не только молодежи, не имеет реальной возможности регулярно заниматься стрельбой. Да, у нас в стране свыше 10 тысяч тиров, более 3 миллионов спортсменов-стрелков, 2 тысячи мастеров спорта. Цифры радуют. Но я вспоминаю, как несколько месяцев назад в составе рейдовой бригады ЦК ВЛКСМ побывали мы в Амурской области, в Семипалатинской области Казахстана и в Сурхан-Дарьинской области Узбекистана... Цель нашего рейда была проверить уровень стрелковой подготовки у молодежи этих районов. И что вы думаете? Выдали допризывникам винтовки, а некоторые их даже зарядить не сумели. В белый свет палили, как в копейку. Местные спортивные и комсомольские работники разводили руками — не сумели подготовить, не успели. Или прикрывались традиционным: в армии научат...

В армии, конечно, научат, а точнее, переучат. Юношам придется заново осваивать оружие. А почему? А потому, что в школе ребятам дают лишь «попробовать» армейский карабин или автомат. Ну, сделают они несколько выстрелов, что из того? По себе сужу: для того, чтобы просто привыкнуть к боевой винтовке, пришлось «сжечь» не один десяток патронов.

Стрельба — это целый комплекс. Одно дело в тире или на стрельбище не спеша вести огонь, и совсем другое — в сложной боевой обстановке. Тут требуются и самообладание, и смелость, и сноровка, и выносливость. А на «гражданке» этому, к сожалению, не учат. На соревнованиях можешь целиться хоть по несколько минут — не возбраняется. А разве это правильно? В боевой обстановке все решают секунды! Помню, до войны была популярна «дуэльная» стрельба — интереснейший спорт! Ставят две мишени: кто быстрее сойдет мишень «противника» — ты или твой товарищ?

До войны учился я в снайперской школе... Выдадут тебе 12 патронов — двумя должен поразить «пулеметчиков», восемью — «перебегчиков». И отпущено на это секунд 30—35, то есть 3—5 секунд на выстрел... Поначалу не справлялся, а потом приноровились: секунда — выстрел. Приклад от щеки не отрываешь, заряжаешь винтовку рывком кисти. Стрельба получается, словно из автомата. А посещали эту школу и рабочие, и школьники, и студенты. Попробуй поступи сегодня в стрелковую секцию — целая проблема!

В. Власов. Это я по себе знаю. Мне попасть в секцию случай помог... Было это лет 15 назад, я тогда о занятиях стрельбой и не помышлял. В футбол гонял

на пустыре возле школы, плавал, занимался легкой атлетикой. Стрелял редко, это когда удавалось сэкономить деньги на завтраках. «Жег» патроны в платном тире. А недалеко от школы, как раз за пустырем, был настоящий стрелковый тир. Это возле стадиона «Труд»... Я тогда в восьмом классе учился. Тиром заведовал В. М. Водовоз, бывший фронтовик, инвалид войны. Зашли мы с ребятами в этот тир и столкнулись с ним. Думали — прогонит нас, а Виталий Михайлович спросил: «Пострелять хотите?» Для нас это была сверхъестественная удача — пострелять из мелкокалиберной винтовки! Но он сначала целую неделю учил нас теории — как винтовка устроена, что такое траектория, как целиться... Мои товарищи приуныли, а потом и вовсе разбежались. А мне теория здорово помогла.

В. М. Водовоз сам отвел меня в секцию стрельбы при Московском городском Дворце пионеров. Там меня ждало разочарование — тренер Роберт Алексеевич Микуленко уже набрал группу. Из 70 желающих он взял 25. Я в это число не попадал, но снова помог В. М. Водовоз. Рассказал, как пришел я впервые в тир и как мои товарищи, устав от теории, бросили это дело... Микуленко поставил условие: если из трех выстрелов я выбью не меньше 20 очков — примет в секцию. Это было мое первое состязание... Волновался — не рассказать! А потом вспомнил, чему учил Водовоз, успокоился, собрался с мыслями. И попал — в цель и в секцию...

В. Н. Пчелинцев. Вот вы говорите, Виктор, вам случай помог. А как же массовость? Теперь-то, когда прошли годы, когда вы стали олимпийским чемпионом, случай этот вспоминается с улыбкой. Но ведь и сегодня стоит та же проблема — трудно попасть в секцию. А если и попал — еще полдела. Надо результат показать как можно быстрее, а то зачислят в ранг «бесперспективных», предложат покинуть секцию. А вдруг среди тех, кого не приняли, будущие олимпийцы или снайперы?

В. Власов. Действительно, спортивные школы отсеивают так называемых «бесперспективных» ребят. А почему? Потому что задача этих школ не популяризация стрельбы, а подготовка чемпионов. Вот если бы школ было больше...

В. Н. Пчелинцев. Что получается? «Ширпотребовские» тир проблемы массовости не разрешат: во-первых, накладно, во-вторых, инвентарь некачественный, в-третьих, кто будет учить мастерству? Спортшколы отсеивают бесперспективных... В общеобразовательных школах тренируются очень мало. Как правило, это связано с отсутствием базы для стрельбы... И в результате слабая стрелковая подготовка допризывников, низкие показатели при сдаче

норм ГТО. Заметьте, Виктор, сейчас мы говорим о подростках и молодежи — школы, детские секции. А где прикажете заниматься людям постарше? Или тем, кто демобилизовался из армии? Редко, когда на предприятии есть свой тир. Для того, чтобы стрелять метко, нужны постоянные тренировки...

Вспоминаю тридцатые годы, когда Осоавиахим призывал молодежь овладевать искусством меткой стрельбы. Тогда появились первые обладатели значка «Ворошиловский стрелок». Мы, мальчишки, с обожанием смотрели на тех, кто носил этот значок. Каждый мечтал стать метким стрелком! Стрельба увлекала не меньше, чем футбол. Даже День советского стрелка отмечался — в апреле. Стреляли мы на настоящих стрельбищах, из отличного оружия.

Перебирал я тут недавно свои архивы и нашел газеты тридцатых годов. На одной из фотографий улыбался седой старик. А под снимком подпись: обладатель значка «Ворошиловский стрелок». Вот тебе и дед! А попробуй приди он сегодня в стрелковую секцию — да засмеют его! Есть в комплексе ГТО нормативы и для «дедушек». Об этих нормативах говорят с восхищением — вот, дескать, спорту все возрасты покорны... А чего, собственно говоря, восхищаться? Меня эти нормативы, к примеру, обижают. Ходьба — без учета времени, лыжи — без учета времени, гранату в моем возрасте метать не полагается... И даже по стрельбе для меня норматива нет — не тот возраст! А я и сегодня из 50 возможных, наверное, могу 50 очков выбить.

В. Власов. Мне кажется, что по крайней мере в нашем виде спорта главную роль играет не возраст, а настойчивость, воля, регулярность тренировок...

Стрельба не прощает поспешности, хвастовства, расхлябанности. Был момент, когда меня со спокойной совестью могли исключить из сборной. На швейцарском чемпионате мира 1974 года вся наша команда настроилась на победу. Мечтал об успехе и я, дебютант в сборной. Ночью перед выступлением уснуть не мог — представлял, как повезу в Москву золотую медаль. А вместо этого — 15-е место! И сборную подвел. Проиграла наша команда из-за меня, я стрелял из рук вон плохо, даже результат перворазрядника не превысил...

Два года после этого не выпускали меня на ответст-

венные соревнования. Я тренировался упорно, оттачивал каждое движение, часами свои ошибки разбирал... Преодолимпийский 1979 год был для меня не менее сложным, все время мне не везло. На чемпионате Европы во Львове был пятым, выбил 1167 очков из 1200 возможных. На Spartakiade народов СССР в общем зачете набрал 1171 очко из 1200 и все равно по итогам проиграл Гене Луцкикову. Но уже на традиционном весеннем чемпионате СССР 1980 года я сумел превзойти мировой рекорд (он принадлежал болгарской спортсменке Нонке Матовой — 1172 очка, установлен был в 1979 году на чемпионате Европы во Львове) и олимпийский, мюнхенский, который установили спортсмены США, — 1167 очков. Мой результат (1175 очков) позволял надеяться, что к Олимпиаде я наберу неплохую форму. И опять — тренировки, тренировки, тренировки...

Олимпиаду долго буду помнить! Конкуренция была очень сильная — 40 лучших стрелков мира соревновались в Мытищах за медали. Среди них такие именитые стрелки, как болгарка Матова, Харштайн, Хайльфорст и Гонзеровски из ГДР, финн Реппянен, швед Юханссон. В хорошей форме был мой товарищ по сборной Александр Митрофанов. Откровенно говоря, о том, как стреляли мои соперники, я узнал лишь из газет — не до того было! Знаю, что после двух упражнений — стрельба лежа и стоя — лидировал 35-летний швед Свен Юханссон. Я и Маури Реппянен на очко от него отставали. Затем была стрельба с колена — самое сложное упражнение. Юханссон первую серию начал здорово: из 100 возможных — 100! Фотографы к нему бросились, все ждали рекорда. А он заволновался, рука дрогнула, и следующие серии принесли ему 95 и 96 очков — в общей сложности швед набрал 1165 очков. На очко его опередил Харштайн — 1166, причем в стрельбе с колена он показал очень неплохой результат — 393 очка из 400 возможных. Матовой не повезло, стреляла хуже, чем обычно, — 1163 очка. За нее болел весь стадион: Матова — единственная женщина-стрелок среди олимпийцев!

А я стрелял последним. Честное слово, даже не помню, волновался ли я. Помню, приказал себе: не расслабляться! И когда бросились ко мне болельщики, фотокамеры защелкали, понял — победа! 1173 очка. Потом на пресс-конференции стали меня журна-

листы про «секреты» мастерства расспрашивать: что помогло победить? Я отвечал просто: тренировки.

В. Н. Пчелинцев. Именно тренировки! Сам я серьезно стал заниматься стрельбой с десяти лет. Отец был командиром Красной Армии, строил укрепления на границе, мы часто переезжали, жили в военных городках. В каждом городке было стрельбище, отец учил солдат стрелковому мастерству. И я стрелял вместе с ними, сначала, правда, «нелегально», тайком от отца. А потом он увидел, что для меня это не баловство, сам отвел меня в стрелковый клуб. В 20 лет стал я мастером спорта СССР, потом окончил снайперскую школу. И тоже друзья спрашивали: как удается стрелять метко? Тренировки...

Однажды я выиграл чемпионат Карельской АССР буквально «вслепую». Соревновались мы зимой, мороз стоял лютый. Только прицелишься — слезы из глаз, мишень плавает. Я чертыхнулся, выпустил все патроны в снежную круговорот — была не была! Встал с матов, а к мишени не иду, думаю, засмеют ребята. И тут судья-информатор объявляет: стрелок Пчелинцев... первое место. 49 очков из 50! Думаете, случайность? Да нет. Я ж к тому времени большой опыт стрельбы имел.

В. Власов. А на фронте? Пригодился опыт соревнований?

В. Н. Пчелинцев. Еще как! Я об этом писал в журнале «Смена» в апреле 1942 года. Статья называлась «152 из 154» — столько фашистов я на тот свет отправил к апрелю 1942 года. А к 1 мая того же года 1152 снайпера-комсомольца уничтожили 10 500 гитлеровцев. И об этом писала «Смена», которая в те годы именовалась «военным журналом ЦК ВЛКСМ». Помню слова А. А. Жданова, когда он узнал о первых успехах снайперов-ленинградцев: «Да ведь это же стахановцы фронта! Нужно сделать все, чтобы их почин стал массовым!» Помню, к нам в батальон завезли восемь винтовок с оптическим прицелом. Я пошел к комбату, предложил организовать снайперскую школу. После боя собирались в лесочке, изучали винтовку, стреляли по мишеням — как в мирное время. Об этой школе и «Правда» писала и «Известия». Два месяца, без отрыва, как мы шутили, «от производства», учил я своих ребят искусству стрельбы. Потом они мне письма присылали: «Владимиру Николаевичу, я уничтожил 37 захватчи-

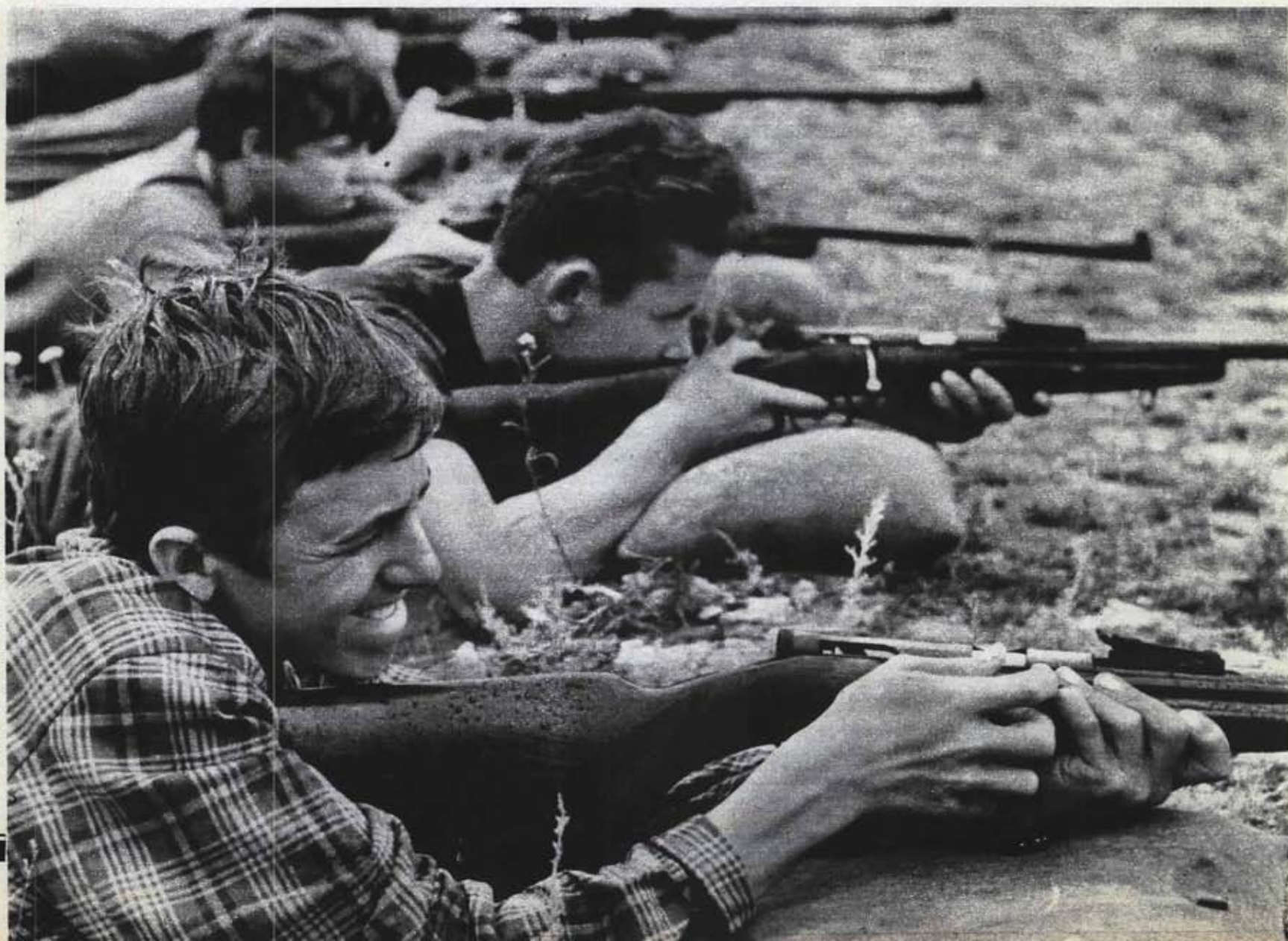

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ков». А было «Владимиру Николаевичу» чуть больше двадцати.

В. Власов. На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев говорил и о том, что «для большинства людей спорт остается пока лишь зрелищем». Очень верно сказано! И не очень зрелищная стрельба — тоже.

В. Н. Пчелинцев. Я старый поклонник футбола и хоккея, но стрельба для меня — самый уважаемый вид спорта. И мне досадно, что популяризации стрельбы уделяют так мало внимания. Есть клубы «Кожаный мяч», «Золотая шайба», пресса много внимания и футболу и хоккею уделяет, композиторы песни сочиняют... Фамилии Яшина, Нетто, Майорова, Фирсова, Старшинова каждый мальчишка знает. А спроси его: кто такой Богданов? Не знает. А ведь Богданов дважды на Олимпиадах золотые медали в стрельбе завоевывал! Обидно мне за этот спорт мужественных...

В. Власов. ...и выносливых. Стрелки-спортсмены на соревнованиях по 5—6 часов стреляют — тут и физическая сила нужна. Стрельба закаляет характер. В одном интервью чемпион мира в стрелковом спорте, участник нескольких олимпиад француз Мишель Каррега очень метко заметил, что «невозможно представить чемпиона по стрельбе или просто стрелка, который выделялся бы легкомысленным характером, был бы вертячивым или непоседливым. Нет, стрелки — люди степенные и обстоятельные». Мы часто говорим о проблемах досуга молодежи. И тут занятия стрельбой, которые требуют самоотдачи, твердости и силы воли, могли бы помочь.

В. Н. Пчелинцев. Согласен с вами, Виктор, стрельба формирует характер. Вспоминаю фронт... На войну я ушел добровольцем, а своей боевой счет я открыл 8 сентября 1941 года. В тот день гитлеровцы выбросили к востоку от Ленинграда парашютный десант, прорвались на север — к Шлиссельбургу и замкнули блокадное кольцо. Наш батальон получил боевое задание — держать под наблюдением одну из дорог, ведущих к городу. В середине дня меня вызвал наш комбат, майор погранвойск. Он с первого дня войны сражался, от самой границы. Подает мне бинокль: на, говорит, посмотри. А у самого желваки по скулам ходят от злости. Я гляжу в бинокль — на том берегу реки остановились грузовик и два гитлеровца выскочили к реке — воды набрать... Мне майор и говорит: «Ты снайпер? Вот и угости их нашим свинцом, чтоб знали...»

Гитлеровцы были вне досягаемости для обычного выстрела, но нас в снайперской школе учили стрелять на максимальную дальность. Стреляешь, скажем, на 200 метров, уже прикидываешь — на 4—5 сантиметров пуля отклонится. А на 600 — всегда знаешь, что поправку надо сделать сантиметров на 20—30. И ветер надо учитывать и плотность воздуха... Короче говоря, в тот день на глазах нашего батальона уничтожил я двух гитлеровцев. Помню, радовался успеху, думал: теперь я настоящий снайпер. А как лестно было слышать, когда на фронте окликали тебя незнакомые люди: «Володя, убей и за меня фашиста!» Связистам, писарям, поварам — им редко приходилось иметь дело с винтовкой.

Да только недолго я собой гордился, преподавал мне фронт несколько уроков, после которых я понял, что для снайпера меткости одной мало. Сделал я выстрел, уничтожил наблюдателя — он корректировал стрельбу вражеских батарей по нашим позициям. Начал к своим отползать, причем с неохотой, не слеза — позиция у меня неплохая была, весь гитлеровский передний край просматривался. Но потом все же отполз к своим — и вовремя! Тут такая свистопляска началась — не рассказать! Фашисты на мой окопчик обрушили шквал минометного огня. Я просто чудом спасся.

А в другой раз чуть не стал мишенью для вражеского снайпера. Я тогда изрядно их окопы потрепал, и начали они за мной охоту. Только я сделал выстрел, над головой — вжик! — пуля. Снайпер. Тогда-то я и понял: фронт не прощает малейшей ошибки, не терпит «лихачества». Сколько наших снайперов погибло... Не так замаскировался, не вовремя выстрел сделал. Вот, скажем, пушки забили, шумно стало на передовой, под этот шум одиночный выстрел не услышат — торопись! Вот, к примеру, тропа к офицерскому блиндажу. Ты уже знаешь: ровно в два часа понесут офицерам обед, они в таких делах аккуратисты были... Казалось бы — вон она, цель, солдат идет, даже не пригибаясь. А вдруг тебя снайпер караулит? Ведь в сухом, морозном воздухе далеко слышно. Ты — выстрел, и в тебя — выстрел. Ждешь. День проходит, другой... Фашисты уже забыли про осторожность! Теперь твой черед!

А как важна для стрелка наблюдательность, уме-

ние мыслить нешаблонно! Как-то зимой вел я наблюдение за передним краем противника. Гитлеровцы осторожничали, лишний раз из окопа не высовывались. Вижу вдруг, поднялась над окопом струйка дыма... То появится, то исчезнет. А в морозном воздухе ее хорошо видно. Поначалу не понял, что это. Потом дошло: фриц курит! Я даже засмеялся от такого открытия. Ну, думаю, покури, покури... И точно: кончился у него перекур, каска потихоньку появляется над окопом — надо же фашисту наблюдать за противником. Когда таким образом уничтожил я 21 гитлеровца, похолодел от «открытия»: сам же курю! Пришлось с этой привычкой расстаться.

Да, стрелку многие качества необходимы. А самое главное, пусть это и громко звучит, — любовь к Родине. Оно уже рождено и бесстрашие и героизм. Конечно, для тех, кто не воевал, все выглядит «розово» — взял винтовку со снайперским прицелом, фрицы видны как на ладони, только стреляй! А ведь снайперы из своих окопов вели редко огонь. Как правило, работали они на нейтральной полосе, вблизи обороны противника, метрах в 400 от своих позиций. Первое время, когда через наш бруствер переползал, страх леденящий охватывал: прямо к врагу в лапы идешь! И ведь никто такого приказа не давал — сами шли навстречу опасности. Уничтожить врага — только так можно было приблизить победу. Помнил я и слова Суворова из его «Науки побеждать»: «Цель каждую пулю. Без толку стрелять только черта тешить. Виноватого найдет меткая, а не шальная пуля. Береги патрон, выпустишь на удачу издали, подойдешь ближе, тут бы и стрелять, а стрелять нечем...»

Во фронтовой газете я писал в открытом письме известному снайперу И. Вежливцеву: «...Я узнал, что ты сдержал свое слово и истребил уже 125 гитлеровских собак. Молодец! Я внимательно, изо дня в день слежу за твоей боевой работой... Считаю, что ближайшая задача снайперов — передать свой опыт широким массам бойцов, чтобы вовлечь их в ряды истребителей... Прошу тебя, товарищ Вежливцев, ответить мне, хотя бы коротенько рассказать о своей боевой работе, об опыте истребления гитлеровских разбойников. Этот твой опыт я и мои друзья используем для того, чтобы истребить еще больше фашистской нечисти...»

В. Власов. Владимир Николаевич, вот мы с вами говорим о том, что занятия стрельбой закаляют характер, волю, требуют терпения, настойчивости. Тут я с вами согласен. Но чтобы каждый желающий имел возможность стрельбой заниматься... Реально ли это? А проблема тиров и стрельбищ, оружия, боеприпасов... Кто возьмется за это дело? У ДОСААФ свои проблемы, у Спорткомитета — свои.

В. Н. Пчелинцев. А комсомол?! Это же его первейшая задача — обучать молодежь стрельбе. И еще есть помощники, энтузиасты стрелкового спорта. Вот, к примеру, есть в Липецкой области местечко Конь-Колодез. Когда-то через безымянную деревеньку, что была на этом месте, проезжал Петр I. Конь его ступил на заброшенный колодезь и сломал ногу. Потому так и назвали местечко. А больше ничего примечательного. Да только приехал туда демобилизованный мичман. Походил по селу, поглядел, как молодежь живет... А жила молодежь как-то однобоко: танцы — драки, драки — танцы. В понедельник на работу и до следующего воскресенья... Пошел мичман к председателю колхоза, попросил его отдать заброшенную конюшню на краю села. А у того тоже положение невеселое — хозяйство в отстающих ходит, молодежь бежит в город или в соседние села, где и Дворец культуры и танцы не под гармошку, а под вокально-инструментальный ансамбль. Собрал мичман мальчишек, оборудовали они тир, умудрились добыть винтовки, боеприпасы. И открылся стрелковый клуб. Теперь из соседних сел за десятки километров едут сюда ребята — тренироваться.

Никто не подсчитывал, на сколько в хозяйстве повысилась производительность труда, улучшилась дисциплина после того, как клуб появился. Но то, что в тир попадают самые лучшие, те, кто работает и учится отлично, — это точно. Видите, Виктор, есть возможности для разрешения «трудноразрешимой» проблемы помещений. А сколько в городах бесхозных подвалов — это же готовые тир! Так что резервы есть. А кроме того, я давно уже думаю: нужен всесоюзный клуб стрелков. Дать ему звучное название, скажем, «Снайпер». Создать вид его эгидой стрелковые команды во дворах, обратиться за помощью к жэкам, организовать школьные секции. По примеру «Кожаного мяча» проводить соревнования на лучшую команду двора или района. Всячески поощрять создание тиров и стрельбищ. Кстати, и «Кожаный мяч» тоже не сразу начинался...

В. Власов. Такой клуб нужен, он поможет влить в стрелковый спорт свежее силы, стрельба станет занятием куда более массовым. Но нас могут спросить: кого будет готовить ваш «Снайпер»? Снайперов?

В. Н. Пчелинцев. Почему же? Разве «Золотая шайба», «Белая ладья» или «Кожаный мяч» ставят перед собой задачу готовить чемпионов? Совсем нет. Их задача более сложная — популяризация спорта, решение проблемы досуга молодежи. И «Снайпер» поставит перед собой такую же цель. А насчет подготовки снайперов... Начну с того, что это не так уж просто. Как непросто подготовить в таком клубе олимпийского чемпиона... Но это не значит, что тот, кто будет заниматься в «Снайпере», не сможет им стать. Самые способные ребята будут направляться в спортивные школы, тренироваться гораздо интенсивнее, поступать при этом многими увлечениями. Вот вы, Виктор, сколько тренируетесь?

В. Власов. Иногда и по семь-восемь часов. И действительно, приходится жертвовать многим. Еле-еле хватает времени на учебу — я студент института физкультуры...

В. Н. Пчелинцев. Вот видите. Так и в снайперском деле. Я уже не говорю о том, что настоящим снайпером можно стать лишь в боевых условиях. Да, спортсмен-разрядник стреляет метко, охотник бьет белку прямо в глаз, чтобы не испортить шкурку, дядька в тире ловко сбивает из пневматической винтовки слоников. Но все они еще не снайперы.

А что касается клуба, тут у нас, Виктор, масса других дел будет. Нужна новая классификация. Есть у нас звание «Юный стрелок», есть — «Меткий стрелок». А разве юный стрелок не может быть метким? К чему такая дотошная возрастная классификация? На мой взгляд, нужна новая: стреляешь из пневматического оружия, выполняешь норматив, — получишь классификацию стрелка 3-го класса. Освоил мелкокалиберную винтовку в совершенстве — стрелок 2-го класса. А если с боевой винтовкой на «ты» — быть тебе стрелком 1-го класса!

А значки, призы? Для ребят, да и для взрослых, тоже, все это очень важно. Значки, конечно, выпускаются, но какие?! Под микроскопом не разглядеть, что там написано... А возьмите знак «Ворошиловский стрелок» — да его каждый знает! Крупный, массивный, на настоящий орден похож. И носили его, словно орден, — с гордостью!.. Как член штаба Всесоюзных игр «Зарница» и «Орленок» я постоянно присутствую на соревнованиях стрелков, призы им вручаю. А призы самые заурядные — грамоты, дипломы... Почему бы не учредить переходящий приз имени снайперов — Героев Советского Союза? Около 45 снайперов были удостоены на фронтах Великой Отечественной этого звания.

Стрельбой занимаются и девушки. Неплохо стреляют. Вы, Виктор, рассказывали про болгарскую спортсменку Нонку Матову, чемпионку мира по стрельбе, участницу Олимпиады в Москве. А мало кто знает, что ленинградский снайпер Нина Петрова удостоена высшей солдатской награды — ордена «Славы» всех трех степеней, что на войне Героями Советского Союза стали шесть девушек-снайперов. С одной из них, Людмилой Павличенко, я был хорошо знаком, хотя воевали мы на разных фронтах — я под Ленинградом, а Людмила защищала Севастополь и Одессу.

В середине 1942 года нас отозвали в Москву, а спустя несколько дней в составе делегации студентов СССР, в которую входили мы с Людмилой и бывший партизан, участник разгрома фашистских войск под Москвой Николай Красавченко, отправились за океан — в США, на международный студенческий конгресс. Время было сложное: Гитлер рвался к Сталинграду, в кольцо блокады задыхался Ленинград. Со всей остротой стоял вопрос об открытии второго фронта. А США и Англия не спешили... Перед поездкой нас принимали Димитров, Молотов, Микоян. Они говорили о том, что Советское правительство придает огромное значение нашей поездке — народ США не знал о тех потерях, которые несет Советский Союз в кровопролитной войне с германским фашизмом, газеты замалчивали истинное положение дел на фронте, те зверства, которые чинили гитлеровцы на оккупированной советской территории.

Мы, фронтовики, должны были рассказать об этом американцам... Вспоминаю, с каким недоверием, даже изумлением слушал президент США Рузвельт наши рассказы о героической обороне Одессы и Севастополя, о том, как с гранатами в руках бросались под фашистские танки наши моряки, о блокадном Ленинграде. Не верил: как так, в окруженном Ленинграде работают заводы?! Описываю ему блока-

ду, рассказываю про голодный паек, о хлебе из мякны, не верит... Как же город держится? Откуда оружие и боеприпасы? Я рассказываю: рабочие изготовляют, сами живут буквально на заводе. Описываю Кировский завод — три километра от фронта, снаряды в цеха залетают, винтовки стоят возле станков на случай отражения атаки врага. Рассказываю, как дети 10—12 лет становятся за станки, заменяют на рабочих местах взрослых, ушедших на фронт. Президент головой качает: а вы правда студенты, а не профессиональные военные? Я рассказываю про Ленинградский горный институт, про то, как ушел добровольцем на фронт...

В США нас ждали письменные приглашения от американцев — свыше двух тысяч. Приглашали муниципалитеты, заводы, семьи, приглашали артисты, писатели... Побывали мы у Чарли Чаплина в Голливуде. Встреча была очень теплой. Посмотрели его фильм «Диктатор» — острую сатиру на третий рейх. Встречались мы и с известным американским певцом Полем Робсоном, посвятившим свое творчество борьбе с расизмом. Нам было о чем поговорить — Робсон гостил в СССР, выступал с концертами, мы его помнили. На митинге в Центральном парке Нью-Йорка мы выступали вместе — пели песню «Широка страна моя родная»... Два месяца пробыли мы в США, объездили всю страну от Вашингтона до Калифорнии, побывали в 60 городах.

Каждый день американская пресса освещала ход нашего визита. Читали мы американские газеты, и обидно становилось за читателей: газетчиков не интересовал ни второй фронт, ни жертвы, которые несет СССР в войне с Гитлером. Они писали о том, как и что мы с Людмилой едим на приемах, какого цвета у нас глаза, о наших привычках. На пресс-конференциях в различных городах Людмилу, например, спрашивали, красят ли губы на фронте, какие духи предпочитают и курят ли советские женщины... Газетчикам были чужды страдания нашего народа. Были встречи и с представителями делового мира. О втором фронте, о помощи нашей стране те тоже старались много не говорить.

И все же наша поездка не прошла даром. В Вашингтоне посол СССР в США Литвинов, рассказывая о ее результатах, о тех пожертвованиях, которые вносили американцы в фонд борьбы с гитлеризмом, о письмах простых рабочих к президенту Рузвельту, в которых содержались требования немедленно открыть второй фронт, помочь союзникам, скажет нам: «За эти два месяца вы сделали больше, чем дипломаты за годы...»

Конечно, это было лестно слышать — ведь мы рвались на фронт, в те дни шло сражение за Сталинград, мы ежедневно слушали сводки с фронта. Мы были солдатами и считали, что наше место в окопах... Правда, и тут стрелять приходилось — и не раз. Но это были мирные выстрелы — нас постоянно просили продемонстрировать стрелковое мастерство, буквально упрашивали... Помню, в Англии, в Бирмингеме, куда мы прилетели после поездки по США и Канаде, на одном из оружейных заводов подарили мне снайперскую винтовку «спрингфилд». И попросили тут же испытать ее. Я долго отказывался, отлучившись, дескать, стрельба не входит в регламент наших встреч, но потом согласился. Собрались журналисты, ждут, что я промахнусь.

Позже мне рассказали, что англичане очень ревностно относятся к снайперскому искусству, считая, что если слово «снайпер» произошло от английского «снайп» — «бекас» (в эту маленькую юркую птичку лишь самые меткие попадают), то, значит, лучшие стрелки — непременно англичане... Попросил я Людмилу Павличенко отвлечь журналистов, сам навел винтовку на сучок в доске рядом с мишенями, сделал пристрелочный выстрел. Пуля легла сантиметрах в десяти от сучка... Прикидываю: надо делать вынос точки прицеливания... Короче, все десять пуль легли точно в цель, англичане приуныли, но когда я их винтовку похвалил, заулыбались, зааплодировали прямо в тире...

В. Власов. Видите, как помогло стрелковое мастерство! Нет, что бы ни говорили, умение стрелять — прекрасное умение. И я, вспоминая начало нашей беседы, тех мальчишек, которые стреляли в платном тире, хочу сказать: пусть будет клуб «Снайпер»! Может быть, будущие олимпийцы, будущие снайперы сделают здесь свои первые выстрелы?

В. Н. Пчелинцев. Я, например, в этом просто убежден. И думаю, нас поддержат читатели журнала, пришлют письма, в которых выскажут свои соображения о клубе «Снайпер».

Записал Александр НИКИШИН.

ВЫЖИВАЮТ

Я

сного солнца нет. Жгучее марево.

Пляж прееет, истекает потом, толчется в холодной взбаламученной воде. Над водохранилищем, дальними сопками, обычно голубыми, стелется бурая пелена.

Резкий запах гари щекочет ноздри, горько сушит глотку.

Все это, однако, не портит настроения Крюкову. Наконец-то наступил его свободный, бездумный, беззаботный и этакий ленивый выходной!

Формальности с разводом закончены неделю назад, и теперь Галина свет Петровна Крюкова всего лишь бывшая его жена. Крюковой Галка пожелала остаться только потому, что не захотела быть разнофамильной с сыном.

— Тайга горит матушка... С самолета смотреть — страшное дело. Сколько леса гибнет! Вся Сибирь в сплошном дыму, — сетует солидный мужчина из компании, расположившейся от Крюкова справа, и чувствует, что солидным гражданину в общем-то наплевать на эту самую матушку — стори она хоть вся одним пыхом или синим пламенем. Он наверняка кормится из другого источника.

— Поменьше бы туристов, — тускло отзывается кто-то из этой же компании, скорее всего лишь бы для того, чтобы что-то сказать. — Месяцами горит, пока само собой не погаснет.

Крюков лежит на животе, уткнув лицо в согнутые колено руки. При вдохе травинки щекочат нос, губы... Он внимательно наблюдает за какой-то крохотной, просто-таки микроскопической красной козявкой: «Ведь создала же ее зачем-то природа... Неужели действительно и вот эта букашка, и я, и каждая травинка — звенья единой великой цепи!» Он тут же отмечает про себя вторым планом, что ему давно не думалось так возвышенно: «Да! Свобода! Будто из плена какого вырвался! Вот именно — как из плена. А это значит... Какая же то была семейная жизнь, если у тебя вот так подсознательно прорываются подобные сравнения?! Нет, и еще раз нет! Назад — ни шагу! Разные мы люди!»

Крюков спохватывается. Думание в два голоса — опасная штука! Получается, что он до сих пор все еще доказывает что-то там себе. Или даже оправдывается!

И он решает думать только о будущем. Это куда приятнее. «Буду жить тихо, замкнуто, одиноко... Это принцип. Знакомые будут говорить: «Странный парень». Девчонки окрестные будут поглядывать внимательно, с интересом... И только потом, может быть, когда-то, встретится такая... Как-нибудь не так встретится: не на танцульках, не на картошке в колхозе». Вот только тогда, может быть, он решится во второй раз.

Так размышляет Крюков, а память подсвывает ему совсем-совсем другое. В памяти вдруг возникает темноватый коридор, сутулый судья. Судья кривится болезненно и говорит плотному мужчине в чесучовом костюме — скорее всего тоже юристу:

— О господи! Что может быть интересного? Сейчас вот третье дело и — третий раз накатанный вариант! Жена родила, естественно — там пятнышки на руках, там морщинки на лице... А вокруг — молоденькие, красивенькие. Вот муженек и начинает дурить. А чтобы свою совесть успокоить — о духовной несовместимости лопочет. А какая там духовная несовместимость? Есть ли чему не совмещаться? Есть ли они — эти злополучные характеры, которые то и дело якобы не сходятся? Глупости... Как раз ума и характера-то и не хватает, чтобы устоять, пережить, чтобы понять, что и с другой у тебя точно так же будет. Коль ты уж такой зародился.

— Бесхарактерность — тоже характер, — замечает собеседник судьи.

— Вот-вот! Научились составлять многозначительные равенства: беспорядок — тоже порядок, бесхарактерность — характер. И давай на всей этой галиматье жизнь строить, основываться, а главное — оправдывать все, что угодно! — Судья зло бросил окурок в огромную фаянсовую урну.

Слова судьи поразили Крюкова. Это у него-то нет характера?! Это о нем — «какая там духовность!» Он считал, что их дело о разводе — это не просто «изменил — изменила», не пьянки с драками и так далее, в общем, не примитив. Крюков, если уж откровенно, считал, что все будет поражены их бракоразводным процессом и кто-нибудь обязательно скажет, а уж подумают наверняка все: «Оба такие хорошие, а гляди ж ты! Тонко как чувствуют люди, живут как эмоционально».

Оказалось же, что для суда их дело всего лишь скука, накатанный вариант! А он-то заготовил самые утонченные аргументы, сложные психологические построения с неотразимыми выводами.

«Фу ты, черт!» — тяжело вздыхает Крюков, поднимает голову и... сразу же ловит себя на том, что не может отвести взгляд от стройных ножек молоденькой девушки, проходившей мимо. «Да, быть свободным хорошо...» — начинает зарождаться мыслишка.

Но, почувствовав, что так недолго произвольно подтвердить точку зрения судьи о причинах его развода с женой, Крюков поскорее отгребается от опасного русла размышлений: «Конечно, теперь полно таких, которые «ни тпру, ни мэ», а все туда же, изображают из себя черт знает что! А я уж, слава богу. Я вот пришел на пляж, и сразу же в голове разные мысли. Что вас собирает в одно место, люди! Ведь простора вокруг столько, что каждому хватило бы уединиться. Да, я думаю! А другие вон сидят да чавкают себе. Ходячие желуди, и только! Понятно, не запретишь им мнить о себе, но в самом-то деле они все серенькие. Хотя и пыжаты». А в... Он — это он!

Крюков с раннего детства особым образом ощущает себя, и ждет своего часа, и уверен в том, что вот-вот такое случится, и тогда все узнают, что он — это он. В этом, пожалуй, самая главная причина развода. Галка не понимала его, не признавала в нем ничего особенного. А он чувствовал, знал наверняка! Каждой клеточкой своего тела и души! Нет, он не может ошибаться. Это же так определенно.

Крюков припоминает, как нашел в лесу две коряги, похожие на ворону и жирафа. Вез их в автобусе, потом в троллейбусе с задумчивым видом, а когда шел по тротуару — наткнулся на прохожих. И все смотрел и смотрел на свои находки. Кажется, на прохожих и пассажиров это действовало. На него поглядывали с интересом. А одна девушка даже пыталась заговорить. Жаль, что не очень красивая.

Жена тогда не признала ни жирафа, ни ворону. Только он на порог, Галка первым делом: «Сбегай в магазин за хлебом! Поставь стиральную машину в ванную!» О его находках заехала мельком: «Если бы кое-где подстрогать...»

— Это же сотворено природой! — воскликнул он. — И строгать, как ты говоришь, значит, уничтожить!

— Брось! — отмахнулась жена. — И как ты не замечаешь, что повторяешь то, что люди говорят по телевизору.

Крюкова такое разозлило не на шутку.

— Кто говорил?? Когда?!

— Да говорили, говорили. — На лице жены мелькнула досада. — Дня три назад... Художник, который занимается собиранием корней всю жизнь. Вот у него действительно сотворено природой!

Галка не понимала того, что люди, к сожалению, вынуждены повторять одинаковые слова. Иначе они не понимали бы друг друга. И потом, что с того, что у него получилось похоже на что-то там высказывание. Могла бы и промолчать. Во всяком случае, умная, деликатная жена поступила бы именно так.

Оно, конечно, если уж совсем откровенно, то Крюков мог бы и не любоваться теми корнями: ничего особенного он в них не находил — так, отдаленное сходство с жирафом и вороной. Ему просто хотелось иной раз быть одухотворенным, выглядеть умным, влюбленным во что-то. Но ведь Галка этого не знала. Значит, совершенно искренне посмеялась над ним. Что же получилось бы, если бы он в самом деле увлекся собиранием корней или еще чем-то?!

В общем, то, что Галка любила его черненького, было хорошо, но вот что она не верила в него беленького, Крюков, разумеется, вынести не мог.

Мысль о том, что если бы он увлекся чем-то всерьез, то и жена сразу почувствовала бы это и восприняла соответственно, не пришла в голову Крюкову, ибо это уже было не просто слишком тонко для интеллектуала его уровня, но паутинка, невидимая нить.

«Хватит!» — обрывает разом все свои мысли Крюков. — Не хватало еще и теперь маяться тем, что кануло безвозвратно. Свобода — вот главное!»

И он тут же ощущает до сладкой такой истомы в груди: хорошо. Он может вот сейчас встать и пойти куда угодно, с кем угодно познакомиться — как раз та самая девушка проходила мимо в обратном направлении. И никто на него не будет дуться.

Крюков прислушивается к разговору сравнительно молодых мужчин, сидящих в двух шагах от него на траве перед газетой с закуской и пивом.

Эти трое на чем свет стоят ругают какое-то бестолковое начальство, прости механизмы и вообще всю организацию труда на их производстве.

Время от времени они прерывают умные разговоры и провожают взглядами какую-нибудь интересную особу женского, конечно, пола, плотоядно причмокивают, стараясь сделать это как можно громче.

И тут же снова продолжают обличительные речи:

— У нас вокруг бездельников всяких — ох да ах! Что же он, бедняжка, станет делать?! — горячился полулысый мужчина лет тридцати пяти и основательно макал в соль головку зеленого лука.

— Пральна... Пральна! — кивал полным ртом его сосед-тяжеловес. — Они сидят, а молодым росту нету. И сам не гам и другому не дам.

Третий, черноголовый, поджарый, начал было уже «мычать», видимо, собираясь высказаться, но тяжеловес вдруг резво вскочил на ноги и закричал обрадованно:

— Па-а-ш-ш-а-а-а! Па-а-а-ш-ш-ш! — И, обращаясь к сидящим, представил: — Хохмач, каких свет не видывал! Покрутили мы в свое время! Ас по женской линии!

Крюкову Паша почему-то не понравился сразу. Было в нем нечто расплывчатое, неопределенное во внешности — он не был рыжим, но блондином или шатеном тоже не был, лицо его казалось совершенно безбровым, улыбка на лице плавала не то слишком чистосердечная, не то снисходительная.

— Паша, — сунул подошедший руку полулысому.

— Константин, Костя... — качнулся тот вперед, показывая, что встал бы, если бы не сидел.

— Валерий, — представился черноголовый.

Крюков заметил, что подошедший протягивает руку, манерничая, словно для поцелуя. Вполне возможно, что Паша с ходу принялся «хохмить», только этого никто не заметил.

Между тем «неопределенный» сунул руку и своему другу:

— Паша...

— Коляша. — Оба они расхохотались, сильно раскрыв рты, кося вниз взглядами на двух других своих соплячников, как бы приглашая и их посмеяться. Это была уже «хохма» чистейшей воды. И Константин с Валерием вынуждены были изобразить на лицах подобие улыбок.

А Крюков все больше настраивался против Пашы. «Паша! Вишь ли, в сорок лет! Милашка этакая! Любимец публики!»

Когда «хохмач» разделся, Крюков злорадно определил: «Эскимо на палочке!» Ноги у Пашы были слишком худыми для остальной его комплекции, ожиревшие бедра и грудь обвисали складками, поясница и даже лопатки, заросшие длинными белыми волосами, при каждом движении собирались в «гармошку».

«Были бы таким, вообще постыдился бы появляться на пляже! Как не понимает человек!» — мысленно возмущался Крюков.

А Паша между тем не только не замечал своего несовершенства, но, судя по его виду, считал себя не из последних в этом смысле. Раздевшись, он погладил живот, удовлетворенно отметил:

— Товару-то! Т-о-в-а-р-у-у! Прямо лежбище!

Коляша поторопил:

— Давай пр-саживайся.

После второго, уже общего захода, дожидывая закуски, Паша кивнул в сторону невысоких кустиков, вокруг которых веером лежали загорающие, как отшвартованные лодки вокруг бочки.

— Вона, кажется, и объект для меня!

Все посмотрели в сторону, указанную Пашей, а тот самодовольно дополнил:

— В цветастом купальнике... Разведенка с прицепом.

— Откуда ты взял, что разведенка? — усомнился Константин, трогая вспотевшую макушку с прогалиной.

— Нюх, братцы, нюх! У меня их... Пальцев у всех нас не хватит! Думаете, эта цыпа загорать пришла? Как бы не так. Она пришла мужиков высматривать.

— Староват ты для нее, — подал голос Валерий.

Паша расхохотался от такого предположения.

— Для разведенки староват?! Да ты что? Только на свет божий явился?! Если она хотя бы с годик одна прожила, то сейчас любому бичу будет рада от восемнадцати до сорока пяти. Она теперь, если хочешь, как раз и не хочет молодого да сильно красивого! Потому как молодой да красивый у нее уже был — муженек ее бывший. Он-то и устроил все так, что его бывшая жена, ой, как разочаровалась в таких, как он. У нее теперь философия другая: пусть постарше да поуродливее, лишь бы понадежнее да поблагополучнее в жизни

устроенный. А у меня и квартирка двухкомнатная и «жигуленок» в гараже! Все мои недостатки — тью-тью при таком известии!

Крюков нашел взглядом ту молодую женщину, на которую «положил» свой взгляд Паша.

Присмотрелся к ребенку около женщины — скорее всего, мальчику, да опешил! Занудливо захолодило в груди. «Да не может быть этого! Не м-о-ж-е-т!» — сказал он себе как можно равнодушнее. «Не может!» — повторил еще раз. — Галка с Олешкой теперь давно должны быть в Курске».

Однако сразу же появилась предательская мысль: «А если передумала? Разведенкой она могла в последний момент и постыдиться ехать домой. Гордая не в меру».

Крюков обобщает скорее всего для того, чтобы не смотреть в сторону кустов, не подозревать неладное: «Вот уж наши расейские бабы! Если уж развод, так бывший муж, ну, просто-таки извергом рода человеческого становится. Никаких связей, кроме алиментов! Вон на Западе... Разошлись, ну и что же? Встречаются, общаются вместе свои дела. Дети то у матери, то у отца живут. И ничего страшного не происходит».

Все это мелькало так, между прочим, общим фоном, хотя Крюков и старался изо всех сил сосредоточиться именно на этом. Но, казалось, в самом сердце пульсировала болевая мысль: «Неужели она?! Что, если в самом деле она?!»

Между тем Коляша хлопнул Пашу по животу:

— Жхни еще пивка для бодрости и отправляйся. Попробуй на зуб этот объект — Он был явно в восторге оттого, что его слова о Паше так быстро подтвердились.

Константин, скептически улыбаясь, то ли подогревал Пашу ради интереса, то ли в самом деле поинтересовался:

— Ты бы с нами хоть опытом поделился. А то вот лежим да закусьваем: по-другому и поразвлечешься не умеем!

Паша откликается охотно, ему нравится всеобщее внимание компании:

— Все проще пареной репы! Сначала, понятно, подруливаешь к киндеру. — Паша пихает в рот большой кусок колбасы, с яростным хрустом откусывает сразу три головки лука. — Ну, там... улыбаешься, чтобы дитя не испугалось, — гнусавит Паша с полным ртом, делая несколько жевков после каждого слова и, наконец, глотая с глубоким кивком-поклоном, словно вдавливая в себя еду. — Суешь конфетку... Ой, какие мы холесенькие! Наверное, в маму? А как нас зовут? Селезя... Сережа?! Ой, какое хорошее у нас имя! А как маму зовут, знаешь?! Не знаешь? А мама у тебя злая? Хорошая? А мы вот сейчас у нее самой узнаем. А сюда не ступай, здесь стеклышко. Ножку порежешь... Берешь киндера за ручку и топашешь к маме. Совсем хорошо, если киндер далеко отошел от мамы. Берешь его на руки, садишь на плечи... Гоп-го-гоп! Ну, а там уж по обстоятельствам.

— Возьмет да пошлет к чертям собачьим, — предполагает весьма резонно Валерий. — Они ведь тоже не дурочки.

— Н-у-у! — восклицает Паша. — Такого не может быть! После того, как вы повосторгаетесь ее ребенком, мама теряет пульс и способность сердиться, тем более о чем-то там думать. Это же все равно, что точно так же сказать о ней самой! И потом... мужчине понравился ее ребенок. Почему бы ему не стать отцом такого «холесенького»? Она, конечно, знает, что ее могут и надувать, но ведь дело в том, что и с серьезными, так сказать, намерениями подходят к одиночкам точно так же. Влюбись я в самом деле, понравься мне ее ребенок, я сказал бы то же самое: «Ой, какие мы холесенькие!» Поди разберись тут. Даже если все знаешь. А если ей еще подкинуть: вы, мол, не подумайте, я понимаю, что есть такие, которые считают, что, завоевав ребенка, они завоевывают маму и так далее, — успех гарантирован. Ну, а то, что будущий папа, может быть, не совсем нравится самой маме, — дело для нее теперь десятое. Она знает наизусть, что молодым да стройным она теперь не нужна. Тем и девиц хватает.

— Как же потом ты выйдешь из такого «пике»! — снова задал вопрос Константин. — Ведь чем сильнее ты убедишь ее, тем больше она поверит тебе...

— Я вас понял, — перебил Паша, — и удивляюсь вашей темноте в данном вопросе. Выйти из «пике», как вы изволили выразиться, еще легче. Можно, например, неистово взревновать ее к прошлому, а можно и просто сказать: «Прости, милая, ты мне надоела». — И без всякого перехода Паша потянулся к противоположной стороне «застолья»: — Поддай-ка мне, Коля, конфетку.

— Да она вся мятая-перемятая!

— От зайчика сойдет. — Паша глотает последний раз, дотронувшись подбородком до груди, встает, трясет жирными плечами, якобы расправляя их, пытается втянуть живот и, подняв руку в приветствии, идет, переваливаясь с ноги на ногу, в сторону «объектика».

Напряжение внутри Крюкова подскочило: «Она или не она?! Не может же быть! А почему опять же не может быть?» Его смущает купальник на той молодой женщине. Точно такой же они купили Галке перед самым разводом.

Он видел, как Паша подошел к ребенку, стоявшему боком, так, что хорошо был виден его выпяченный вперед животик (совсем как у Олешки!), протянул руку малышу, присел возле него — кажется, угощал той мятой конфетой, растаявшей от солнца и облитой пивом.

Крюков страдал. В его душе теперь смешались ревность, зло, отчаяние. «Вот-вот! К таким пашам вы чувствуете благодарность даже за мятую конфету! Зато мужья вам не могут угодить! Все не то, все не так! Что бы хорошего ни сделал — обойдется без благодарности. Обязан!» Крюков передохнул. «Ну и пусть! — Новая волна невыносимой ревности накатилась еще сильнее, еще томительнее. — Даже если она — пусть! Пусть клевет на удочку этого Пашы!»

И тут же отчаянный вопрос сам по себе возникает откуда ни возьмись: «Олешка-то что понимает? Он почему вынужден принимать эту дрянную конфету от этого жирного бабника! Да ты что расписывался? — изо всех сил старается успокоить себя Крюков. — Не она это! И не Олешка! Тогда половина города набросилась на купальники. А фигур таких, как у Галки, тоже хоть отбавляй! И красятся все теперь в каштановый цвет. И у ребятишек Олешкиного возраста животики вперед». — Ему становится немного легче.

Через мгновение Крюков снова «теряет пульс». Ибо он увидел, как встряхнула головой та молодая женщина. «Она! — Крюков даже вскакивает, но тут же, обмякнув, садится снова. — Нет же! Нет!»

Ему становится душно, и он инстинктивно шарит у себя на груди, как будто хочет освободиться от того, что его давит. Он ждет, ждет, что вот-вот Паша несолоно хлебавши отойдет от женщины и, может быть, все увидят ее протестующий и негодующий жест. Ему очень хочется, чтобы женщина отобрала конфету у ребенка и швырнула ее подальше.

Но там, у кустов, происходит обратное. Паша уже сидит на одной подстилке с женщиной. Близко сидит. Может быть, даже они касаются плечами — отсюда не видно.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

«Должно быть, он в наглую... Как часто бывает. И сейчас она встанет и крикнет: «Пошел отсюда, нахал!»

Но и этого не происходит. Крюков видит, как ребенок забирается на загорбок дяде Паше, как тот трудно поднимается. «Гоп-гоп-гоп!» — напоминает Крюков шлепки Пашиных губ.

А тот уже топчется вокруг подстилки, пытается взбрыкивать по-лошадьи. Ребенок держит дядю одной рукой за шею, а второй размахивает, представляя, что скачет он на лихом коне, с саблей... (Точно так же делал Олежка!)

— К черту все! — почти вслух говорит сам себе Крюков, падает лицом в траву и замирает.

...Паша возвращается минут через двадцать.

— Все в ажуре! — потирает он удовлетворенно руки. — Бабешка — во! Только и того, что родила. А так — девочка девочкой. В некотором смысле бывший муженек оставил ее нетронутой. Я такое за версту чую. — Паша садится, тянется к пиву. — С пляжа идем вместе. Она здесь недалеко обитает. Так что извините, молодые люди, придется мне покинуть вашу теплую компажку.

И, уже по-хозяйски разливая пиво, Паша закрутил головой, гмыкнул: — А мальшок-то, мальшок! Шустрый такой... Только было успели перезнакомиться, а он уже теребит мамашу: «Мама, а дядя Паша будет нашим новым папой?» Мама так и залилась краской. «Глупыш ты, Олежка», — говорит, а сама так многозначительно поглядывает на меня. Это, мол, от дяди Паши будет зависеть, это...

Крюков больше ничего не слышит — у него темнеет в глазах. Такого с ним еще ни разу в жизни не было. Он вскакивает, лихорадочно одевается, запутываясь в штанинах.

Компания сразу же замечает, что он не в себе.

— Должно быть, на работу проспал парень, — предполагает Валерий.

Сунув ноги в туфли, не зашнуровывая их, Крюков шагает вдруг к Паше, склоняется над ним и сует ему фигу под самый нос:

— Вот тебе! А не ее... Понял?! — Больше он не находит слов, да если бы и нашел, то не смог бы произнести — так задохнулся.

— Ты что, парень? Что?! — испуганно отстраняется Паша. А его друг угрожающе приподнимается:

— Ну ты, полегче на поворотах!

Но Крюкову уже начхать на угрозы — он почти бежит к кустам. Он то и дело наступает на шнурки, наконец непроизвольно выдергивает их вообще, наступив сначала на левый, потом на правый.

— Я тебе сейчас все выложу! Я тебе сейчас покажу! — Крюков говорит все это вслух, не замечая, что буквально все пляжники, мимо которых он проходит, провожают его недоуменными взглядами, а кое-кто крутит вслед ему пальцем у виска.

Женщина и малыш сидят к нему спиной. И Крюков узнает не только

купальник бывшей жены, но и плавочки сына — голубые, с желтой нащепкой посерединке.

И, только приблизившись вплотную, он вдруг останавливается — не она! Да и как он мог принять эту женщину за Галку?!

Но Крюков уже стоял над ними, и она и даже ребенок понимали, что он подошел к ним не случайно. Крюков увидел устало-вопросительный взгляд серых глаз женщины, удивленно распахнутые карие глаза ребенка, которые спрашивали: «С чем ты подошел к нам, дядя?! С хорошим или плохим?» Во взгляде мальчика была и настороженность, и беззащитность, и тоска.

Сила душевной инерции бывает гораздо больше любой другой. И Крюков не сумел справиться с этой инерцией.

— Что ж вы так? — упрекнул он, взволнованно и трудно дыша. — Разве ж этот тип для вас?! — Он кивнул в сторону компании.

Глаза женщины моментально наполняются слезами:

— А кто для нас?! Вы, интеллектуалы несчастные?!

Ребенок не испугался слов матери, и Крюков понял, что он к ним просто-напросто привык.

Мальчик садится к матери на колени, обнимает ее за шею, готовый защищать, хмурит бровенки...

Крюков спешит с пляжа так, как будто куда-то сильно опаздывает. Он чувствует, хотя не может пока еще объяснить себе, что свобода его оказалась большой условностью, что ее у него нет вовсе, что окончательно развестись с Галкой он не сможет никогда.

ВАШЕ МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Серьезную проблему поднимает в своем рассказе автор. Она многосложна, в ней личное тесно переплетается с общественным.

Мы приглашаем наших читателей обсудить рассказ, высказать свое мнение о герое, о ситуации, в которую он попал. Вспомните о своих семейных радостях и неурядицах. Как вы сделали свой главный выбор в жизни, как встретили свою любовь?

Дорогие читатели! Приглашаем вас включиться в заочную конференцию по рассказу Виктора Шалатова. Самые интересные, проблемные письма мы опубликуем в журнале. Ждем ваших писем!

А ЧТО У ВАС?

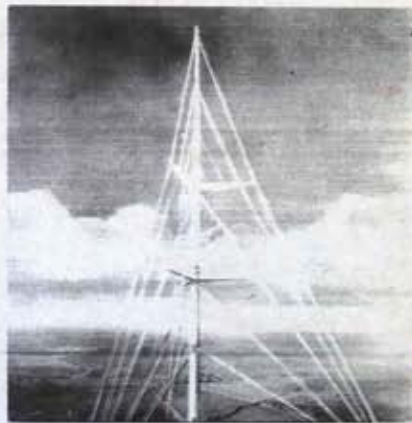
НАУКА — ПРОИЗВОДСТВУ

КИЛОМЕТРОВАЯ МАЧТА

1000 метров! Именно такой будет высота стальной мачты, проект которой разработан специалистами института «Проектстальконструкция».

Новую мачту решено строить круглой в сечении. Диаметр ее ствола у основания будет 10 метров, у вершины — 7. Растягивающие нагрузки примут на себя стальные канаты — растяжки, сжимающие — сам ствол. Такое сочетание позволит создать конструкцию весом в 8 тысяч тонн. Это меньше, чем весит знаменитая Эйфелева башня, а она в три раза ниже.

Собираться гигантская вышка будет по частям, из 25-метровых заготовок. Каждую часть подготовят на земле, а затем ползучим краном поднимут на место. Сварочные автоматы заварят стыки, и кран, получивший свое на-

звание за способность перемещаться по конструкции, заползет на новую высоту и будет готов к подъему очередной секции.

Так шаг за шагом и поднимется к небесам километровая вышка, которая позволит метеорологам раскрыть новые тайны погодообразования, делает метеопрогнозы еще более точными.

Станислав ОЛЕГОВ.
Фото автора

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

УЗЫ ДРУЖБЫ

Мост, соединяющий азербайджанский и грузинский берега реки Алазани, называют мостом Дружбы. Не раз по-соседски выручали друг друга хозяйства-миллионеры в братских селах Закаталы и Зелю-Кеди. То силосом, то трактором, то саженцами...

В честь 60-летия образования Грузинской ССР и Коммунистической партии Грузии в азербайджанском селе Закаталы над Алазанью заложен сад Дружбы. Первыми посадили два ореховых дерева рядом председатели колхозов Герой Социалистического Труда Арсен Кабаидзе и Давуд Давудов. Грузин А. Кабаидзе — почетный гражданин Закаталы, а азербайджанец Д. Давудов — почетный колхозник грузинского хозяйства.

В этот день положено начало замечательной традиции: вступившие в ряды ВЛКСМ местные старшеклассники в новорожденных аллеях сада Дружбы получили из рук передовиков обоих колхозов комсомольские билеты.

Александр МАМАЕВ

ПОМОЩНИКИ МОРЯКОВ

Спасает «ЯГУАР»

«Ягуаром» назван буксирспасатель, модель которого экспонируется в павильоне «Судостроение» на ВДНХ СССР. «Ягуар» удобнее, мощнее, быстрее и вместительнее своих предшественников-спасателей. С его помощью можно снимать с мели большие суда, откачивать воду, тушить пожар, отбуксировывать в порт. Он приспособлен и для того, чтобы вести водолазные работы для починки потерпевшего аварии корабля на глубине до 60 метров. Обладает «Ягуар» и еще одним, отличным качеством: он может снять груз с терпящего бедствие судна прямо на ходу.

Нина ДЕМИДОВА

МУЗЕИ

ТОВАРИЩ ТАКСИ

«Московское коммунальное хозяйство доводит до всеобщего сведения, что с 21 июня сего, 1925 года открыто для пользования широких масс населения таксомоторное движение...» И пятнадцать автомобилей «Рено» начали конкурентную борьбу с извозчиками. Ну, а в наши дни более 16 тысяч автомобилей с шахматными клеточками на боках обслуживают москвичей и гостей столицы.

С такими фактами из биографии «товарища такси» познакомил меня в Московском музее такси, — пожалуй, единственном в своем роде. В настоящее время этот музей, расположенный на территории 19-го таксопарка столицы, считается ведомственным. Открытый в канун 50-летия московского такси по инициативе главного инженера управления Мослегтранс Н. П. Шумилова, он знакомит работников автомобильного транспорта Москвы не только с историей такси, с изменением конструктивных особенностей автомобилей, выполняющих эту нелегкую миссию, но и позволяет заглянуть в будущее. Ведь в экспозиции музея представлена экспериментальная модель специализированного автомобиля такси, которого еще нет на улицах наших городов.

Чем вызвана необходимость в создании такого автомобиля? Спецификой работы такси. Как показывает статистика, в отличие от обычного автомобиля поездки на такси очень коротки — не более получаса в среднем. За смену в такси входят и выходят 20—40 пассажиров, большинство с грузом. Находясь почти все время в движении, такая машина занимает «больше простран-

ства» на улицах города, чем другие автомобили...

Все это учтено при разработке специализированной конструкции. По сравнению с нынешней «Волгой» длина такси сокращена на метр. На два метра уменьшен радиус поворота. Значит, такси будет более маневренным, что немало важно в толчее городских магистралей.

Место для багажа предусмотрено внутри пассажирского салона, широкая дверь которого автоматически открывается и закрывается по команде водителя. Кстати, кресло шофера отделено от пассажирского салона стеклянной перегородкой. И это правильно. Водителю во время движения не будет отвлекать разговоры пассажиров, он меньше будет простуживаться от сквозняков, возникающих от часто открываемых дверей.

Вопрос о двигателе для такси окончательно еще не решен. Не исключено, что он будет работать на сжиженном газе. А быть может, мотор будет электрическим? Ведь партия опытных электромобилей уже бежит по улицам Москвы. Или он станет маховичным? Работающим на водородном топливе? Паровым?... Будущее покажет.

Олег СЛАВИН,
инженер.
Фото автора

ШКОЛА ПАТРИОТИЗМА

Имени командира

Пограничная флотилия пополнилась еще одним именованным кораблем — «Николай Каплунов». Этот корабль ведет свою родословную от прославленного морского охотника «МО-207».

...В тот памятный день 1943 года «МО-207», которым командовал старший лейтенант Николай Каплунов, в паре с еще одним морским охотником вступил в бой с 14 фашистскими катерами. Получив повреждение, головной катер задрал форштевень и начал тонуть. Остальные фашисты окружили катер Каплунова. Молнией врезался в мостик вражеский снаряд. Тяжело раненный командир повел «МО-207» на таран преградившего фарватер катера врага и вырвался из окружения. Фашисты, поставив дымовую завесу, укрылись под своим берегом. По пути на базу на руках у товарища Николай Каплунов умер. Ему было двадцать пять лет...

Молодые моряки-пограничники по крупицам восстановили подробности боя и жизни Николая Каплунова. Они переписываются с его сестрой и братом, с пионерскими дружинами его имени в Москве, Кронштадте, городе Гагарине — родине Каплунова. Гагаринский горком комсомола взял шефство над именованным кораблем.

На территории части пограничники своими силами соорудили обелиск экипажу «МО-207». Перед выходом в море на охрану государственной границы они приходят сюда возложить цветы, почтить память моряков-героев минутой молчания.

Верность боевым традициям помогает экипажу добиваться успехов в нелегкой пограничной службе, в социалистическом соревновании. Их корабль постоянно подтверждает звание — «отличный». Молодые воины равняются на своего незримого правофлангового.

Высокой оценкой этой школы военно-патриотического воспитания молодых воинов-пограничников стало присвоение их кораблю имени «Николай Каплунов».

Борис РЯБУХИН

РЕМЕСЛА

ТАВОЛГИНСКАЯ КЕРАМИКА

Чудесные таволгинские глиняные изделия, украшенные народным орнаментом, завоевали популярность во всей стране, известны они и за границей. Замечательные мастера трудятся на заводе. Двадцать шесть лет расписывает предметы домашнего обихода из глины на уральские темы талантливый художник-самоучка Яков Акинтьевич Жданов. Он подготовил для массового выпуска более двадцати различных образцов, демонстрировавшихся на Всемирной выставке в Брюсселе, участвовавших во всероссийских конкурсах в Москве. Именно Жданову принадлежит инициатива создания заводского музея. Опытный мастер обучает раскраске глиняных изделий молодежь, прививает новичкам любовь к ремеслу...

Сейчас в Нижних Таволгах вырос настоящий завод. Ежегодно растет выпуск майолики. К исполняющемуся в декабре нынешнего года 280-летию основания города Невьянска готовится к выпуску специальный сувенир с изображением знаменитой Невьянской башни.

Владимир СИНЦОВ

СПЕКТАКЛИ-ИССЛЕДОВАНИЯ

Более ста лет пушкинская «Русалка» считалась неоконченной пьесой. Так и значилось во всех издательских вариантах.

«А если взглянуть в рукопись, свериться с пушкинским текстом?» — решили молодые актеры Литературно-драматической студии Ленконцерта, которую возглавляет артист Большого драматического театра Владимир Репеттер.

Заглянули, а точнее, провели исследовательскую работу. И она превзошла все ожидания. Об этом — и новый спектакль театра. Сначала актеры знакомят зрителей с общепринятым, общеизвестным вариантом «Русалки». Потом предлагают повторить вместе с ними путь исследователей, проследить процесс создания А. С. Пушкиным этого произведения.

Чтобы зритель не сомневался в досто-

верности анализа, ему предлагают самому познакомиться с пушкинскими рукописями «Русалки». Их увеличенные фотокопии — как самостоятельное «действующее лицо» в спектакле — присутствуют здесь же в зале, на стене сбоку от сцены. Тонкий луч эпидиаскопа высвечивает страницы рукописи одну за другой. И, конечно, внимание привлекает план на последней странице. Это на его основании считали, что «Русалка» не закончена и что поэт думал переработать пьесу. Актеры в соответствии с этим планом поменяли местами известные сцены, и на глазах зрителей как бы заново рождается пушкинская «Русалка». Внутреннее и внешнее единство ее неоспоримо.

Этот же подход актерского исследования сложного, драматического мира — и в других спектаклях студии по произведениям Пушкина, Достоевского...

Они играют в музее Ф. М. Достоевского, на углу Кузнечного переулка и улицы Достоевского. Небольшая сцена, все миниатюрно. Но есть у этого замкнутого пространства, пронзенного лучом эпидиаскопа, важное преимущество перед многими большими театральными залами: именно отсюда начинается открытие.

Людмила КОХАНОВА

В МИРЕ ТЕХНИКИ

НА ВЕЛОСИПЕДЕ ПО СТОЛБУ...

«Не пора ли изобрести велосипед?» — подумал доцент Каунасского политехнического института Витаутас Гульбинас. Подумал — и изобрел. С колесами и педалями — все как полагается. И скорость приличная — целых три метра в минуту. К тому же полнейшая гарантия, что по дороге столкновения со встречным транспортом не будет. Дело в том, что этот велосипед ездит... по столбам. Называется изобретение «столболаз», и предназначен он для тех, кто прокладывает линии электропередач. Конструкция столболаза надежна и проста. Его легко доставить на место, а чтобы подготовить к работе, нужно всего несколько минут.

Елена АНТОНОВА

УВЛЕЧЕНИЯ

ПРИРОДА — НА ДОМУ

Часто в квартирах можно увидеть собаку, кошку, хомячка, попугая, канарейку, аквариумных рыбок. Многие заводят дома животных. Одни — ради удовольствия, другие — скрасить одиночество, третьи — для своих детей...

Для москвича Сергея Ашиткова все началось в далеком детстве, когда он приходил к маме на работу и целые дни проводил у вивария с подопытными животными. Тогда и родилась у Сергея любовь к животным и осталась на всю жизнь. А подаренная заведующим вивария рыжая морская свинка стала первым обитателем зарождающегося вокруг него нового мира.

Потом были бурундук и ежик, крыса и сурок, сова и попугай... В одной квартире жила семья из четырех человек и с ними до десятка поющих, пищущих, кричащих птиц и зверьков. Каждому из своих жильцов Сергей старался создать максимум удобств, сделать жизнь маленького существа в полном смысле счастливой. Что бы ни случилось — его питомцы всегда ощущают заботу, доброту и... прощение. Даже когда крыса сгрызла электропроводку, уничтожила любимый плащ и туфли — он не выбра-

сил ее на улицу, как сделали бы многие. В его мире здоровый микроклимат: сиамский кот вылизывает морду собаке, мангуст любит спать под бочком у черепахи...

В настоящее время готовится к выпуску книга Сергея Ашиткова «Корни добра», в которой автор на своем многолетнем опыте показывает, как нужно беречь и приумножать прекрасное и неповторимое достояние, называемое миром животных.

Родион КОНОНОВ.
Фото автора

АВТОМАТИЗАЦИЯ СЕРВИСА

НА КОНВЕЙЕРЕ — КАФЕ

Из ворот объединения «Киевторгмаш» во все концы страны отправляется продукция не совсем обычная: здесь выпускают... кафе. Сорок таких кафе каждый год открываются в институтах, на заводах, курортах. Они незаменимы там, где в короткий срок нужно накормить большое количество людей. Прилавков, официантов в таких кафе нет, их заменили автоматы.

Московский энергетический институт был одним из первых «полигонов» для испытания кафе-автоматов. Оно прошло успешно. В часовой перерыв между лекциями полторы тысячи студентов могут быстро и вкусно пообедать. Отличная оценка продукции киевского объединения подтвердилась и в дни XXII Олимпиады в Москве.

Елена ГОЛОВАНЬ

ДЕТСКАЯ МОДА

ХРАНИТЕ ОБРАЗ СВОЙ

При Гомельском Дворце пионеров работает необычный Дом моделей — пионерский, а иначе кружок кройки и шитья, руководит которым профессиональный художник-модельер Светлана Викторовна Дворецкая.

К юбилею пионерской организации страны здесь подготовлено и показано тридцать новых моделей для школьников. Кредо юных модельеров: раз не бывает одинаковых людей, то не должно быть и одинаковых платьев. Они призывают ровесниц: создавайте одежду по своему образу и подобию. Создание «своего образа» необходимо каждой девочке, девушке уже легко будет его хранить.

Материальная база кружка — хорошая, просторная комната, полтора десятка швейных машин, досье специальных журналов, дневники личных наблюдений за одеждой земляков и... бабушкины комоды: ведь, как известно, новая мода — это хорошо забытая старая. Члены кружка регулярно совершают экскурсии на городские швейные фабрики, выезжают с коллекциями одежды в сельские школы области. В их коллекции детские модели из любых недорогих тканей различных цветовых сочетаний.

Увлечение юных модельеров влияет на выбор профессии — многие после окончания школы стали работать на гомельских швейных фабриках.

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

Прошлым летом мы с приятелем совершили небольшое путешествие по Алтаю. Побывали в Горно-Алтайске, в Артыбаше, на Телецком озере, а затем отправились в горы. Присоединившись к небольшой туристской группе, мы поплыли на плоту по одной из порожистых горных рек. Плыли мы днем, а вечером причаливали к берегу, разжигали костер, устраивались на ночевку, после увлекательных рассказов о разных туристских приключениях крепко засыпали у догорающего костра.

Как-то рано утром, во время одной из наших стоянок, когда все еще спали, я отправился побродить в окрестностях. Где-то недалеко вниз по реке слышался оглушительный рев водопада. Он сразу привлек мое внимание. Продравшись через густой кустарник, я вышел на крутой скалистый берег и залюбовался мощной струей воды, низвергающейся с высокой скалы.

Чтобы получше разглядеть это чудо природы, я подошел поближе и вдруг заметил, что у кромок водопада на мелком месте по колено в воде стоит громадный бурый медведь. Спрятавшись в кустах, стал наблюдать за мишкой. Медведь часто вставал на задние лапы и что-то ловил в воздухе. Приглядевшись, я увидел, что косолапый ловил... рыбу. Рыба спокойно плыла по реке, но, поравнявшись с водопадом, быстро выскакивала из воды и, пролетев два-три метра по воздуху, шлепалась в пенистые буруны водопада. Чтобы удержаться в воздухе, рыба растопыривала свои плавники; они, словно крылья у птицы, помогали ей некоторое время парить в воздухе.

В тот момент, когда летящий хариус (а это был именно он) достигал конечной точки полета и должен был упасть в воду, четвероногий рыбак хватал его своими передними лапами.

Борис ЗЕРНОВ

А ЧТО У ВАС?

началась лишь в первые годы двадцатого века, когда первооткрыватель электрического источника света Александр Николаевич Лодыгин продемонстрировал на Парижской выставке вольфрамовую лампу. По сей день вольфрам остался основным компонентом комнатных электрических светильников, хотя сами они претерпели немало модификаций. Но, оказывается, свыше девяноста процентов энергии раскаленной добела спирали из самого тугоплавкого материала тратится впустую. Лампа накала — это печка, жара которой порой не

накаливания, все более успешно вытесняют их.

Чертю этому спору подводят строки Основных направлений, принятых XXVI съездом КПСС: «Обеспечить выпуск новых экономичных источников света с повышенными светоотдачей и сроком службы». Это задание имеет прямое отношение к светотехникам Мордовии, выпускающим каждую четвертую бытовую и люминесцентную лампу в стране. Саранское объединение «Светотехника» — крупнейшая электротехническая фирма не только в СССР, но и в Европе. Забегая вперед, можно сказать, есть все основания полагать, что завтра вместо традиционной лампочки в каждой семье появится маленькое солнце, чудо светотехники. Знакомясь с достижениями и перспективными планами мордовских светотехников, убеждаешься — перемены не за горами, они уже очерчены контурами реалий.

**ОТСЮДА
ВО ВСЕ КОНЦЫ СТРАНЫ
УХОДЯТ
САРАНСКИЕ
ЭЛЕКТРОЛАМПЫ.**

ИСПЫТЫВАЮТСЯ ПРОЖЕКТОРА.

Дальнейший рост экономической мощи немислим без вклада большой науки. Сегодня, когда экономика страны ждет от нее реальной отдачи, необходимо сосредоточить мысль на решении ключевых народнохозяйственных вопросов, на открытиях, способных внести подлинно революционные перемены в производство. Сократить дистанцию между учеными и производственниками, сплотить их усилия на ускорении научно-технического прогресса — задача первостепенной важности. С одной стороны, наука должна стать постоянным «возмутителем спокойствия», с другой — необходимо четко определить для нее практические задачи. «Научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы, — как отмечал на XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — следует теснее сомкнуть — экономически и организационно — с производством». По этому пути идут светотехники Мордовии.

**ГИГАНТЫ
СОВЕТСКОЙ
ИНДУСТРИИ**

**Слава ТАЙНС.
Фото Алексея ФЕДОРОВА.
Специальные
корреспонденты «Смены»**

Несколько лет назад весть о создании Эдисоном электрической лампы с угольной нитью накаливания вызвала бурю восторга во всем цивилизованном мире. Открытием восхищались, но ставить его на службу человечеству не спешили, уж очень недолговечным оказался источник света. И потому по-настоящему биография современных ламп накаливания

выносит термостойкое стекло, едва «в топку подбрасывают побольше угля», иначе говоря, когда скачет вверх стрелка вольтметра по шкале напряжения. И вот настало время пересмотреть отношение к стеклянной долгожительнице, ставшей неперемненным атрибутом каждой квартиры.

Потребности в комнатной лампе накаливания растут с каждым годом, а ей уже прочат судьбу отживающего свой век паровоза, поскольку у них одни и те же пороки, которые были извинительны до поры до времени, с ними мирятся за неимением лучшего. Конечно, сейчас трудно поверить в то, что укоренившаяся в быту лампочка исчезнет. Более того, немало сил и средств сегодня вкладывается, чтобы продлить ее «моторесурс». Но в то же время люминесцентные лампы дневного света уже стали достойными соперниками ламп

СТУПЕНИ РОСТА

Аксиому, что гигантами не рождаются, время отвергло. «КамАЗы», как акселераты, перечеркнули устоявшиеся взгляды на темпы развития предприятий. Промышленные суперзвезды растут буквально на глазах, заполняя индустриальный небосклон. В ряду с ними — производственные объединения родственных предприятий, связанные тесными узами кооперации, с четким разделением труда. Среди них — «Светотехника», объединение, которому исполнилось пятнадцать лет. Оно вступило в пору расцвета. У тех, кто стоял у колыбели отечественной светотехники, еще свежи воспоминания о трудном детстве Саранского электролампового. В назидание новым поколениям в музее предприятия хранится реликвия — детская фотография о рождении. Лаконичная

**СВЕРХМИНИАТЮРНЫЕ ЛАМПЫ
РОЖДАЮТСЯ ЗДЕСЬ.**

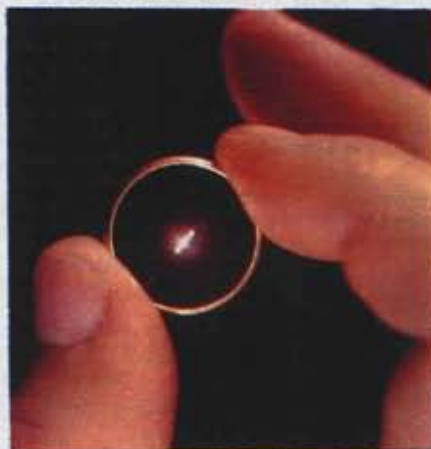

строка гласит: «Выделить для строительства электролампового завода экскаватор емкостью ковша 0,5 кубометра...»

Спустя семь лет после первого ковша прошли испытания в ОТК электрические лампочки, произведенные в Мордовии. В первый год их было выпущено 5,5 миллиона штук. В прошлом году «Светотехника» выпустила 5-миллиардную электролампочку. Причем для производства последнего миллиарда потребовалось всего лишь два года десять месяцев. Высокие темпы роста нынешнего производства были заложены именно тогда, когда формировался коллектив электролампового завода. Он и стал тем «ракетоносителем», который вывел на орбиту мировых стандартов советскую светотехнику.

Стремительный рывок саранцев в самом начале помог им преодолеть «земное притяжение» — старую технологию производства источников света, и вы-

**ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО
КАЖЕТСЯ ГИГАНТСКИМ
ОБРУЧЕМ ПО СРАВНЕНИЮ
С ТАКОЙ МИКРОЛАМПОЧКОЙ.**

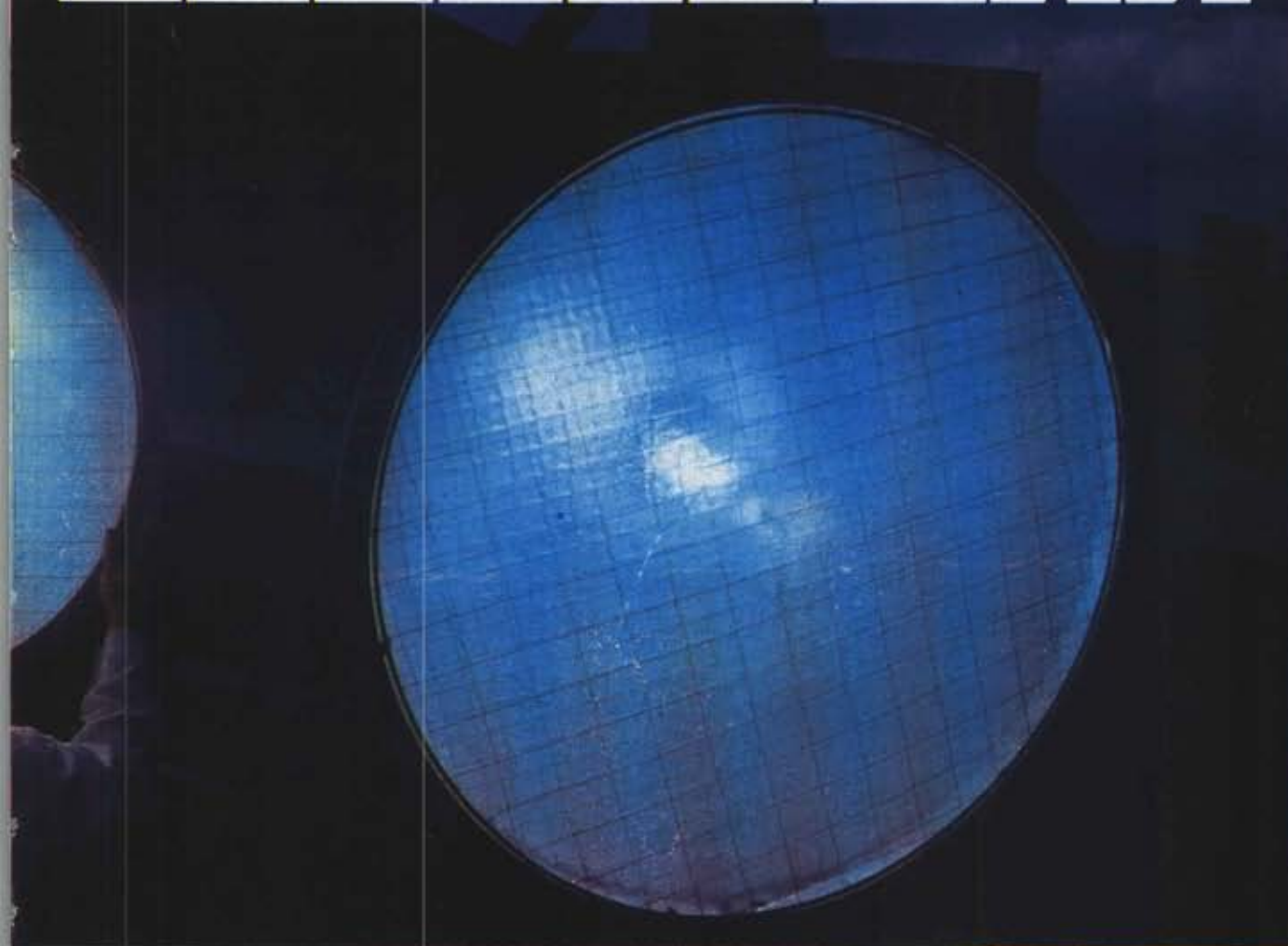
**В ТЕСНОМ СОДРУЖЕСТВЕ
С ПРОИЗВОДСТВЕННИКАМИ
РАБОТАЮТ СОТРУДНИКИ
ВСЕСОЮЗНОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА ИСТОЧНИКОВ СВЕТА.**

рваться вперед, к передовым рубежам светотехники. В первый год семилетки они обзавелись собственным стекольным производством, а два года спустя пустили цех люминесцентных ламп. Наладить серийное производство газоразрядных источников света помогли светотехники венгерской фирмы «Тунгсрам». Со временем сотрудничество с этой фирмой переросло в дружеское партнерство в рамках СЭВ. И в конце девятой пятилетки при содействии «Тунгсрама» была разработана и внедрена новая технологическая линия «Тисса», в полтора раза увеличившая производство ламп общего назначения.

**КОМСОМОЛКИ
НАДЕЖДА ЦЫМЦЛОВА
И ВАЛЕНТИНА КОРСАКОВА
ТРУДЯТСЯ В ЛАБОРАТОРИИ
КИНЕМАТИКИ И МЕХАНИКИ.**

СОЗВЕЗДИЙ

**ЕЩЕ МИГ—
И ЛАМПА ГОТОВА.**

В ЗАВОДСКОЙ ДИСКОТЕКЕ.

В те годы республика становилась на промышленные рельсы. Высокие темпы роста собственной индустрии сопровождался бурным ростом рабочего класса. В Саранске и в других городах Мордовии вводились в строй современные предприятия, требовавшие высококвалифицированных специалистов. «Светотехника» сделала ставку на молодых людей, оканчивавших средние школы, ПТУ, техникумы. Городская комсомольская организация рекомендовала на предприятия лучших. И вот вчерашние десятиклассники, получив путевку в рабочие, начали осваивать совершенно новое дело. Половина многотысячного коллектива Саранского электролампового в те годы — коммунисты и комсомольцы, почти треть из них — ударники коммунистического труда, около 70 процентов — люди с высшим и средним образованием. С таким рабочим классом можно было идти вперед опережающими темпами. В конце семилетия — в 1964 году было создано объединение «Светотехника» с Саранским электроламповым заводом во главе.

Идти в ногу со временем — значило использовать достижения научно-технической революции. Не только наращивать объемы производства, но и осваивать новую светотехнику, современную технологию. Это было предусмотрено, и спустя два года после начала серийного производства электроламп в Саранске был открыт научно-исследовательский институт, который должен был работать в тесном контакте с предприятием. Предполагалось создать научно-производственный комплекс, который разрабатывал бы и внедрял новинки светотехники. Этот альянс ученых и производственников зарождался в условиях, когда страна остро нуждалась в источниках света.

Расщепление ядра атома высвобождает колоссальное количество энергии. В доселе неизвестном микромире оказались скрытыми огромные потенциальные возможности. А какие возможности таит в себе раскопанный ум! Лаборатория ламп накаливания, в которую вошел с первых дней ее существования молодой специалист Семен Вугман, стала катализатором рождения новых идей.

Прошло совсем немного времени после создания лаборатории, и увидели свет новые лампы накаливания — инфракрасная и йодная кварцевая, прародительница современных кварцевогалогенных ламп.

Давно молодые энтузиасты внедрились в производство сверхминиатюрные лампы. Но до сих пор особое пристрастие питает к ним Семен Михайлович Вугман, теперь уже начальник отдела ламп накаливания Всесоюзного научно-исследовательского института источников света имени А. Н. Лодыгина (ВНИИИС). За разработки СМЛ он был удостоен Золотой медали ВДНХ. Вольфрамовая спираль в этих мини-лампах, используемых в ЭВМ, измеряется в микронах, монтаж ведется под микроскопом. 15—20 лампочек в смену делала поначалу целая бригада. «Мал золотник, да дорог», — иронизировали монтажники. Ныне налажено серийное производство. В прошлом году СМЛ было выпущено 28 миллионов. Сегодня отдел разработал сверхминиатюрную электролампочку для подсветки циферблата наручных электронных часов.

Ветеран отдела ламп накаливания, руководитель лаборатории Николай Александрович Ивенин — кавалер многих боевых и трудовых наград. Он создатель многих новых ламп, медалист ВДНХ. Но у Ивенина хобби обратное — макси-лампы. В его лаборатории рождались мощные галогенные лампы, открывшие новую страницу отечественной светотехники. В соседней лаборатории, возглавляемой автором четырнадцати изобретений Иоаном Авсеевичем Явно, создано более 80 типов ламп. Все они нашли применение в народном хозяйстве. Гордостью этой лаборатории стала разработанная здесь серия ламп

для аэродромного освещения. Золотая медаль осенней Лейпцигской ярмарки 1973 года была присуждена впервые в мировой истории люминесцентным амальгамным лампам, созданным творческой группой в составе Ю. Мещерякова, А. Федоренко, Г. Пономаревой.

Институт в Саранске стал ведущим научно-исследовательским центром светотехники страны. За достижения в разработке новых источников света он награжден 160 медалями ВДНХ. Научный центр связан тесными узами со многими предприятиями электротехнической промышленности страны, но наиболее прочная дружба возникла и продолжает укрепляться со «Светотехникой», новые корпуса которой по производству специальных источников света расположены тут же.

И хотя у института имеется свое опытное производство, что как будто бы позволяет ему быть автономным, многие разработки внедряются именно в объединении, где солидная производственная база позволяет быстро «обкатывать» технологию изготовления новых ламп. В отличие от многих предприятий страны, специализирующихся на выпуске определенных типов источников света, номенклатура Саранского объединения превышает 300 наименований, здесь широчайшие возможности для внедрения новинок светотехники. К тому же заводские КБ объединения выросли до конструкторско-технологических отделов, способных не только внедрять разработки института, но и вести собственные исследования.

Прежде чем перейти к рассказу о новинках светотехники, совершим экскурсию в производственный цех, где делают обычные лампочки, продлевающие для нас световой день.

Все начинается с того, что в небольшие печи типа мартеновских загружают силициум, попросту говоря, песок, очищенный от примесей. Затем под воздействием высокой температуры белоснежные крупинки «тают» и разжиженный силициум доводят до кипения, варят вместе с «приправой». Затем студенистая прозрачная масса либо непосредственно поступает к стеклодувам, либо застыивает и подается к разделочному столу в виде каменных глыб, которые при разогреве становятся податливыми, как пластилин. Из жидкого стекла выдуваются колбы по принципу мыльных пузырей. Но делают это люди не сами, а с помощью машин, «легким» которых не грозит профессиональная болезнь стеклодувов. Колбы закаляют для термостойкости, обжигая пламенем горелки.

Затем монтажники начинают их скрученной в спираль вольфрамовой нитью на стеклянной ножке, припаивают к предохранительным волоскам металлического колпака, выкачивают воздух, добавляя при необходимости светящийся газ. На контрольном стенде фиксируется первая вспышка новорожденной лампочки. Мастер ОТК проверяет ее жизнестойкость, и она маркируется. Причем нынешняя лампочка выпускается с растянутым напряжением, то есть с номиналом и «потолком», чтобы «выжить» от резких колебаний тока. Таким образом, появлению лампочки предшествует около сотни технологических операций.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Генеральный директор «Светотехники» Вячеслав Алексеевич Левакин, делегат XXVI съезда КПСС, считает, что новые идеи легко прививаются на предприятии, потому что большинство руководителей отделов и производственных подразделений выросли здесь же, в объединении.

— Наши специальные конструкторско-технологические отделы, — добавил В. А. Левакин, — это фактически свой научно-исследовательский институт. Сегодня наши инженеры-конструкторы уже ведут и собственные научные раз-

работки, внедряют их в производство и контролируют отладку технологического процесса. Поэтому мы смело можем сказать: у нас налицо сплав науки и производства. Часто над новой темой работают одновременно институт и объединение, внося каждый свою посильную лепту в исследование. Особенно эффективным оказалось это сотрудничество в процессе работы над металлогалогенной лампой.

В период подготовки к Олимпиаде-80 саранцам была поставлена задача — обеспечить освещение олимпийских объектов дневным светом. Задача не из легких, поскольку аналогов в советской светотехнике не было, а западногерманская фирма «Осрам» не желала расставаться с секретом, приносившим ей огромные барыши. Поэтому надо было создать принципиально новый тип ламп, обладающих повышенной свето- и цветоотдачей. Освещение должно было устроить и игроков, и зрителей, и операторов цветного телевидения.

И вот в короткий срок — за два года — были разработаны и внедрены в производство девять видов кварцевых металлогалогенных ламп. За активное участие в этой работе Ю. Архипов, руководитель отдела инженеров-конструкторов объединения, награжден орденом Дружбы народов. Среди трех авторов-изобретателей чуда светотехники и его коллега А. Будашев.

Совершенствование ламп накаливания привело к тому, что в их колбы стали добавлять так называемые галогенные смеси. Из-за оседания на стекле паров вольфрама со временем обычная лампа тускнеет, ее светоотдача уменьшается. Снять этот налет и сохранить яркость лампы до конца службы оказалось можно, если и ввести в лампу галоген и разогреть стекло до 700 градусов. Обычное стекло не годилось. Выручил более термостойкий материал — кварц. Он обладает к тому же и еще одним достоинством — выдерживает резкие колебания температур. Эти плюсы и открыли дорогу производству кварцевого стекла, позволили намного уменьшить габариты лампы, увеличив ее мощность, продлив срок службы в пять-шесть раз.

Саранский институт создал полтора типа галогенных ламп, из них 120 внедрены в производство, половина — на «Светотехнике». С введением галогенов и использованием кварцевого стекла лампа накаливания Лодыгина переживает второе рождение. Другое важное направление творческой мысли — создание и производство газоразрядных ламп. Это перспективное направление также раскрыло таланты заводских конструкторов.

Владимир Алявин, как и все; пришел в объединение из вуза. И сразу же стал заниматься дугowymi ртутными люминесцентными лампами высокого давления. Они нужны были для освещения городских проспектов и улиц, больших административных помещений и промышленных цехов. Новоиспеченному дипломанту понадобилось немного времени, чтобы заявить о себе по самому большому счету. С участием Алявина была создана лампа для теплиц. Но главное — разработана серия ламп, рассчитанная на механизированное производство, которое освоили впервые в стране на Саранском объединении. Сегодня инженеры-конструкторы приступили вместе с коллегами из соседнего института к выполнению новой важной задачи нынешней пятилетки — разработке маломощных ДРЛ для освещения жилых и рабочих помещений.

Под руководством Бориса Мельникова внедрена в производство ртутная лампа и для наружного освещения в городах и поселках Севера. Дело в том, что обычная газоразрядная лампа боится холода и не срабатывает, если температура опускается ниже 25 градусов. Поэтому в том же Норильске или Якутске для освещения улиц использо-

уют лампы накаливания большой мощности. Заводчане решили создать морозостойкую ДРЛ. Пять лет они бились над реализацией идеи, пытались закалить теплолюбивую газоразрядную лампу. В результате их упорство было вознаграждено с лихвой. Лампа успешно прошла испытание холодом. Но на этом ученые не остановились: сегодня они решают проблему увеличения срока ее службы и повышения светоотдачи лампы в северном исполнении. Молодым исследователям удалось втрое продлить жизнь газоразрядной лампы. Созданная ими модель обладает неоспоримыми преимуществами по сравнению с обычными лампами накаливания, используемыми в суровых краях нашего Севера: при одинаковой мощности ее светоотдача в четыре раза выше, она в шесть раз долговечнее.

Другой творческий тандем параллельно разрабатывал студию шаровую металлогалогенную лампу — ДРИШ. На сей раз заводчане также тесно скооперировались с москвичами из ВНИСИ. И также добились успеха.

А сегодня инженеры-конструкторы объединения «Светотехника» и научные сотрудники института продолжают работу над совершенствованием нового типа МГЛ, созданием их разновидностей — маломощных, для общего освещения. Эпицентр научного поиска перенесен на совершенствование технологии производства металлогалогенных источников света. Уже сейчас за счет модернизации и отработки технологического процесса срок службы некоторых ламп увеличился в полтора-два раза. И это существенно, поскольку речь идет об экономии редкоземельных металлов, вводимых в кварцевые колбы.

С переходом на серийное производство новых светосильных ламп перед саранскими светотехниками встала задача: в короткие сроки наладить массовое изготовление чистого кварцевого стекла, способного выдерживать колоссальные температурные нагрузки. Проблема заключалась в том, чтобы создать технологическую линию обогащения минерального сырья. До этого кварц выплавляли доморощенным ручным способом. В результате получаемое стекло не было кристально чистым, как это требовалось для производства новых ламп. Оно содержало не менее пяти сотых твердых минеральных примесей. Всю десятую пятилетку инженеры-конструкторы объединения в сотрудничестве с научно-исследовательскими институтами Свердловска, Ленинграда и Москвы разрабатывали механизированную линию обогащения кварцевой крупки. (Теперь она дает сто тысяч рублей экономии при выпуске одной тонны стекла.) В середине прошлого года началось освоение линии. Для ее отладки был создан специальный конструкторско-технологический молодежный коллектив (КТМК) — новая форма участия всех научно-производственных звеньев.

В состав КТМК вошло десять человек: инженеры-конструкторы, техники, лаборанты, рабочие. От основной работы никто их не освобождал, тем более что наладка линии значилась в плане отдела наряду с другими темами.

Для начала разработали план работы, выбрали комсорга коллектива — Виктора Сергушкина. Каждый отвечал за свой участок, но если возникали проблемы, их решали сообща. Строго следили за выполнением индивидуальных планов, и когда кто-либо отставал или где-то дело шло туго по объективным причинам, оперативно решали вопрос и подключали кого-нибудь в помощь. Но каждый и так делал все возможное, чтобы не подвести коллектив. Цель была предельно ясна: ускорить процесс отладки линии, сократить путь от разработки до внедрения. Но главное — самостоятельно довести до кондиции внедряемую технологию.

Ребята работали с огоньком, смывка всех звеньев происходила без всяких трений. В результате слаженности и

совместного творчества технологическая линия обогащения сырья была сдана на «отлично» и значительно раньше срока. Два члена КТМК—Владимир Левин и Вячеслав Фоминых, руководитель молодежного коллектива,—подали заявку на изобретение. Ими были созданы новый состав химической смеси для промывки кварцевой крупки и метод применения ее в производстве стекла. Экономический эффект новинки составил 14 тысяч рублей. Внедрение же всей линии позволило снизить содержание посторонних примесей в кварцевом стекле до пяти сотых долей, то есть в десять раз, и повысить объем кварцевой крупки в пять раз.

В нынешней пятилетке на «Светотехнике» будут внедрять технологию производства нового сырьевого материала для современных источников света—кварцоида, как окрестили искусственно созданный заменитель кварца. Он более чист и прозрачен, поэтому практически не искажает лучи света. Но главное, он будет дешевле: экономится 217 рублей на каждом килограмме по сравнению с производством высококачественного кварцевого стекла. Сегодня на опытно-промышленной установке могут производить лишь две тонны кварцевого стекла в год, а в конце пятилетки мощности возрастут в десять раз. Инициаторы разработки, положившей конец приоритету в этой области американской фирмы «Корнинг гласс уоркс»,—инженеры-конструкторы объединения.

РАЗБЕГ — ПОЗАДИ

Такой высокий ритм освоения научных разработок мордовские светотехники смогли задать потому, что решали проблемы роста производства в комплексе. Инженеры-конструкторы СКТО Саранского объединения, призванные осуществлять технологическое освоение новинок светотехники, вросли в производство, поняли его суть, трезво представляют его возможности. Как для преодоления земного притяжения космической ракете необходим форсаж—сверхусилия всех имеющихся двигателей, так и для быстрого перехода производства на новые технологические рельсы необходим весь накопленный потенциал промышленного организма, способного мгновенно перестроиться, направить все свои силы на внедрение новой научной разработки. С самого первого дня образования «Светотехники» здесь взят и последовательно проводится курс на наращивание производственных мощностей, на механизацию и автоматизацию труда, на освоение современных технологических процессов.

Чтобы представить себе, насколько успешно воплощается в жизнь комплексная программа развития, достаточно взглянуть на отчеты за прошлую пятилетку. Даже сухой язык статистики говорит о многом: почти на 71 миллион рублей, или на 45,8 процента, увеличил многотысячный коллектив объединения годовой объем производства, выпустил сверх плана продукции на 22,7 миллиона рублей. Лишь в саранском комплексе—головных предприятиях объединения за пятилетие было выполнено и внедрено свыше пятисот конструкторских разработок, давших более 2,5 миллиона рублей экономии. С другой стороны, за счет роста производительности труда получено почти 90 процентов прироста объема, что соответствует условному высвобождению девяти тысяч человек.

Главный конструктор объединения Валентин Терентьевич Самонов говорит, что возглавляемая им армия заводских разработчиков новой техники и передовой технологии неустанно следит за пульсом производства, постоянно заботясь о его здоровье. А это значит—разрабатывается и внедряется новое оборудование по всей технологической цепочке, чтобы избежать арит-

мии производства. Особая гордость главы конструкторов объединения—работа по наладке серийного производства металлогалогенных ламп. Оказывается, ОГК самостоятельно справился с этой задачей, изготовив и установив новейшее оборудование самых различных типов. Однако в поле зрения конструкторов, подчеркнул В.Т.Самонов, и повышение эффективности и качества производства обычных ламп накаливания.

В первом квартале этого года успешно прошли испытания опытно-промышленные образцы новой машины первичной намотки вольфрамовой спирали, которая вдвое увеличила производительность намотчиц. Собственными силами ОГК разработал и изготовил партию высокопроизводительных станков для вторичной навивки спирали, оснащенных электронным управлением контроля. Оба новых станка—для первичной и вторичной навивки спиралей—получат постоянную прописку в отрасли.

Многие технические новинки появляются в производственных цехах объединения после того, как оттуда поступит заявка. И тут широкое поле деятельности для молодых конструкторов. Их влечет самостоятельный поиск технических решений. Владимир Феоктистов, например, пришел в заводское КБ объединения в 1976 году, а сегодня сдает экзамен на изобретательскую зрелость.

До последнего времени один работник целую смену вручную поштучно загружал ленточный транспортер выдутыми механическим путем колбами бытовых ламп, на ощупь или на глазок проверяя их качество. Работа однообразная и малопривлекательная. Поэтому давно шли разговоры о замене человека промышленным роботом. Владимир взял за это дело. И вот в третьем квартале нынешнего года его машина приступит к исполнению своих обязанностей. Она будет извлекать свежеспеченные колбы из бункера, куда их доставит транспортер, автоматически ощупает «юбку» и отправит подходящую заготовку на конвейер.

Тесная связь с производством порождает у молодых конструкторов массу вопросов, но главный—как облегчить труд человека, увеличить отдачу производственной линии, найти резервы для экономии? Поэтому самая интересная работа у Владимира Феоктистова и его коллег—конструирование машины автоматической загрузки шихты в стекловаренную печь. Еще раньше была решена проблема механизации загрузки, но высокое качество смеси не обеспечивалось. Конструкторская разработка, основное решение которой по праву принадлежит Феоктистову, перевела рабочий цех за пуль управления и повысила качество изготовления стекла.

Насколько важны эти два решения, прокомментировал бригадир Александр Якутин. В его коллективе всего шесть человек, но каждый, как он выразился, на вес золота, потому что малейшая несработанность влияет на общий показатель качества продукции. А бригада при норме выпуска 24 тысячи колб в смену выдает на-гора по 30 тысяч и более. По итогам соревнования она заняла второе место в отрасли.

Александр девятый год в бригадирах. Пришел на завод после окончания средней школы и, минуя цех, попал в техническое училище при предприятии. Стал специалистом-выдувальщиком стеклянных колб механическим способом, с помощью машины-автомата. Якутин не просто оператор, который гонится за валом, выжимая из огромного податливого робота все возможное. Нет, он искусный, влюбленный в свою профессию мастер. Как-то Якутин, показывая на одутловатую грушевидную раскаленную добела колбу, сказал: «Стекло, как живое, поэтому требует к себе тонкого отношения. Я по оттенку его цвета могу установить, хорошая или плохая продук-

ция идет: если выдутая масса молочно-го цвета, значит—порядок, чуть красноватая—брак».

Вовремя уловить момент, когда поступающее с соседнего участка жидкое стекло вышло за пределы необходимого температурного режима,—главная забота Александра Якутина. Чтобы этого не случилось, ему важно теперь лишь «свистнуть», как он выразился, соседям-стекловарам, чтобы те слегка подняли температуру в своей печи. Остальные претензии к качеству жидкой расплавленной массы практически сняты после перевода стеклоvarной печи на автоматический режим работы.

С нетерпением ждет Александр обещанного Владимиром Феоктистовым робота по загрузке и разбраковке готовых колб. Все это пока делается вручную, работа однообразная и утомительная. Многие ее просто не выдерживают и уходят с участка. Но сегодня передовой бригадир уже с радостью потирает руки, предвкушая победу технической мысли.

Пятнадцать лет назад пришла в цех ламп накаливания Нина Яшина, ныне руководитель комсомольско-молодежной бригады. Росло производство, росла и она. Сегодня бригадир с гордостью говорит о том, что в прошлом году их коллектив трижды занимал призовые места в отраслевом социалистическом соревновании, перекрывая плановую норму на 35 процентов.

В начале этого года по инициативе бригадира в коллективе прошла апробация новой формы оплаты труда—по коэффициенту трудового участия. Был создан совет бригады, который ежемесячно подводит итоги, кто как сработал, как относился к делу. При этом учитываются выполнение плана, экономия, сырье, процент сдачи продукции с первого предъявления, трудовая дисциплина. В результате в первом квартале этого года бригада поднялась еще на одну ступеньку, выполнив план на 145 процентов. Кроме морального удовлетворения, каждый из членов бригады сейчас получает солидную тридцатипятипроцентную надбавку к зарплате.

Последние годы, характерные бурным научно-техническим прогрессом, резко возросла на «Светотехнике» зависимость результатов труда от совместных усилий всех подразделений. Поэтому в объединении разработаны и утверждены положения о производственной бригаде и бригадире, о совете производственной бригады, о совете бригадиров объединения, о применении коэффициента трудового участия. В этом году будет создано дополнительно 110 бригад, что охватит в целом половину рабочих объединений. На конец пятилетки бригадной формой организации труда будет охвачено свыше 82 процентов рабочих объединений. Введение бригадного расчета, по предварительным наметкам, повысит производительность труда бригад в среднем на полтора-два процента, сэкономит материальные ресурсы по бригаде на 2—3 процента.

Внедрение вычислительных машин в управление технологическими процессами позволяет экономить материалы, труд, топливо. Так, освоение АСУТП шихтоприготовления повысило производительность труда в смешительно-дозировочном участке в два раза и долю продукции первого сорта с 70 до 100 процентов. Годовая экономия составила более 100 тысяч рублей. Внедрение АСУТП стеклоvarения позволило повысить производительность труда на 27 процентов.

Перед светотехниками Мордовии в одиннадцатой пятилетке стоят огромные задачи. Объем производства Саранского объединения в сопоставимых ценах должен быть увеличен более чем на 56 миллионов рублей. Предусмотрено серийное производство 74 новых прогрессивных видов изделий. Все это даст техническое перевооружение. Разработчики ВНИИИС и «Светотехники»

приступили к намеченному на новую пятилетку созданию и внедрению нового типа бытовых ламп—газоразрядных люминесцентных, ввинчивающихся в обычный электрический патрон. Их преимущества неоспоримы: при той же мощности они будут обладать в пять раз большей светоотдачей и станут в 15 раз долговечнее, чем лампы накаливания.

Хотелось бы сказать и еще об одном мощном факторе в борьбе за экономические показатели. Саранск—город промышленный, предприятий, где ощущается нехватка рабочих рук, рядом с объединением сколько угодно. Но не спешат менять профессию светотехники. Руководитель конструкторского бюро Яковлева утверждает, что закрепление кадров способствует интересной работе. «Да, именно интерес к работе,—подчеркивает она.—Ведь так прекрасно чувствовать себя автором новинок светотехники, участвовать в творческом созидательном труде. Недавно меня пригласили на заседание комитета комсомола, где отчитывалась моя сотрудница, и я спросила, что удерживает ее здесь, ведь она получила предложение перейти в соседний институт. Она, не раздумывая, ответила: «Здесь интереснее». И так думают многие».

Другая немаловажная причина—материальная заинтересованность. За пятилетие заработная плата в объединении, выросла в среднем на 11,4 процента. Эти проценты выглядят еще внушительнее, если учесть, что механизация и автоматизация намного облегчили труд. Генеральный директор объединения Вячеслав Алексеевич Левакин считает, что главный плюс, который перевешивает чашу весов у колеблющихся в выборе места работы,—это материальные и прочие блага. «Забота о людях—постоянная обязанность не только «генералитета», но и всех руководителей подразделений. Ведь от психологического настроения человека зависит и его отдача. Важно создать для рабочих и служащих такую атмосферу, чтобы у них не болела голова о каких-то неудобствах, от неустраиваемости. В первую очередь мы заботимся о жилищных условиях. Созданной нами строительной организации выделяем сегодня 2,5 миллиона рублей в год. И вводим по 13—15 тысяч квадратных метров жилья. Уже вырос целый городок светотехников вместе с детскими комплексами и магазинами».

В объединении свои дома отдыха, профилактории, поэтому ни у кого не возникают проблемы с путевками. Отдыху уделяется большое значение. «Мы придерживаемся народной мудрости,—улыбаясь, говорит Вячеслав Алексеевич,—«В здоровом теле—здоровый дух». И забота о здоровье заключается не только в том, что на предприятиях созданы свои поликлиники, но и в проведении ставших уже традиционными дней здоровья. Каждую зиму организуются эстафетная лыжная гонка всех руководящих работников объединения—от генерального директора до бригадира. Все это создает хорошую атмосферу в коллективе «Светотехники», сплачивает людей, живущих единой трудовой семьей.

Итак, биография лампочки Лодыгина не закончена. Мордовские светотехники создали целую плеяду прекрасных источников света. Но они, хотя и планируют более чем в два раза увеличить в этом пятилетии производство люминесцентных ламп, разрабатывая уменьшенную модель бытового назначения, думают над тем, как сохранить жизнь и традиционной лампе накаливания. Перспективен поиск в этом направлении—покрытие поверхности стеклянной колбы специальной пленкой, не пропускающей инфракрасные лучи. При этой же мощности отдача ламп повысится в два раза. Сплав науки и техники с производством позволит мордовским светотехникам и впредь идти в авангарде отрасли.

Я боготворю горы. В горах, на которую я иду, я никогда не чувствую противника. Я в ней вижу друга, партнера. Горы никогда не подводили меня и никогда не обманывали. Они честно мне показывали свои карты. И если я иногда не мог как следует эти карты разглядеть, то это вина моя, а не гор.
Виктор Павлович НЕКРАСОВ,
 заслуженный мастер спорта

Сотни тысяч людей отдыхают в горах, тысячи занимаются спортивным альпинизмом. Что манит в горы? Наверно, прежде всего сами горы, прекрасные, неповторимые, разные. Каждый горный район — это поток открытий, это вживание в новую природу, добровольное подчинение ее диктату, познание живых форм мира.

Вот запись из моего памирского блокнота:

«В самодельных козырьках, сделанных из кусков картонных ящиков, похожие то ли на гуманоидов из «летающих тарелок», то ли на маскарадных аистов, мы отправляемся на восхождение. Оптимальное время выхода — пять утра. Тогда некоторое время можно идти без солнца. В конце концов оно взойдет и в две минуты высушит мокрые спины футболок, и рюкзаки задымятся на привалах. Потом уже, к началу дня, настанет серая, ровная жара, голубое памирское небо поблекнет, от камней станет подниматься жар, дальние планы задрожат в токах раскаленного воздуха, стальные плиты льдов, свисающие с вершин, станут медленно оплывать и размягчаться. Загрохочут с отвесных стен камни, вонзаясь в глубины вялых, теплых снеговых склонов, станут ударяться о другие камни, запахнет кремнием. Сухие русла наполнятся водой, скромные утром ручьи и речки стремительно набирают вес, и к четырем часам дня потоки мутной воды уже

Когда в послевоенные годы мы стали заниматься горовосхождениями, вид наших бравых рюкзаков вызывал у окружающих лишь два замечания. Вопрос: «И сколько же вам за это платят?» — и высказывание, ставившее под сомнение наши интеллектуальные способности: «Умный в гору не пойдет». Но спустя какое-то время отношение к человеку с рюкзаком стало потихоньку меняться. В последнее время в связи с намечающейся экспедицией на Эверест разговоры о базовых и промежуточных лагерях, качестве ледовых крючьев и особенностях гипоксии стали котироваться, как весьма важные. Даже пенсионеры, видевшие Эльбрус лишь с кислородских плоскогорий, считают необходимым вставить два-три замечания по поводу предстоящего восхождения на гима-

«УМНЫМ В ГОРУ НЕ ПОЙДЕТ»?

Юрий ВИЗБОР.
 Фото Виктора ЯНЧЕНКОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ
 АЛЬПИНИСТА

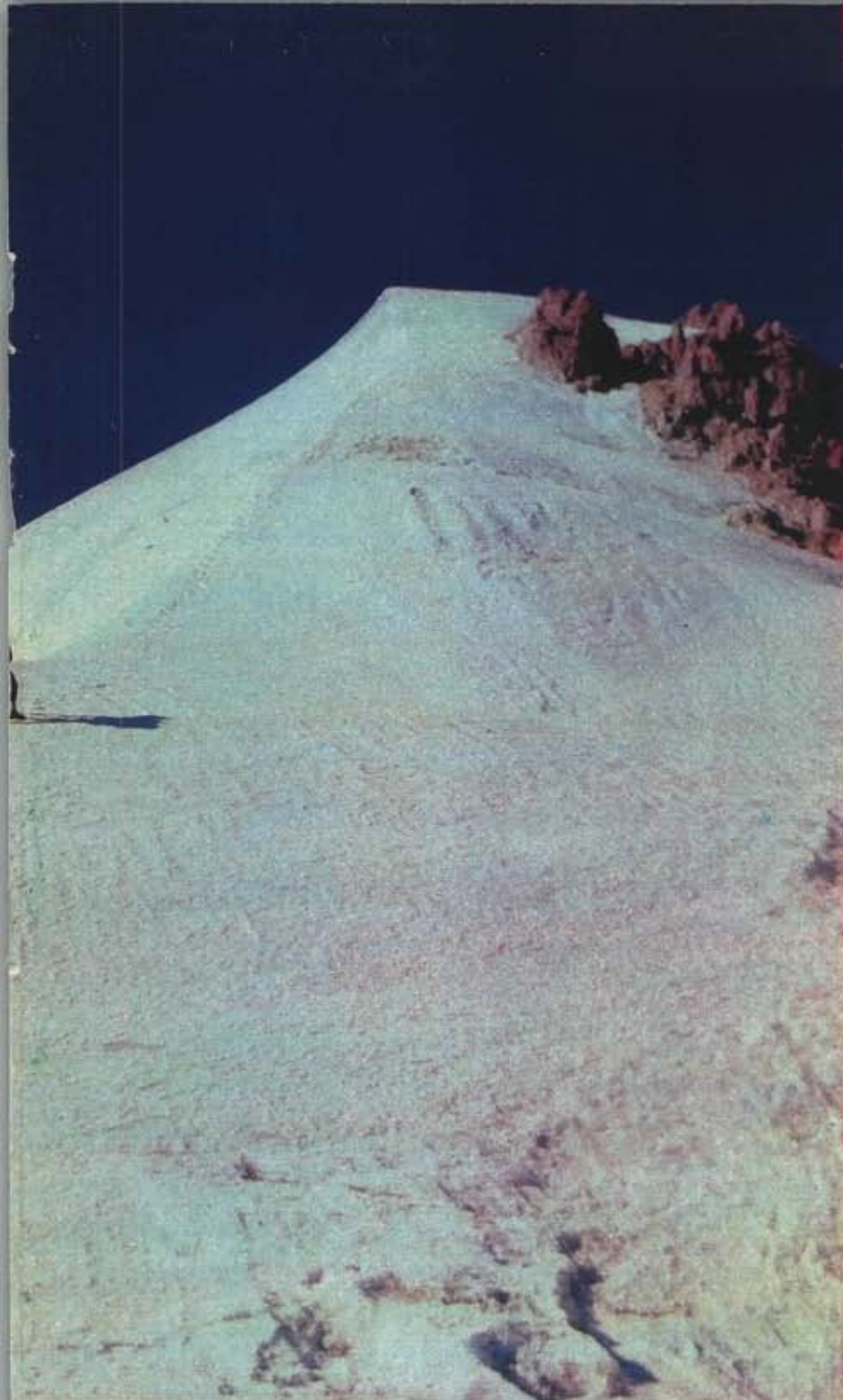

«ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ГОРЫ».

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ БРОСКОМ.

лайский гигант. Попутно хочу сказать вот что: конечно, предстоящая гималайская экспедиция — явление в альпинизме выдающегося порядка. Однако иной раз создается впечатление, что дело это совершенно невиданное, незнакомое. Конечно, выше отметки 7495 метров наши горовосходители не поднимались. Это так. Но при всем радующем душу общественном внимании к планирующейся эверестской эпопее не следует, думается, забывать, что за плечами у советских альпинистов маршруты огромной сложности, в том числе и высотные; что на международной арене и советские восходители и пройденные ими пути давно пользуются почетом и уважением; что нашими спортсменами в зарубежных горах покорены с наилучшими показателями самые знаменитейшие маршруты. Так что отдадим дань Эвересту, поставим его, как великолепный алмаз, на центральное место, тем не менее справедливо окружим его многочисленными и уже завоеванными драгоценностями самой высокой пробы...

**В СТРАНЕ
ЛЬДА И СНЕГА.**

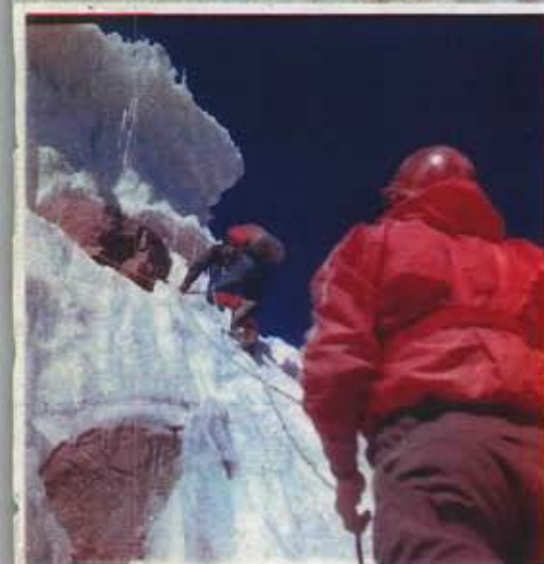
НА ВЕРШИНЕ.

грохочут повсюду, волоча по дну камни. Нет в этот час совершенно никакой надежды, что солнце когда-нибудь зайдет. Ничто не дает тени. Серебряные палатки напоминают доменные печи. Вальжные киики — горные козлы, — забравшись на какой-нибудь уступ, откуда видно далеко, лениво лежат, не в силах заняться своим основным делом — пощипывать короткую высокогорную травку.

Наконец, солнце, наизнанное на остроконечный ледовый гребень, каля и прожигая камень последними стрелами, сваливается за хребет. Мгновенно, с непостижимой последовательностью и быстротой из нижних ущелий, тесных сумерками, начинает дуть ровный холодный ветер, срывая с наших голов странные картонные козырьки. Мигом набрасываем теплейшие пуховые куртки, напяливаем пуховые штаны. Отгороженное от ветра плоским камнем, поставленным на ребро, начинает подвывать пламя примуса. На светлом небе быстро возникают звезды. Ветер рвет полотнища палаток. Ревут реки и ручьи, переполненные до краев. Среди звезд быстро и молча скользят искусственные спутники Земли. Звездное небо, давно покинувшее города, сохраняется во всем своем великолепии только высоко в горах да на орбитальных станциях. В лимонном сиянии из-за аспидно-черного гребня выходит луна. Камни еще теплы. Это день подходов, это ночь на высоте четырех с половиной тысяч, это юго-западный Памир...»

Горами можно любоваться бесконечно, смотреть на них, как на огонь или бегущую воду. Однако альпинист относится к горе прежде всего как к объекту своего творчества. Подобно художнику, обдумывающему композицию картины, альпинист размышляет о тактике. Он выбирает крючья, как живописец краски. Он должен создать картину, протяженную во времени и пространстве. Время его ограничено массой условий: собственными

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ.

**В ТРЕЩИНАХ
ЛЕДНИКА.**

**СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ
В ГОРАХ.**

силами, весом взятого груза, продуктами и возможностью достать воду, наконец, погодой. Пространство, которым он располагает для творчества, велико и предельно насыщено трудностями, причем чем ближе к зрелому возрасту мастер горного «произведения», тем выше степень этой насыщенности. Альпинист решает уйму вопросов. Многие из них — чисто философские, я бы сказал, мировоззренческие, в диапазоне: от щемящей, неясной радости перед восхождением — до «А вообще зачем мне это надо?»; от безграничной веры в свое сердце — до предела, когда тревожно прислушиваешься к своим глубинам, более, кажется, далеким, чем космос; от безалаберного «Ничего, прорвемся!» — до дотошного, скважного подсчета всех мыслимых вариантов неудач. Противники альпиниста — скалы, лед, холод, ветер, снег, гипоксия — всегда находятся в хорошей форме. Работают без выходных дней. И хотя проводится первенство страны и выдаются, как и положено, медали, в альпинизме человек соревнуется не с человеком. Идет спор не с секундами, метрами, милями. В альпинизме человек соревнуется с природой, с ее бесчувственными и безжалостными силами. В конце концов он возделывает сам себя, засеивает поле своей судьбы мужеством, возвращает в себе мощные и прекрасные восходы. От этого и накапливается в альпинисте мудрость философа.

Иногда филозофиты впадают в грех анимизма, рассуждая о том, как горы относятся к ним, кого из них любят, на кого косо смотрят, кого прогоняют. Простим им эти вечерние разговоры. Лучше думать о том, как мы сами относимся к тому, что любим, — к горам. Как и океан, горы кажутся бездонными, безграничными, неисчерпаемыми. Однако стоит подняться на Кавказе на одну из «зачетных» вершин, куда водят новичков, чтобы с печалью убедиться, что мнение об океанской «бездонности» гор (равно как и о бездонности самого океана) не соответствует действительности. Думается, что даже за множество лет стихийным силам не под силу стереть след пребывания человека на девственных когда-то вершинах гор.

В этой связи хочется вспомнить одну поучительную историю. К сожалению, поучительным моментом здесь оказался поступок нескольких альпинистов из маленькой европейской страны, гостивших в одном из кавказских альпинистских лагерей. В тот день, когда эта группа вернулась с восхождения (так как был их первый маршрут, вершина была выбрана несложная), весь лагерь, как это принято, выстроился на линейке встречать гостей. Они пришли, чрезвычайно довольные походом, но одна странная деталь удивила собравшихся — их рюкзаки, которым положено в последний день восхождения быть тощими, оказались набитыми до предела. Начальник учебной части лагеря поинтересовался, что же за диковины иностранцы принесли с вершины. В ответ на его вопрос они попросили показать, где в лагере находится мусорная яма. Им показали. Не раздеваясь, они направились к указанному месту и вывалили в яму то, что принесли с собой с горы: пустые банки от съеденных ими консервов и вдобавок старые и ржавые, сколько могли унести. Начальник учебной части не сказал ни слова, но на следующий день почти все участники вышли «на уборку вершины». Там был наведен, естественно, порядок, однако, как мне кажется, совершенно не обязательно дожидаться прихода иностранных гостей, чтобы прийти к такой простой хозяйской мысли.

Горовосхождения постоянно рождают новые отношения между людьми, причем отношения ясные и недвусмысленного толка. Самый простой прием взаимостраховки в го-

рах — связка — накладывает на каждого участника взаимные обязательства ответственности за жизнь партнера. Так ли это просто? Так ли несложно часами в полной неподвижности, часто не видя товарища, работающего за перегибом склона, ежесекундно быть готовым к тому, чтобы удержать его в непредугаданный и страшный миг падения? Так ли уж привычно, преодолев глубочайшие инстинкты, бросить в пропасть свое собственное тело, когда под твоим товарищем внезапно обрушивается карниз и обе ваши жизни зависят от твоего немедленного броска в сторону, противоположную падению друга? Связка — это не просто технический прием восхождения. Связка в горах — основа спортивной, человеческой идеологии коллективизма. Я не думаю, что в основе коллективистских отношений лежит популярное дидактическое рассуждение: отдай ему свою последнюю рубашку, тогда в случае чего он отдаст тебе свою. Нет, эти отношения основаны на любви, а любовь не знает счета.

Как-то в период работы в Международном альпинистском лагере мне довелось беседовать с одним западным альпинистом. Темой беседы было одиночное хождение в горах, довольно широко распространенное за рубежом. Мой собеседник высказывался примерно таким образом: «Видишь ли, когда я иду вверх вместе с партнером, я предпочитаю обходиться без связки. Я полагаю только на себя, как и все мы в этом мире. Тебя не связывает сила или слабость партнера. Его темп. Его раздражающая склонность то и дело останавливаться и делать снимки. Его техника. Максимально быстро иду вперед. Если он отстает, это его личное дело. Почему я должен страдать или подвергать себя риску из-за того, что кто-то плохо дышит? Из-за того, что кто-то оступился? Поэтому я всегда предпочитаю, чтобы примус был в моем рюкзаке. Примус — это вода, вода — это жизнь. В конце концов смерть — явление чисто индивидуальное, не так ли?»

Разговор происходил после лыжного катания в ресторане кавказской гостиницы «Чегет». Оркестр заиграл, подпрыгивая: «Пора-пора-порадуемся на своем веку...» Любитель носить примус в собственном рюкзаке улыбнулся мне, загасил сигарету и пошел танцевать. Думаю, что он ни секунду не сомневался в том, что просто и доходчиво растолковал мне, как надо жить. Ну что ж, я понял его.

Этими же соображениями руководствовались 7 июля 1934 года на высоте 7900 метров альпинисты Шнейдер и Ашенбрэннер после безуспешной попытки германской экспедиции взойти на Нанга-Парбат. Когда повалил снег, на самом трудном участке спуска они отстегнулись от носильщиков, верой и правдой служивших им, и практически бросили их на произвол судьбы. Темп спуска шерпов показался альпинистам недостаточным. Двое носильщиков погибли на этом участке, третий — в нескольких метрах от лагеря № 5. Еще три дня сверху доносились душераздирающие крики о помощи, но никто на помощь не вышел. Каждый из них, образно говоря, имел с собой «свой примус».

Я далек от мысли, что коллективизм в нашем спорте горовосходителей какой-то особый, чуть ли не кастовый. Не раз и не два во время своей журналистской работы я попадал в коллективы людей, где острое чувство содружества было главенствующим в отношениях между людьми. Сразу же возникало у меня ощущение давнего знакомства с парнями, только что вернувшимися с проходки тоннеля на трассе Абакан — Тайшет и с вахты на подводной лодке, и с топографической съемки в маленьком городке Набережные Челны, еще не знавшем о своей большой судьбе, и с дежурства у перегружающейся в тяжелых льдах маши-

ны ледокола. И это ощущение сродни тому, которое испытываешь в горах. Яков Григорьевич Аркин писал: «...как забываемо и радостно чувство, когда знаешь, что веревка, которая удержит тебя в минуту опасности, в надежной руке друга, что его глаза внимательно следят за тобой и в любой момент он готов прийти тебе на помощь... Я смотрю на ваши лица, друзья, отвечаю на ваши улыбки и думаю, что нет такой вершины, которую не победила бы человеческая дружба».

Но не только в дружбе залог успеха в горах. Хочь коснуться вопроса, который — увы! — много лет волнует альпинистов, — это снаряжение. Безусловно, было время, когда бумажные свистки с растянутыми до размеров декоративных воротами считались надежной защитой от высокогорных невзгод, когда триконы закапывались в мастерских «Металлоремонт» и собственноручно прибавлялись участниками восхождения на лыжные ботинки или чудовищные башмаки, имевшие прозвище «студбеккеры», когда дефицитные ледорубы были неизменной длины и на их стальных головах стояли четыре буквы: ОПТЭ — Общество пролетарского туризма и экскурсий. Кстати, несмотря на некоторую немодность по нынешним временам, ледорубы эти были прекрасны. Особенно они вспоминались в последней экспедиции, когда автор этих строк сломал при простейших операциях два новейших современных ледоруба. По сравнению с прежними временами сегодня альпинисты снаряжены неплохо. Но качество этого снаряжения низкое, часто очень низкое. С одеждой и разным вспомогательным составом снаряжения еще можно как-то мириться. Однако «железо» ведь должно держать, а не гнуться и не ломаться. Поэтому всеми правдами и неправдами члены спортивных команд где-то заказывают для себя более надежные головки ледорубов, ледовые и скальные крючья, зажимы и так называемые абазы — одним словом, все «железо». И охотников за этой самодельной продукцией, право, не упрекнешь. Они с удовольствием пользовались бы штатным снаряжением, если бы оно отвечало своему назначению.

Особо, очевидно, надо сказать о проблеме, не раз уже поднимавшейся альпинистской общественностью в прессе. Речь идет вот о чем: когда альпинист уходит на восхождение, у него нет никакого желания попасть, предположим, в лавину. Однако это происходит с частотой, которую хотелось бы уменьшить. И происходит не только во время спортивных занятий. Значительная часть горной территории нашей страны лавиноопасна. Что может спасти человека, который попал в лавину? Только одно — если его быстро найдут. Однако площадь расползок зачастую бывает так велика, а снег такой глубины, что надежда только на счастливых случай.

Как найти быстро человека, лежащего и, может быть, потерявшего сознание под трех-пятиметровым слоем снега — и чаще всего это снег языка лавины, имеющий крепость бетона? Есть два способа. Первый заключается в том, что, выходя на лавиноопасный склон, каждый из альпинистов достает из рюкзака длинную яркого цвета веревку, так называемый лавинный шнур. Считается, что, когда альпинист попадет в лавину, конец этого шнура должен остаться на поверхности и, двигаясь по нему, спасатели быстро придут к его хозяину. Что и говорить — хлопотно это, да и не всякий склон кажется лавиноопасным, да и шнур этот, надо сказать, далеко не всегда оказывается на поверхности. Второй способ — завести замечательных собак сенбернаров или какой-то иной породы. Это надежней шнуров, но «осенбернарить» все спасательные станции и горные поселки, думаю, не представляется возможным. Кроме

того, при транспортировке по воздуху в район несчастья собаки терпят остроту ноха.

Но вот нашли третий путь — исключительно простой и стопроцентно надежный. Это прибор инженера С. Л. Зарха под названием «Поиск». Прибор имеет свою драматическую историю: 8 марта 1969 года в Приэльбрусье, участвуя в спасательных работах, погиб в лавине инструктор альпинизма Евгений Зарх — сын изобретателя. Сразу его не смогли разыскать в огромном объеме снега, и найден он был только летом... После этой трагедии отцом погибшего был создан простой и недорогой прибор — величиной со спичечный коробок и весом чуть более его. Этот прибор кладется альпинистом в карман. И все. В случае попадания в лавину человек обнаруживается другим поисковым прибором величиной с карманный фонарь в течение нескольких минут.

Прибор прошел испытания в ряде высокогорных районов страны и получил высокую оценку альпинистов. Множество людей пыталось помочь создателю «Поиска» преодолеть бумажную рутину, которая перекрывает подходы к предприятию, способному наладить выпуск этого прибора. Среди них — Н. С. Тихонов, писатели М. А. Дудин и В. Д. Поволоев, ученые Е. И. Тамм и А. М. Гусев, журналисты, известные мастера альпинизма. В Федерации альпинизма СССР хранится пухлая папка переписки с различными инстанциями по этому вопросу, и, право же, по этим документам можно написать книгу с печальным названием «Равнодушие». До сих пор прибор, в котором кровно заинтересованы не только спортсмены, но и строители, горняки, пограничники, топографы, геологи — словом, все, чья жизнь, работа и отдых проходят в горах, — не выпускается. Будем откровенны — за медлительность, неповоротливость, невнимание к производству прибора «Поиск» мы расплачиваемся не падением престижа, не финансовыми неприятностями. Мы расплачиваемся человеческими жизнями!

Десять лет назад к фильму «Вертикаль» Владимир Высоцкий написал песню, в которой были такие слова: «Ведь это — наши горы, они помогут нам!» Буквальное значение этих слов может вызвать возражения. Но в них содержится другая правда — правда художественного образа. Да, работая, путешествуя, отдыхая в горах, мы вступаем с ними в определенные отношения. И если горы иной раз и прощаются нам наше легкомыслие, несобранность, то мы же сами зачастую относимся к горам как потребители. Наш «роман» с ними утратил животрепещущее волнение первой любви. Впрочем, это особая тема, которая требует своих отдельных комментариев. Одно хотелось бы сказать: горы надо любить первой любовью. Все остальное приложится.

В горах все становится ясным — кто ты, кто я. В горах ты думаешь о себе и о вечности. Ты узнаешь себя так, как никогда бы не смог изучить на равнине. Умение постоять за право на жизнь — вот что ты доказываешь в горах. И доказываешь самому придирчивому оппоненту — себе самому.

...Вот и одна из последних записей из моего горного дневника:

«...Шипел и возмущался под ветром примус, хлопала брезентовые полотнища большой хозяйственной палатки. Ночь была безлунная, но звезды светили так ярко, как им положено светить высоко в горах и на орбитальных станциях. Внезапно со стороны сказочно красивого пика Ашам стала подниматься яркая зеленая звездочка, будто желая присоединиться к своим подругам на небе. Это была ракета — весточка от группы Климашина. Они лезли на стену Ашам и докладывали, что у них все в порядке».

Юрий ПОРОЙКОВ

Рисунок
Юрия КОСМИНИНА

Стоим в ночи, холодной и пустой,
К далеким звездам запрокинув лица.
И чуда ждем. Мы знаем — в бездне той
Оно живет и до поры таится.

Что движет нами в этот смутный миг,
Когда, в себе сомненья разрушая,
Мы вдруг откроем рядом странный мир,
Что молчаливо смотрит, вопрошая.

Тревожный мир — ни дна, ни берегов,
Насмешливо в глубины приглашая,

Что бы там ни случилось,
с тобой не прощаюсь.
Не страшусь я разлуки —
юдологи земной.
Уходя от тебя,
я к тебе возвращаюсь —
так, как будто не знаю
дороги иной.

Что бы там ни случилось,
с тобой не прощаюсь.
В прегрешеньях не каюсь:
о чем сожалеть?
Уходя от тебя,
я к тебе возвращаюсь,
не успев половины пути
пролететь.

Хиромантия

Вновь входит в моду хиромантия.
Судьбу спеша предугадать,
Ладонь мою, как хрестоматию,
Берется некто прочитать...

И я смотрю в ладонь открытую —
Неужто вправду там видна
Вся жизнь моя, доселе скрытая,
Вдруг обнаженная до дна?

О, сколько здесь всего наверхено!
Зигзаг, излом и вновь зигзаг...
Быть может, это след от женщины,
С которой вышло что не так?

Весну перехватил я у ворот —
Куда-то шла
с большой охалкой снега.
Но что мне снег?
Он вовсе не помеха.
Куда обидней —
мимо пронесет.

— Кому несешь, красавица, свой снег?
— Да никому.
Достался он в наследство.
Что делать с ним?
Быть может, знаешь место,
где можно спрятать,
добрый человек?

— Отдай его мне.
(Надо угодить! —
Весна давно не делала подарка...)
К груди прижму.
Там, у души, не жарко
И сердце не боюсь я застудить.

— Не пожалей! —
И словно не была,
лишь на прощанье взглядом упрекнула...
И вот стою и плачу:
обманула!
В ладонях пусто —
голова бела.

Он ждет от нас каких-то нужных слов,
Ответных нам, увы, не обещаая.

Огромный мир, и мы песчинки в нем.
Плывем себе, едва ли представляя,
Откуда мы, зачем, куда плывем,
Что оставляем, в Лету уплывая?

Ночь не советчик. О, она хитра!
На все найдет, коль надо, возраженья.
Она, как мы. Лишь наше отраженья.
Как мы — бессильна. И как мы — мудра.

Что бы там ни случилось,
с тобой не прощаюсь.
И хулы не боюсь.
Что она мне, хула?
Уходя от тебя,
я к тебе возвращаюсь,
даже если в полете
ломались крыла.

Что бы там ни случилось,
с тобой не прощаюсь.
Нет, не хмурюсь от ветра,
не прячу лица.
Уходя от тебя,
я к тебе возвращаюсь,
чтоб начать все с начала,
а значит — с конца.

Обиды, беды, зло, сомнения,
Мой первый стих и первый бой —
В одном штрихе — все поражения?
И в черточке одной — вся боль?

Вся жизнь моя с ее утратами,
Возможно, здесь отражена,
Но никакими хиромантами
Не угадается она.

Ведь если бой с врагом завяжется,
Узнает лишь заклятый враг —
Я не ладонью бью, а тяжестью
Утрат, спрессованных в кулак.

Конкурс
одного стихотворения

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Николай ОБОЛОНСКИЙ,
плотник,
г. Одинцово, Московской области

Отец

Мне — семь годков.
И пять — моей сестренке.
И лишь по фото знаем мы отца.
И хворост возит мать проулком звонким,
не пряча от седых ветров лица.
Зимой все съест прожорливая печка.
Торопит мама рыжего конька.
Я на крыльце,
тониусенький, как свечка.
Как жалко, что я маленький пока.
«Марш в хату!
Да покрепче дверь закройте!»
Опять одни.
И солнца будто нет.
Красив отец!
Таким он был на фронте.
Глядим мы долго-долго на портрет.

Александр БУЛАВИН,
инженер,
Москва

На опушке мурава густая,
Рос на ней играет серебро.
Сойка, краем леса пролетая,
Уронила на лету перо.

Красное, на воздухе играя,
На осине лист задело вдруг.
Побежало пламя и, пылая,
Подожгло деревья все вокруг.

Если осень красно-золотая
Листьев поразвесила добро,
Значит, это сойка, пролетая,
Уронила яркое перо.

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ,
журналист,
Красноярск

Отступление от жанра

Моя задача — интервью.
Но в пятой не до разговора:
«горит» зерно.
И я встаю
у пыльной ленты транспортера.
Когда усталость валит с ног,
как будто под ногами лодка,
тогда важнее газетных строк
мелком начертанная сводка
у проходной на зерноток...
— Ну, вот и все!
Теперь — пиши.
Теперь — получится, как надо!
И я в ответ от всей души:
— Спасибо, пятая бригада!
Сажусь к полуночи за стол.
Болят натруженное тело.
Давно от жанра отошел.
а, впрочем, разве в жанре дело.
Горят ладони. Этот жар
сейчас важнее, чем годы стажа.
Пишу. Осваиваю жанр
лирического репортажа.

Лев ЗАВАРИХИН,
ветеран войны,
Горьковская область

Старый баркастик

Над верфью
Гудок баритоном заводит,
И слышу я:
В тон отвечают гудку
Со стапелей
Будущие атомоходы-
Гиганты
В последнем апрельском снегу.
Им скоро в дорогу.
Им скоро в дорогу.
Встречать
Им на трассе
Тугую волну,
Голубой океан.
И с болью
Завидует всем им
Баркастик
На свалке,
Куда затащил его
Кран.
Лежит в стороне он,
Не очень заметен.
За зиму к нему
Не пробили тропу.
И кажется:
Хочет он
В солнечном свете
Свою обновленную
Видеть судьбу.

Владимир
СВЕТЛОСАНОВ
учитель,
Новосибирск

Базар в Ташкенте

Кипит базар.
Азарт торговли
Крадется от жары
Под кровли...
Крыло — навес;
Под ним арба...
Под сорок градусов жара...
Оскал осла.
Арба коса
И аксакаловы глаза...
Далек аул;
На коврик сел...
«Дедуль, ау?!» —
Окаменел.
Ну, хоть бы нерв!
Ну, хоть бы нерв!
Так нет —
сидит, окаменев.
Кипит базар,
Плывет жара,
Как плов,
Как пена из котла.
Богам базарным дань воздав,
Молитвенно скрестивши руки,
Слетают стайками старухи
В тень на вакантные места.
И невозвратные года
Невозмутимо возникают
В сознание старческом; тогда
К ним подступает слепота,
Как будто память подступает,
И ставит гири на весы...
Кипит базар...

ИСПЫТАТЕЛЬ И ОДИН
ИЗ КОНСТРУКТОРОВ «ХАДИ-11Э»
АНАТОЛИЙ ВИТЕР.

Владимир ЗАХАРОВ.
Фото Вячеслава СИНЯКОВА

ДВИГАТЕЛЬНАЯ УСТАНОВКА
ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО
ГОНОЧНОГО ЭЛЕКТРОМОБИЛЯ
«ХАДИ-11Э».

РЕКОРДЫ НА СТАПЕЛЕ

В следующий раз испытания машины будут проведены в идеальных условиях, без единого выхлопа, вредного для окружающей нас среды.— Юрий Стебченко широко жестом показывает в сторону легкового фургона, на капоте которого ярко-красными буквами выведено «ХАДИ-электро». — А пока...

А пока мы садимся в выдавший виды «Москвич», двигатель которого подозрительно чихает и выбрасывает в окружающую нас атмосферу клубы сизого дыма, и осторожно выезжаем со двора Харьковского автодорожного института.

В субботний полдень на кольцевой дороге почти пустынно, и испытания спортивного электромобиля не мешают движению автотранспорта.

Ровный участок автостреды имеет небольшой уклон в сторону двухъярусной развязки и хорошо просматривается с моей точки. Костя, сын Юрия Стебченко, первокурсник ХАДИ, стоит лицом ко мне на расстоянии тысячи метров. На равном расстоянии между нами застыло ярко-красное пятно электромобиля. Заметив поднятую руку гонщика, даю отмашку флажком — дорога свободна. Первый старт — против солнца, в мою сторону, туда, где серая лента дороги взлетает на пригорок и рассекает надвое зеленую полосу горизонта.

Момент старта засекаю по хронометру. Одна, другая, третья секунда... — беспристрастный бег самой большой стрелки отмеряет свои шаги. Сейчас для меня, как для любого третьеклассника, скорость — это путь, поделенный на время.

Пятьсот метров на подъеме «Харьков-электро-2», стартуя с места, преодолел со скоростью девяносто километров в час. А первый рекорд первого советского рекордно-гоночного электромобиля «ХАДИ-11Э», ведомого Юрием, равнялся девяносто трем и семи десятым километра в час. И было это осенью далекого уже семьдесят третьего в подмосковном городе Дмитрове, на трассе испытательного автодрома.

А самый первый старт «ХАДИ-11Э» произошел в мае семьдесят второго на знаменитой чугуевской трассе. Помню, и тогда средняя скорость на дистанции пятьсот метров тоже была в пределах девяноста. Но рекорд не состоялся. Строгие и беспристрастные судьи, которые в силу своего положения должны знать все или почти все, оказались не подготовленными к встрече с первым советским рекордно-гоночным электромобилем. В их правилах еще не было положения, касающегося регистрации рекордов, установленных на машинах данного класса.

Не подготовленными к встрече с электромобилем оказались и «зна-

МОДЕЛЬ
РЕКОРДНО-ГОНОЧНОГО
АВТОМОБИЛЯ,
ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ
ДЛЯ АЭРОДИНАМИЧЕСКИХ
ИСПЫТАНИЙ.

токи» моторного спорта. Многие из них поспешили заявить, что «ХАДИ-11Э» и другие «химеры на четырех колесах» ни на что не способны. Однако стойкий скептицизм «знатоков» не смутил «главного электроконструктора», как стали называть Юрия Стебченко. Он не только усовершенствовал электросиловую установку, но и построил первый в стране электромотоцикл, а вслед за ним создал едва ли не первый в мире электрокарт. Мягко скрипнули тормоза. Не вы-

лезая из кабины своего «электро», Юрий кивком показывает на секундомер: «Сколько?»

— Почти девяносто. Под уклон на километровке будет больше, но особенно не разгоняйся, не на рекорд ведь идешь.

С тихим жужжанием начинает работать двигатель, и машина плавно берет с места. Под уклон катиться легче, да и ветер сейчас попутный. Испытания, как и рекордные заезды, внешне выглядят менее красочно, чем шоссейно-кольцевые гонки. Здесь нет видимой захватывающей борьбы с соперниками, где атаки на

РЕКОРДСМЕН СТРАНЫ
ДМИТРИЙ СИЛЬЧИК
ГОТОВИТСЯ К ПЕРВОМУ СТАРТУ
НА РЕКОРДНО-ГОНОЧНОМ
ЭЛЕКТРОМОБИЛЕ.

лидера следуют одна за другой. Здесь гонщик один на один ведет гонку только с беспристрастным бегом секундной стрелки. Вот как сейчас, когда соперником у «электро», ведомого Юрием Стебченко, является лишь время. Но считанные десятки секунд на трассе вбирают в себя годы и годы напряженного, кропотливого труда, скрытого от взгляда стороннего наблюдателя.

Восемь лет прошло от создания «ХАДИ-11Э» до первых испытаний «Харьков-электро-2». За этот период в лаборатории скоростных автомобилей, организованной в Харьковском автомобильно-дорожном институте ровно двадцать лет назад, была создана оригинальная конструкция еще одного электро-мобиля, «ХАДИ-13Э».

Максимальная расчетная скорость «ХАДИ-13Э» (порядка 265 км/час) была выбрана с прицелом на превышение рекордов Стебченко. К тому же в институте знали, что автор первого спортивного электро-мобиля тоже работает над более

мощной машиной. И как почти всегда бывает при создании новаторских конструкций, нашлись скептики, которые высказывали различные сомнения. Правда, сами конструкции электро-мобилей вроде бы не критиковались: опыт предыдущей работы опроверг все доводы любителей порассуждать о «буафорских моделях». На этот раз критиков смущали мощности и скорости, которые казались им практически недостижимыми.

Однако, как это уже бывало не раз, творческий дух соревнования и задор молодых конструкторов помогли преодолеть все трудности и преграды. Признанный лидер харьковских автоконструкторов и гонщик Владимир Константинович Никитин еще на ватманских листах разглядел преимущества новых конструкций, прозорливо предсказал им успех. Так оно и случилось.

«ХАДИ-13Э», стартуя осенью 1977 года на дмитровском автодроме, установил три всесоюзных рекорда скорости, два из которых превзошли мировые. А ровно через две недели под Харьковом, на чугуевской трассе стартовал «Харьков-электро-2». Юрий знал о рекордах студентов и готовился их превзойти: на тренировках его машина показывала отличные результаты. Но в день старта «Электро-2» постигла

неудача: вышла из строя коробка передач. Досадная поломка свела на нет усилия трех лет кропотливой и напряженной работы.

И снова для «главного электро-конструктора» потянулись месяцы и годы, отданные поискам новых конструкторских решений. И все это время Стебченко твердо верил, что настанет день и час, когда он вновь выведет свой новый электро-мобиль на испытания. Этот час настал весной восемьдесят первого, когда в жизни Юрия произошло еще одно очень важное событие: по рекомендации ректора института Ивана Макаровича Грушко Стебченко был назначен заведующим лабораторией скоростных автомобилей ХАДИ. Здесь он начинал, здесь теперь будет продолжать вместе с Владимиром Константиновичем Никитиным заниматься любимым делом: создавать рекордно-гоночные авто- и электро-мобили. Создавать и испытывать вот так же, как сейчас.

...Назад, в институт, возвращаемся другой дорогой. За долгие годы нашего знакомства я уже заметил, что Юрий не любит одних и тех же путей ни в жизни, ни в работе. Он гонщик и конструктор по призванию. И скорость у него в крови. Но в равной мере его увлекает и сам процесс создания машины, где все или почти все приходится делать своими руками. Его поиск новых решений поистине не знает границ: «ХАДИ-11Э» и электромотоцикл, электрокарт и веломобиль, вело-

карт и «Харьков-электро-2»... Что будет следующим?

— Мы создаем электро-мобиль на базе «Москвича» для внутригородского транспорта.

— А как же скорости?

— На чугуевской трассе снова намечаются рекордные заезды. Резерв мощности у «Электро-2» солидный, ведь испытания я проводил только на одном двигателе. Десять киловатт позволили машине развить ту же скорость, что в свое время показывал «ХАДИ-11Э». Но там был установлен всего один электродвигатель, а теперь их у меня два. Вот и считай!

— Значит, снова в атаку на рекорд?

— Да, но пока буду стартовать на коротких дистанциях. А следующей весной электро-мобили должны начать осваивать и стайерские дистанции: пять, десять и пятьдесят километров. Наша авто- и электротехника может и должна сказать свое новое слово в моторном спорте.

— По-твоему, скорость—это и есть работа?

— Да, хотя многие почему-то считают, что в нашем деле главное—это риск. Такое представление о профессии конструктора и испытателя гоночных машин в корне неверно. Опасность, риск в нашем деле существуют, но не в них суть. Борьба за скорость, поиск новых пионерных решений—вот стиль работы нашего института и нашей лаборатории. Что же касается новых рекордов, то это всего лишь производная творческих исканий студенческого КБ и всего нашего дружного коллектива.

«СМОКИ» ПРОТИВ ЕСЕНИНА?

Редакция получила много откликов на письмо Елены Каревой «На весах досуга: «Смоки» против Есенина». Мы публикуем некоторые из них.

Лена Карева пишет о провале их вечера отдыха. Выходит так, что «Смоки» дали фору поэзии Есенина (по крайней мере на вечере отдыха в кооперативном техникуме, и хочется верить — только там!). Необдуманно было бы обвинять в этом гостей их праздника. Мог бы привести факты, когда лектор или ведущий дискотеки (даже не профессионал, а просто увлеченный человек) находили общий язык с аудиторией не менее «трудной», чем ваша, Лена. Все дело в том, как к этому подойти, насколько сам проникся уважением, теплотой и любовью к тому, о чем хочешь сказать, и непременно к тем, кому ты это говоришь. И записи для танцев следовало подобрать такие, чтобы всем было интересно и весело (ведь именно для этой цели был организован вечер отдыха). А вы просто не нашли контакта с аудиторией. И то, что изумительный стих Есенина померк, пускай только на время вечера, ваша, Лена, вина. Нет плохих слушателей, есть плохие певцы, музыканты, организаторы.

А. ШЕВЕЛЕВ,
курсант,
Владивосток

Откровенно говоря, на такой вечер, где одни лирические стихи и песни, пошли бы только любители. Ведь это похоже на тематический вечер, а для школьников и студентов — на урок, лекцию. Но и вечер, где одни «клевы» записи — «Смоки», «Арабески», «Лабрионд», — я бы тоже обошла стороной, да и не только я. Все мои друзья, знакомые сделали бы то же самое.

Надо составлять вечера отдыха, ориентируясь на средний вкус современного человека, только не потребителя и не максималиста. А лучше всего проводить дискотеки. Так, у нас, например, был «Физический вечер», КВН, а вторая часть — танцевальная, проводить которую были приглашены студенты из техникума. Причем все было не экспромтом, не наобум. «Физическую» часть готовили наши учителя. Из числа зрителей были выбраны команды «экипажи». Ребята не заметили, как прошло почти три часа, и даже забыли про дискотеку, и парни из техникума — диск-жокеи, — поминутно заглядывавшие в активный зал, вскоре тоже заинтересовались занимательной физикой. Но все кончается. И наши мальчиш-

ки и девчонки, показав блестящие знания во всех вопросах науки и искусства, затем с увлечением и даже с азартом танцевали. Они показали свои способности в танце, знания в современной эстрадной советской и зарубежной музыке. Дискотека тоже была подготовлена. Ребята из нашей школы заранее посетили один такой вечер-дискотеку в техникуме. Всем было интересно: и физикам, и лирикам, и меломанам. Ведь у каждого из нас есть любимые поэты, композиторы, писатели, артисты. У меня любимый поэт — Светлов, ансамбль — солнечный «Бони М».

У нас легко находят общий язык парни и девушки в джинсах, в элегантных костюмах и платьицах. И не надо нас так уж осуждать, мы совсем не такие, какими нас часто представляют. Надо просто заниматься самовоспитанием, быть внимательным, прислушиваться к людям опытным, знающим, всегда помнить, что мы хозяева своей жизни, строители будущего. И надо уметь и знать, ну, не все, а многое. И не надо никогда отчаиваться и отвлекаться от реальной жизни и отвлекать других. Ведь жизнь так прекрасна, когда в ней есть надежные друзья, любовь, музыка и многое другое. Вот об этом и надо помнить всегда. Что-то приветствовать, что-то, поборов себя, принять, а с чем-то бороться.

Марина З.,
16 лет,
г. Горький

Хочу через клуб «Музыка с тобой» объяснить Елене Каревой, что произошло в кооперативном техникуме на вечере.

Дело в том, Лена, что этот случай, пожалуй, закономерен. Увлечение западной музыкой, да и не только ею, будет до тех пор, пока мы не сможем ей что-либо противопоставить. А пока подростки, как мотыльки на свет, бегут на шум и грохот западных ансамблей. Они ведь не могут отличить что хорошо, а что плохо. При нашей, так сказать, «оперативности» еще долго подавляющее большинство молодежи так и не услышит ни зонг-оперу «Орфей и Эвридика», ни «Песнь о доле», «Песняров», ни «Пугачева» в исполнении «Ариэля». Вот и таскают ребята магнитофоны с зарубежными записями, и глядят завистливо на заграничные джинсы, и ждут того времени, когда наша промышленность начнет что-то делать. И горько видеть наших советских парней и девушек в куртках и джинсах с флагами США, Англии, ФРГ и прочих. Очень горько!

Толя М.,
Симферополь

Прочитал в вашем журнале письмо Елены Каревой и задумался о причинах, порождающих однобокий, примитивный музыкальный вкус у молодежи. Возьмем, к примеру, нашу Всесоюзную фирму «Мелодия». Что она преподносит своему молодому слушателю? «АББА», «Бони М», «Смоки», Дони Осмонд, Аманда Лир... Что это за музыка? Ответить можно словами из письма — «левая». Это музыка, в которой нет ни духовной, ни музыкальной ценности. Просто шоу-товар, завернутый в красивую обертку.

Наша фирма грамзаписи «Мелодия» занимает первое место в мире по выпуску дисков с классической музыкой. Большая часть этой продукции остается на прилавках и в подсобках магазинов. Значит, это производство нерентабельно. И вот, чтобы уменьшить потери, «Мелодия» выпускает музыкальный ширпотреб, который, однако, раскупается с успехом. О музыкальных вкусах тут уже никто не говорит. А в это время подлинные новаторы нашей эстрады ждут своей очереди на выпуск дисков по несколько лет. «Ариэль» и его поклонники уже полтора года ждут выхода третьей пластинки этой группы. «Машина времени» двенадцать лет упорно отстаивает свою позицию на нашей эстраде, но где ее диски? Вряд ли скоро выйдут «Песнь о доле», «Песняров», зонг-опера «Орфей и Эвридика». Где пластинки Градского? Очень хотелось бы, чтобы журнал вынес эту проблему на широкое обсуждение.

Виктор ФОЛОМЕЕВ,
Биробиджан

— Не исчезай, — почти прошептал человек у микрофона в забрызганной наглухо студийной комнате, — не исчезай!

— Нет, не то... — резко сказал он, прослушав свой голос на пленке. — Еще раз. Надо строже, проще...

И, надев наушники, вновь подошел к микрофону. Сергей Теплов, звукорежиссер, включил аппаратуру на запись с улыбкой покачивая головой: эту строку он переписывал уже восемнадцать раз. А молодой композитор Глеб Май из подмосковного города Электросталь приоткрыл дирижерскую палочку из-за звуконепроницаемого стекла.

На Всесоюзной фирме грамзаписи «Мелодия» заканчивалась запись новой необычной пластинки — первой советской поэзии в стиле «рок-Исповедь».

А человеком у микрофона был Евгений Евтушенко.

— Евгений Александрович, помню, как были удивлены любители поэзии, когда недавно вы снялись в роли Циолковского. И вот сейчас вновь неожиданность — ваше участие в создании рок-музыкальной композиции. Вновь у многих возникает удивленный вопрос.

— Я сам был удивлен этим. Но сейчас удивление прошло — я «вработался» в эту поэторию, полюбил ее. Опыт создания песен у меня есть. До сих пор поются такие песни, как «Хотят ли русские войны», «Бежит река», «Вальс о вальсе», некоторые другие. Хорошая песня, по-моему, у поэта рождается, когда есть уважение к музыке, которую тебе предлагают. Но должна быть и обратная связь. Помню, однажды мне позвонил один хороший композитор и предложил написать слова к его мелодии. Я послушал фонограмму. Музыка понравилась, и предложение было принято. Через несколько дней после нашей второй встречи, когда я отдал стихи и выслушал самые искренние похвалы, композитор позвонил еще раз. «Не могли бы вы переписать текст», — попросил он. Я удивился после его восхищений. «Эти слова слишком сложны для слушателей», — объяснил он. «Но они же вам понравились», — не выдержал я. «Но я и слушатель — разные уровни...» После такого ответа я перестал работать с этим композитором. Нельзя свысока относиться к людям, для которых мы пишем.

Владимир Ильич Ленин, говоря о Демьяне Бедном, отмечал, что поэт идет за читателем, а надо быть немножко впереди. Об этом надо помнить и поэтам, работающим в песне. Музыка имеет огром-

ное влияние на людей в современном мире. Это уже не просто легкий жанр для развлечения. Рок-музыка стала серьезным социальным фактором в обществе. Но как часто мы забываем об этом! И появляются целыми сериями очень поверхностные песни, рассчитанные на поверхностных людей. Песни с «никакими словами». Рок-музыка требует серьезного и пристального внимания к ней со стороны поэтов.

— Проблема песен на эстраде, их содержание волнует многих. Идут жаркие дискуссии, высказываются разные мнения. Но вновь и вновь поднимается этот вопрос...

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО: СТИХИ СШАВАВЛЕННЫЕ С МУЗЫКОЙ

— Дискуссии действительно идут. Но о чем? О песне вообще. А песни вообще сейчас нет. Нельзя, положим, сравнить «Землянку» и «Арлекино». Это песни, написанные в абсолютно разных жанрах, и выполняют они совершенно различные задачи. Так давайте говорить конкретно о сложностях каждого направления.

Диско, рок — именно эта музыка в наши дни популярна среди молодежи. Это ничем не унижает ни фольклорную, ни симфоническую музыку. Унижают себя сами только те люди, которые сходят с ума от «Бони М» и патологически глухи к «Догорай, гори, моя лучинушка». Такие, кстати, и в современной музыке тоже не разбираются.

Но если музыка с «никакими» словами, то она не будет вызывать никаких мыслей. Популярность (радиопередачи, телеконцерты, пластинки) такой музыки ведет лишь к оглушению человека.

Конечно, нельзя требовать того, чтобы искусственно утяжелить «легкий жанр». Не надо обижать веселую, зажигательную, ритмическую песню тем, что она «не бессмертна». И бессмертность может быть честной. Если, конечно, эта бессмертность не принадлежит к «бессмертной пошлости людской».

Когда-то появился термин «песня-однодневка». В первое время он выполнял свои задачи определения не очень хороших песен. Но потом незаметно превратился в ярлык. Судя по тому, как часто его употребляют в полемике, можно подумать, что основная задача всех создателей песен — творить нетленные произведения. Но это же смешно. Диско-композиции, по-моему, относятся к «однодневкам». Не потому, что плохие. А потому, что это танцевальные мелодии. Согласитесь, нелепо танцевать под философские трактаты. Но неглупому человеку не к лицу даже танцевать под глупые слова.

А рок-музыка — это не только танцевальная музыка. В ней скрыты огромные и лирические и гражданские возможности. Многие, особенно молодые музыканты, стремятся работать в этом жанре.

Но, как они сами говорят, им не хватает стихов. Правда, иногда музыканты сами виноваты. Они не умеют эти стихи найти. Композитор, не знающий, не чувствующий поэзии, жалок. Но проблема со стихами все же есть.

Современный музыкальный ритм, часто вооруженный бессмыслицей, надо вооружать хорошими словами. Поэзия не имеет права оставлять музыку на растерзание подрифмовщикам. Сейчас, наверное, уже мало просто рекламировать новые пластинки и их популярных авторов и исполнителей. Нужен в печати критический анализ творчества

людей, создающих современную музыку. Нужны рецензии на большие пластинки и отдельные, наиболее популярные песни.

Именно пристальное внимание к вполне конкретным направлениям современной музыки со стороны всех нас и поможет избавиться от пошлости, никчемности, порой встречающихся в нашей современной музыке.

— Автор музыки поэзии Глеб Май. Композитор молодой, широкой аудитории еще неизвестный. Как вы познакомились с ним?

— Ко мне часто приходят молодые композиторы.

Но, как правило, просьбы их похожи. Они пишут музыку к моим стихам и просят «пробить» эти песни на радио или телевидении. Глеб ничего не просил. Он просто предложил послушать «одну вещь», которую он сделал на мои стихи. Это было интересно. Тем более, что один из авторов идеи поэзии — известный чтец «Росконцерта» Сергей Чистяков. Но когда Глеб, еще не включая магнитофона, перечислил стихи, использованные здесь, я стал сомневаться. Они, как мне казалось, не могли составлять единого целого.

Да, когда-то Дмитрий Дмитриевич Шостакович отобрал казавшиеся мне ранее малосочетаемыми стихи для Тринадцатой симфонии. И они органически слились с музыкой. Но то была симфония. То был Шостакович.

Все вопросы исчезли, когда я прослушал черную запись «Исповеди». Меня поразило внутреннее соответствие музыки и стихов, драматичность музыкального сюжета. У меня не было ни одного замечания по музыкальной драматургии, слившейся с поэтической...

— Неужели не было ни единого замечания? И это несмотря на то, что многие ваши стихи использовались не полностью, а лишь отрывками. Кроме того, черновая запись, наверное, не отличалась высоким качеством...

— По поводу записи. Имея опыт работы в кино, я сейчас по нескольким отдельным наброскам могу представить себе окончательное целое. Да, Глеб взял лирику разных лет, которая, по моему первоначальному убеждению, не стыковалась. И все же произведение получилось законченным и глубоким. Это действительно исповедь. Разные кусочки жизни складываются в общее переживание, в единую мысль — предупреждение о том, как легко порой потерять близкого человека. Потерять легко, а вот найти снова иногда невозможно.

Поэзия — это о любви. Но у нее есть и более широкое нравственное звучание. Потому что она об отношениях между всеми нами, людьми. Здесь нет поучений. Выводы может делать каждый сам.

— Евгений Александрович, вы пока говорите только о стихах. Но какова же роль музыки?

— Без музыки всего того, о чем я говорю, не получилось бы. Она цементирует отдельные стихи, делая из них одно целое. Объединяет душевное состояние, которое словами передать невозможно. Поэзия — это сплав стихов, инструментальной музыки и вокала.

Уже были попытки создать из многих стихов композиции на основе современных ритмов. В Соединенных Штатах Америки, например, две такие работы сделали студенческие рок-группы. С одной из них я участвовал в концерте в «Медисон Сквер Гарден». Талантливые ребята. Не забуду, с каким трагизмом читал негритянский артист под рок-музыку «Монолог аляскинского певца», неожиданно для меня сделав из этого стихотворения пронзительный антирасистский монолог.

Музыку, написанную Маем, отличает то, что основа ее глубоко национальная, русская.

Почему-то бытует мнение, что современная музыка становится лишь тогда русской, когда обрабатываются народные мотивы. Это совсем не так. Часто, когда слушаешь подобные «произведения», возникает желание посоветовать, наоборот, очистить народный мотив от всяких обработок — он будет красивее во много раз.

Музыка Мая — это интересная попытка создания симфонического рока. Причем музыка выдержана

в традициях именно русского симфонизма. Сочетание жестких электронных звуков с чистым звучанием струнных просто покоряет.

— Как бы хорошо ни была сочинена композиция, многое зависит от исполнителей. Вы на пластинке читаете стихи. А кто еще работает над новым диском?

— У нас интересный творческий коллектив. Сергей Теплов, звукорежиссер. Человек, от которого зависит очень и очень многое. Четко знает аппаратуру, тонко понимает музыку, которую записывает, и готов работать, даже когда кончатся все смены и в студии остается лишь ночной сторож.

Глеб Май исполнил многие партии на клавишных инструментах и флейте. Кроме того, он был режиссером чтения. И прекрасно справлялся со своими обязанностями. Часто бестактное, грубое слово или завышенная похвала одинаково могут испортить рабочий настрой. А он умеет говорить даже резкие вещи необидно и похвалить, не расслабляя. То, что он моложе меня, неважно. В искусстве нет возрастов.

В записи участвовала струнная группа оркестра Большого театра. Барабаны записал лауреат многих джазовых фестивалей Геннадий Хашенко. Принимали участие в нашей работе музыканты из московской рок-группы «Аракс». Я слышал этот коллектив на спектаклях «Тиль» и «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» в театре имени Ленинского комсомола. Мне понравилась их экспрессия в сочетании с высоким профессионализмом. Они записали вокальную группу. Сергей Рудницкий, руководитель ансамбля, исполнил партии на бас-гитаре. Вадим Голутвин записал соло на гитаре. Высоко я оцениваю работу солиста «Аракса» Анатолия Аleshина: сдержанная, но в то же время напряженная его интонация помогает еще больше почувствовать душевное состояние героя.

— Работа над пластинкой закончена. Поэтому последний вопрос, как всегда, — а что же будет дальше?

— Думаю, что новые крупные произведения рок-музыки могут быть посвящены сложным гражданским темам. Мне больше не хочется дожидаться, пока ко мне придет Глеб и скажет, что у него есть еще «одна вещь»... Мы намерены создать рок-поэзию по мотивам главы из поэмы «Братская ГЭС» — «Ярмарка в Симбирске».

Записал Алексей КОМОВ.

СОХРАНИ ПЕСНЮ!

Людмила КОХАНОВА.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Удивительно это — русская песня под сводами древнего собора. Отраженная и усиленная камнем, она приобретает поразительную силу. Будто рвется высь, взлетает под самый купол. Звуковая гамма, в которой гласный меняется в зависимости от высоты звука, вдруг ломает все наши представления о народной песне. Постепенно привыкаешь к этому непривычному распевному стиху с постоянными «ой», «эх», «ой-да», характерными для русского песенного искусства. В этом полетном, протяжном звуке открываешь для себя такой огромный мир, такую гамму музыкальных красок, столько чувства, что вдруг осознаешь: ты никогда не испытывал подобного единения с песней.

Собственно, похожее чувство бывает на каждом концерте ансамбля народной песни под руководством Дмитрия Покровского. Но именно в Знаменском соборе, в котором сейчас располагается концертный зал Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, песня словно приобретает филигранную завершенность.

Народное искусство — фольклор — по сути своей не сценично. Это плоть от плоти жизнь, быт народа. Наверное, поэтому всякая попытка вырвать его из окружающей среды, сделать концертным номером приводила к тому, что появлялись самостоятельные музыкальные произведения по мотивам народных песен, их хорошие или плохие кальки. Самобытная народная песня оставалась всего лишь источником, плодотворным, неиссякаемым, но не более.

Те же, кого не устраивало такое осовременивание песни, предпочитали путь фольклористов — собирателей народного творчества. Много времени прошло с тех пор, когда первые почитатели безымянного народного искусства отправились в отдаленные уголки страны, чтобы тщательно записать услышанное и увиденное там. Давно ушел в прошлое фонограф с восковыми валиками и огромным рупором. Более совершенной стала техника. Теперь в распоряжении фольклористов сверхчувствительные пленки, портативные магнитофоны. Но принцип по-прежнему тот же: найти народного исполнителя, записать его, потом расшифровать и... сдать в архив.

КАЖДАЯ ПЕСНЯ В ИСПОЛНЕНИИ АНСАМБЛЯ — ЭТО МАЛЕНЬКИЙ СПЕКТАКЛЬ, В КОТОРОМ РАСКРЫВАЕТСЯ ДУША НАРОДНАЯ.

Неужели нет иного пути?

Этот вопрос Покровский задал себе, еще когда учился в институте имени Гнесиных. Как заставить жить подлинно народную русскую песню? Ведь бесспорна истина: песня жива только тогда, когда ее поют. Одна из первых попыток — расшифровать по фонограмме музыкальное сопровождение старинной песни, записанной в Курской области, — окончилась неудачей. Как ни старались студенты, но балалайки и скрипки звучали даже хуже, чем на несовершенной магнитофонной записи. Оказывается, традиция народного пения — это традиция бесписьменная, многие элементы которой не фиксируются даже в сознании самих исполнителей. Переложенная на ноты «со стороны» специалистом-музыкантом, она опять не дает истинно народного звучания.

А значит, чтобы сохранить и донести до сегодняшнего слушателя старинную народную песню, следовало понять ее функцию, роль в общении людей, выделить наиболее важные конструктивные элементы музыкального языка, из которых, словно из кубиков, строится «сама песня. Короче — нужно было освоить основы импровизации в народной песне и научиться самим импровизировать, а не копировать.

— Конструировать песню — когда мы высказали эту «крамольную» мысль, нас никто всерьез не воспринял, — говорит Дмитрий Покровский. — Сейчас другое дело, вроде доказали на практике, что это возможно. Мы не тиражируем, мы ищем форму музыкального произведения. Песня должна рождаться на глазах аудитории. А научиться этому можно лишь у тех, кто сохранил исконную, подлинно русскую манеру исполнения: если «плач» — певец действительно плачет, если «хоровод» — то он от души веселится. К сожалению, с каждым годом все труднее и труднее найти таких исполнителей.

Было время, пыжатики и кугиклы в центральных районах России были самым распространенным инструментом. А сейчас? Даже названия этих инструментов мало что нам говорят.

Каждая песня, каждое музыкальное произведение, которое выносит ансамбль на суд зрителя, имеет особую историю, подчас необычайно интересную. Начиная ансамбль с донских казачьих песен. «На речке, на камышинке» — это о Ермаке, о казачьей вольности. Она памятна как история, и поют ее особенно прочувствованно. «Поехал казак на чужбину» — о гибели казака, и окрашена песня уже другими

более печальными красками. «Как за Доном за рекой» и «Из-за лесу блещут копия мечей» — песни о разном, но их невозможно понять, если не знаешь, что они походные. Только в седле, да еще на рысях открывается казачья песня. И сел ансамбль на лошадей, чтобы поставить правильное дыхание, чтобы приблизить песню к ситуации, без которой она не может существовать.

Но и этого оказалось недостаточно, чтобы постичь те тайны общения, те функции каждого поющего, без которых песня не песня. Оказывается, казачья песня, как, впрочем, и любая другая, требует строгого распределения ролей и определенного числа исполнителей, а точнее — участников песни. Сначала трудно было понять ребятам, почему, когда четверо поют, — есть песня. Трое — уже не то, песня не складывается. Не раз и не два ставили эксперимент — в ансамбль казаков вводили своих участников на ту или иную роль (параллельно вели многоканальную запись — каждый голос записывали на отдельный магнитофон), и потом народные исполнители подменяли то одного, то другого участника ансамбля. И если слышали: «Ребята, как мы, поют», — выше похвалы, пожалуй, и не было...

Достаточно полно в репертуаре ансамбля представлен эпос. Это былины об Илье Муромце и о Добрыне, который ищет свою невесту-богатыршу Маринку, и о многих других народных героях. Одна из последних песен, «распетых» ансамблем, бытовала у поморов. Записали ее у потомков казаков-некрасовцев.

Атаман Иван Некрасов увел остатки участников разгромленного Булавинского восстания в Турцию, где они и прожили многие годы. Но, памятуя наказ своего атамана, вернулись на родину и сохранили свою песенную культуру, в том числе и былину. Она — вызов Океану! И какому — Северному! Слушаешь былину в исполнении солистки ансамбля Тамары Смысловой и будто видишь небольшое суденышко, подрагивающее на волне. А на носу сказитель заговаривает, успокаивает море, просит покориться его человеку. До сих пор у поморов существует поверье: будто смелостью своей, умением сказывать может человек успокоить воду. И не только в звездные ночи, но и в самый лютой шторм выходит сказитель на нос суденышка и ведет диалог со стихией. Это особого мужества требовало. Недаром, когда рыбаки возвращались домой и делили улов, на пай сказителя клали две доли...

Недавно услышал Покровский, что сейчас на Мезени строятся коч и какие-то энтузиасты собираются пройти на нем, подобно героям «Кон-Тики». И загорелся идеей: а не присоединиться ли и ансамблю? Не даст ли такой поход что-то новое в понимании этой былины, не поможет ли он постичь в ней то неоткрытое, что находится за семью замками для человека, выросшего в другой среде, не хлебнувшего соленой океанской воды?

В этом — весь ансамбль, его рабочее кредо.

Они называют себя ансамблем. Молодые музыканты, актеры, студенты. Но с полным основанием их можно назвать и научным кружком, и творческой лабораторией, и фольклорной группой. Недаром в его состав входят и музыковед, аспирант Всесоюзного научно-исследовательского института культуры, старший научный сотрудник Андрей Кабанов, специализирующийся на казачьих песнях, и выпускница института культуры Катя Зорина, удивительно тонко поющая северные песни, песни своей родины.

Профессиональный музыкант Александр Данилов — старожил ансамбля. Сначала он учился игре на рожках у пастуха Василия Снопкакова из села Лепило-

во Курской области. Работал у него подласком. Потом он овладел парной жалейкой, потом барабанкой, теперь варганом.

И каждый инструмент — это особая история. Возьмем варган. Русская традиция игры на этом несложном инструменте, напоминающем подкову, только с язычком в середине, была широко распространена еще 150 лет назад. Каково было удивление ребят, когда они прочитали об этом у поэта и фольклориста XIX века Владимира Федоровича Одоевского. Сегодня же она не сохранилась. Саше Данилову пришлось сделать невозможное — реконструировать ее, учась у башкир, калмыков, у эстонских исполнителей.

Да только ли варган! Покровский осторожно держит в руках неизвестный деревянный инструмент, похожий на поварешку, — гудок. Он точная копия того гудка, который нашли археологи при раскопках Новгорода в слое XIV века. А каков был путь его поисков? Рассказать — получится приключенческий роман. Милиция шла по следу? Было. В Рязанской области. Ложные показания? Тоже. В Пермской области нашли колхозника, который выдал себя за гудочника, а гитару за гудок. Да что там самозванцы! Весь поиск, по твердому убеждению Покровского, шел по ложному пути.

— Все ищут гудок, а не традицию. — считает Покровский. — Инструмент может быть у нескольких народов один и тот же, но каждый по-своему играет на нем. Мы твердо знали, гудок можно найти, не найдя инструмента.

Парадокс? Может быть, если бы не был налицо результат. А еще в конце прошлого века писали, что умер последний гудочник. И применили участники ансамбля, по сути, метод палеонтологии. В определенном регионе Псковской и Калининской областей существует очень интересная исполнительская манера, при которой все инструменты подчинялись закономерностям исполнительского стиля распространенной там гармонии. Балалайки, гусли звучали несколько непривычно для себя. Это позволило предполагать, что существовал некий инструмент, исполнительская традиция которого повлияла на манеру последних, изменила ее. Очевидно, что эти инструменты, как более сильные, взяли на себя и функции и признаки неизвестного собрата. По форме изменения каждого инструмента достаточно точно можно было восстановить его признаки, характерные особенности. Это и сделали Покровский и его коллеги. В результате выяснилось, что инструмент был струнно-смычковый. Стал ясен его строй, стало понятно, как водили по нему смычком.

Ко всем признакам инструмента подошел только один — гудок. Предположение было весьма логичным, потому что именно здесь, в Псковской области, был встречен последний гудочник. Именно этот факт заставил ребят попытаться счастья — поискать человека, который мог бы все-таки вопреки всем грустным утверждениям играть на этом инструменте. И им повезло. Они встретили скрипача, который как-то странно для скрипки играл на ней. Он ставил ее на колено и вообще применял приемы, характерные только для гудка. Алексей Ильин, сам того не осознавая, наиболее точно сохранил вариант гудочной традиции. Теперь ею овладевают и участники ансамбля.

Изображение музыканта, играющего на смычковом инструменте, найдено на фреске Софийского собора в Киеве. Неизвестный инструмент, неизвестно его звучание. Так было. Теперь ответ найден: это гудок. И как на нем играли, тоже известно.

Поначалу ансамбль был «приписан» к фольклорной комиссии при Союзе композиторов РСФСР. Назывался он тогда экспериментальным. Концерт в Октябрьском зале Дома союзов в 1975 году можно считать днем его рождения. Были цветы, аплодисменты, ансамбль долгое время не отпускали со сцены. Но и тогда прогнозы были разными. Вокруг этого коллектива разгорелись споры, которые не угасают и сегодня. Его непохожесть, исключительность вызывает порой полярные оценки. Парадоксы и сегодня встречаются на каждом шагу. Вчера в Знаменском соборе яблоку было негде упасть, ажитаж такой, хоть милицию вызывай, а назавтра в ДК МАИ концерт срочно отменяют. Причина? Не продано ни одного билета. И все-таки с полной уверенностью можно сказать, что за эти годы ансамбль не только встал на ноги, но и существенно вырос, эксперимент перешел в стадию обычной работы.

Видоизменяется и облик самого концерта. Если раньше ансамбль показывал разрозненные песни, характеризующие культуру того или иного района, конкретного села нашей страны, то теперь они как бы выстраиваются в одно целое, самостоятельное действо. Примером может служить отделение концерта, показывающее обряды земледельческого календаря. Ансамбль будто «проходит» по всем временам года, предлагая на суд зрителя колядование, святочные игры, песни, закливающие приход весны, праздник

свистунов, троицкие хороводы. Сегодня еще трудно судить, перерастет ли ансамбль в своеобразный театр русского народного искусства, но уже бесспорно, что он органическое продолжение живой народной традиции, бытующей сегодня во многих селах и деревнях нашей страны. В ансамбле мы видим соединение танца и инструментальной музыки, песни и даже обрядового действия. И это столь же важно, как и выход ансамбля в зал, как и внеплановое третье отделение, которое, как правило, самостийно возникает после концерта в вестибюле, когда в действие уже вовлечен и зритель. Создается совершенно

определенный тип сопереживания. Вот вам и утерянная функция песни — функция общения.

...За пять лет сделано удивительно много. Достаточно было бы на биографию не одного коллектива. Ансамбль много ездит с концертами. И это помимо экспедиционной деятельности... Он практически исколесил всю страну. Несколько раз побывал на БАМе. Как-то им заметили из зала: приезжаете все к нам летом, а попробовали бы зимой. Ансамбль попробовал. Четвертый раз он приехал сюда в феврале, в пятидесятиградусный мороз.

Ни одного концерта не было отменено.

Откровенный разговор

«ДИСКОВАЯ» БОЛЕЗНЬ?

Действительно, встречаются еще такие любители, описанные в «сердитом письме» Павла Аверина. Но в чем же причина этого явления? Думается, в ничтожно малом и совершенно недостаточном количестве литературы, посвященной современной музыке. Подтверждение этому я нашел на следующей странице вашего журнала в заметке «Записки учительницы музыки».

Книги О. Феофанова, которые упоминает Т. Кушневская в своих записках, — по существу, вариации одной и той же книги. Работа О. Феофанова очень хороша и предназначена для первого знакомства начинающих любителей со сложным и противоречивым явлением — современной популярной эстрадной музыкой, но совершенно недостаточна для профессионального музыкального работника. А ничего другого, по существу, и нет! Кроме книг О. Феофанова, можно назвать пару брошюр и несколько десятков статей в различных периодических изданиях. Упомянутые книги — библиографическая редкость, а из статей трудно почерпнуть сколько-нибудь систематизированные знания.

Новые диски отечественных и зарубежных исполнителей, как правило, нигде не рецензируются. А если и рецензируются, то такие рецензии пишутся по принципу «галопом по Европам» и напоминают скорее лихие кавалерийские атаки, нежели доброжелательную и объективную оценку. Недавно, например, вышел диск под названием «Дискоальянс» прибалтийской инструментальной группы «Зодиак». Этот диск — явление в значительной степени новое в отечественной рок-музыке. Но где же квалифицированная оценка этой своеобразной премьеры? Ее нет. Периодическая печать молчит, телевизионный «Музыкальный киоск» тоже. И это несмотря на то, что Центральное телевидение постоянно использует записи ансамбля «Зодиак» в качестве фоновой музыки в самых различных передачах.

Сергей ШИНКЕВИЧ,
Пермская область

К сожалению, еще встречаются такие любители музыки, которые с трудом отличают один ансамбль от другого. Как правило, у них богатые записи, отличная аппаратура. Многие часы своего времени эти меломаны тратят на бесконечные поиски. Они с лихорадочной быстротой решают встающие перед ними вопросы: где достать? У кого списать? А вот над вопросом — что списать? — эти молодые люди не задумываются. Да и как они могут задумываться, когда их ничего не интересует. Главное — как можно больше новинок. Такое «увлечение» похоже скорее на «музыкальную лихорадку». Но, к счастью, подобных коллекционеров меньшинство. Большую часть поклонников эстрадной музыки составляют истинные, интересующиеся коллекционеры. И вот мне бы хотелось, чтобы на страницах Клуба продолжалась публикация материалов о современных ансамблях-лидерах. Это пойдет на пользу многим «дисковой болезнью» и доставит несомненное удовольствие настоящим любителям музыки.

Игорь БОЙЦОВ,
Ленинградская область

Что касается мнимых и истинных коллекционеров, то если судить по публикациям в печати, к истинным, несомненно, относятся те, у кого так называемый широкий музыкальный кругозор, для кого классика имеет непреходящую ценность, приносит ему эстетическое наслаждение. Народные песни для истинного коллекционера — соприкосновение с великим народным творчеством, своеобразный источник вдохновения. И не имеет значения, что у подобных людей довольно туманное представление о том, что происходит в современной музыке. Здесь его познания очень ограничены: кроме набивших оскомину «АББА» да «Бони М», не может назвать ни одного исполнителя или ансамбля. Если же предпочтение отдается только популярной музыке и в записях преобладают так называемые шлягеры, то такой коллекционер причисляется к мнимым — потребителям, томщимся в ожидании очередной новинки. А правильно ли это?

Юрий К.
Г. Горький

Вы предложили вести «откровенный», серьезный, заинтересованный разговор о формировании музыкального вкуса, о корнях «дисковой болезни», о коллекционерах истинных и мнимых. Это очень хорошо. Хорошо, что есть еще люди, задумывающиеся над тем, насколько современная музыка является музыкой в полном смысле этого слова. И мы вполне согласны с редакционным «предисловием» к письму в рубрике «Откровенный разговор». Все это наталкивает на серьезные размышления. Вот мы говорим: формирование или воспитания музыкального вкуса. Но о каком музыкальном вкусе может идти речь, если люди восхищаются дисками таких низкокачественных групп, как «Бони М», «Ирапли», «Силвер конвеншн», «Смоки» и тому подобное? Что лежит в основе песен этих коллективов? Примитивная мелодия, донельзя опошленная уже подобными группами тема любви и явная коммерческая направленность этих песен. (Мы уже представляем, как многие «ценители» современной музыки, прочитав эти строки, делают ужимки глаза.) Мало того! Фирма «Мелодия» зачастую поощряет развитие псевдомузыкального вкуса у слушателей. Этому есть многочисленные доказательства. Как можно назвать, например, диск ансамбля «Веселые ребята» «Музыкальный глобус»? Да ведь это лишь доказательство того, что и у тех, кто это «наиграл и напел», и у тех, кто это записал на диск и размножил, отсутствует всякий, ординарный даже музыкальный вкус. Что это за записи? Все они позимствованы у зарубежных исполнителей (как будто у нас нет ничего своего), тексты песен переведены просто отрывисто. Да что говорить! Более ужасную музыку трудно себе представить. Это колоритный синтез халтуры, безвкусицы и пошлости. Подобных ансамблей у нас много, и их записи выпускаются огромными тиражами, а в магазине невозможно купить нужный классический диск. Какой уж тут разговор о «формировании музыкального вкуса»? В заключение хотелось бы сказать о классике. Знание классической музыки, умение ее слушать, знание музыкальной истории так же необходимо каждому человеку, живущему в современном мире, как и среднее образование. Классическая музыка прежде всего помогает отделить ценное в музыке от фальши и антимузыки.

Олег ЛЫКОВ,
Павел КАЧАНОВ,
учащиеся,
Калуга

Я болею этой «дисковой болезнью», и мне нравится покупать пластинки, но я не хочу никого приглашать слушать мои диски. И все потому, что боюсь услышать, что я отстала от жизни, что мои взгляды на музыку устарели. И действительно, для меня что «Бони М», что «АББА», что какой-нибудь другой ансамбль заграничный — все одно и то же. Я их не понимаю и не люблю. Среди зарубежных певцов нравится только финский певец Марти Талвела, а также некоторые итальянские певцы. Из отечественных ансамблей мне нравятся «Песняры», «Верасы» и «Пламя». Люблю слушать симфоническую музыку, особенно оперу, хотя не всегда ее понимаю. Вот таков мой мир музыки. И приглашать в него я никого не собираюсь, хотя о каждой из моих пластинок я могла бы рассказать многое. Не хочу, чтобы надо мной смеялись. Ведь пластинки я покупаю только тех исполнителей, которые мне нравятся, а не тех, которые в моде на сегодняшний день. А «дисковая болезнь», это, думаю, навсегда, на всю жизнь. Вот ведь у меня уже более 1200 дисков, а все хочется еще и еще.

Надежда И.,
Череповец

Более 1000 писем-откликов пришло на опубликованный в клубе «Музыка с тобой» материал «Кто есть кто?» («Смена» №11 за 1980 год). Читатели просили рассказать о зависимости искусства от большого бизнеса, о существующей на Западе «индустрии» сотворения идолов, о нравственном уроке, который наносится молодежи в мире капитала в результате распространения «антикультуры». Авторы большинства писем высказывали пожелание прочитать на страницах журнала публикации о коллективах и исполнителях, представляющих подлинно интересную современную музыку. Было много просьб рассказать о тех, кто оружием песни борется против несправедливости и лицемерия, против милитаризма и войны, против бездуховности и антигуманности буржуазного общества.

Спасибо всем, кто написал нам!

Некоторые пожелания мы уже выполнили, другие попытаемся выполнить в последующих номерах.

Какие материалы вы хотели бы увидеть на страницах музыкального клуба «Смены», в других наших разделах, посвященных жизни и проблемам зарубежной молодежи?

Ждем новых ваших писем, дорогие читатели!

«И Я СТАРАЮСЬ ЖИТЬ...»

Екатерина МАРЬЯМОВА

Его артистический облик, его человеческая индивидуальность, вся его жизнь сбивали с толку людей, привыкших к традиционному образу шансонье. Его называли антитиззедой. Он не вписывался в свою среду и сам чувствовал себя в ней неловко. Он достиг высот в песенном искусстве, но не испытывал ни малейших сожалений, когда в 38 лет в расцвете славы решил покинуть сцену. Он пришел в кино, где, не удовлетворившись амплуа актера, снял два самостоятельных фильма, не понятых и не принятых публикой. Но этот провал несколько не огорчил Жака Бреля, так же как и успех мало что значил бы для него. Одни его критиковали за непостоянство, для других он был кумиром.

«ТАЛАНТ—ЭТО ЖЕЛАНИЕ ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ».

Жак Брель родился 8 апреля 1929 года в Брюсселе, в Бельгии. Именно в детстве, по мнению певца, определилась его будущая судьба.

«Я был некрасивым ребенком и быстро стал это понимать. Когда ты некрасив, то очень скоро перестаешь ощущать себя в центре внимания и приходишь к выводу, что другие могут заинтересоваться тобой не из-за самого факта твоего существования, а из-за того, что ты можешь сделать. Это очень опасно—быть красивым в 15 лет, опасно для будущего. Вы спрашиваете, какой была бы моя карьера, если бы привлекательную внешность? У меня вовсе не было бы никакой карьеры».

Но пока Жак заканчивает учебу, поступает работать на картонажную фабрику своего отца, женится, ведет размеренный и скромный образ жизни. Правда, он покупает гитару, сочиняет песни и исполняет их. Но это для него не более чем увлечение, такое же, как и велоспорт, и самодеятельный театр, и участие в работе молодежной организации. Но вот в жизни Бреля начинаются случайности, так часто сопровождающие появление большого таланта.

Ему удается записать пластинку—всего четыре песни. И пластинка эта попадает в Париж к Жаку Канетти—человеку, прозванному журналистами

«Христофором Колумбом песни». Ведь именно он открыл для французской эстрады таких выдающихся шансонье, как Ги Беар, Жорж Брассенс, Серж Реджани. И на этот раз Канетти не ошибся. Он немедленно звонит в Брюссель и вызывает никому не известного Жака Бреля в Париж. Как вспоминает Канетти, ему стоило немалых усилий убедить этого застенчивого и провинциального молодого человека переехать во Францию и начать новую жизнь—жизнь шансонье.

Сам Брель считает, что, не будь этой встречи, он бы все равно покинул Бельгию.

Главное для меня—это двигаться, открывать новые миры. Таким новым миром стала для меня песня. Я с детства был любознателен и мечтал все посмотреть и попробовать. Талант—это не что иное, как желание что-то делать. Целая жизнь, чтобы попытаться это что-то сделать»...

«МЛАДШИЙ БРАТ ЭДИТ ПИАФ». Жак Брель всегда имел это желание «попытаться» и всегда пытался, несмотря на то, что далеко не всегда его ждал успех. Так, первые выступления в парижских кабаре и первые пластинки прошли почти незамеченными для публики. Зато, когда успех все-таки пришел, он был полным и окончательным.

Песни-поэмы Бреля отличают великолепное чувство слова, блестящее владение метафорами, оригинальные неологизмы и, конечно, высокая одухотворенность. Его язык—это удивительное сочетание теплоты и едкости, нежности и хлесткости.

*За густой пеленой
Наших будничных дел,
За большой маетой
Наших душ, наших тел,
Сквозь унылые тени
Обид и забот,
Сквозь тугое сплетенье
Житейских невзгод,
За уродливым миром
Пустой суеты,
За угрозами и сырью
Лицом нищеты
Мы увидеть должны.
Как прекрасна земля,
Как березы нежны
И легки тополя,
Сердце верного друга
Увидеть должны.
Зелень летнего луга
И трепет весны...».*

* Перевел с французского Морис Ваксмахер.

Моя цель—заставить людей мечтать и понимать друг друга, любить друг друга. А еще я хочу, чтобы они поняли, что жизнь может быть прекрасной, радостной, простой, нежной и щедрой.

Жак БРЕЛЬ

Впрочем, сам Брель всегда подчеркивал разницу между песнями и поэмами, песнями и стихами.

«Это две разные вещи. Стихи пишутся с тем, чтобы их читали и перечитывали. Стихам ни к чему дополнение в виде музыки. Они музыкальны сами по себе. Песня же должна быть снейтой. Она должна быть понятной с первого раза. Я не пишу стихи, мне трудно найти поэтическую музыкальность. Музыка мне необходима, чтобы зазвучали слова».

Его часто просили дать определение песенного творчества, но он отвечал, что у него нет готовой идеи на этот счет.

«Я не ремесленник, фабрикующий песни. Но можно сказать, что я скорее рисую песни, чем пишу их. Слова—это линии, музыка—краски. Я работаю где угодно и когда угодно—в гостинице, в поезде, в самолете. У меня нет определенного метода написания песен. Мне приходит в голову какая-то идея или музыкальная фраза, а затем из этого элемента я стараюсь выстроить костяк песни, ее начало и конец. Я сочиняю песни потому, что я их слышу, и потому, что мне необходимо их записать. Сначала я вовсе не думаю о публике, я не хочу идти у нее на поводу. Это не мешает мне впоследствии облачить песню в красивую оркестровку, которая может понравиться слушателю. Когда я пою каждый вечер, я начинаю лучше писать—я чувствую себя ближе к публике. Она зеркало для певца. Гастроли напоминают мне передвижную лабораторию»...

Его окрестили «неистовым Брелем» за страстную и взрывчатую манеру исполнения. А известный французский шансонье Ги Беар сравнивал Бреля по темпераменту и глубине передаваемых им чувств с Эдит Пиаф. Он называл его «младшим братом» великой французской певицы.

ВЕЛОГОНЩИК, КОТОРЫЙ ПОЕТ. Брель почти никогда не соглашался на сольные выступления. Он имел очень богатый репертуар, но на концерте пел не более 15—16 песен, никогда ничего не исполнял на бис.

«Когда один фигурируешь на афише, то забываешь уступать место другим... Я всегда хотел быть честным перед самим собой. Я не хочу краснеть за свою работу. Никакого мошенничества, никакой бравады. За 15 лет в музике-солале я научился самодисциплине. Я приучил работать свои мозги и тело как заведенные».

Часто в концерте Бреля играли два оркестра, играли по очереди, так как не все музыканты выдерживали его бешеный ритм. Сам Брель, говоря о своей работоспособности, вспоминал о юношеском увлечении велоспортом:

«Я велосипедист, который поет. Ощущение после концерта у меня точно такое же, как если бы я долго взбирался на велосипеде на огромную гору, а затем стремительно мчался вниз».

Все эти качества Бреля — певца, поэта и музыканта выдвинули его в первый ряд французских шансонье, сделали его кумиром публики не только во Франции, но и за ее пределами. Жак Брель много гастролирует, в 1965 году с успехом выступает в Советском Союзе.

Он поет о человеке, о его надеждах и радостях, о любви и одиночестве, о красоте жизни. Особенно популярны песни Бреля «Не покидай меня», «Когда нет ничего, кроме любви», «Мадлен». Среди его песен — песни политические, антиконформистские, сатирические.

...Казалось бы, жизнь вошла в колею, будущее определено. Нужно продолжать сочинять песни, исполнять их, а успех уже заведомо обеспечен. И вдруг в 1966 году, к полной неожиданности публики и критиков, Жак Брель объявляет о своем решении покинуть сцену.

СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ. Он хотел сделать свой уход со сцены таким же незаметным, как и приход на нее. Но известному шансонье, любимцу публики, этого сделать не удалось. От него потребовали разъяснения столь необычного решения. Оказалось, что прощание со сценой означало для «великого Жака» не уход на пенсию, а прелюдию к новым начинаниям.

«Человек создан для того, чтобы быть в движении, чтобы все время идти вперед, чтобы умереть в движении. Все несчастия в мире происходят из-за неподвижности».

В одной из песен Брель сожалеет о том, что он не родился Васко да Гама.

«Больше всего я ненавижу устроенность. Она означает остановку. Я боюсь засидеться на одном месте, поэтому я должен сменить поле деятельности, перенести его куда угодно, будь то на небо, на землю или в океан».

Другой причиной этого шага была высочайшая требовательность Бреля к своей работе.

«Я стал слишком лояльным в написании песен. А это опасно — теряются непосредственность и искренность».

Поиск новых миров, новых возможностей для самореализации привел Бреля к постановке мюзикла «Человек из Ламанчи». Образ Дон-Кихота всегда был близок Брелю своей открытостью, добротой и чистотой.

«Меня привлек образ Дон-Кихота, человека из Ламанчи, этого завоевателя мечты, одинокого героя, который слишком поздно приходит в мир, где уже нет места мечтам и приключениям».

Таким же близким был для Бреля образ князя Мышкина, созданный им в радиопостановке «Идиот». Уйдя со сцены, Жак Брель продолжает писать песни и записывать пластинки, с большим успехом выступает как актер кино (советскому зрителю он запомнился по фильмам «Профессиональный риск», «Зануда»). Но Брель ищет нового простора для творческого самовыражения. В 1971 году он ставит фильм «Франц», а в 1973 году еще один фильм — «Дикий Запад».

«Мои два фильма — это фильмы о мечте, мечте о детстве и мечте о приключениях. Я пел об этом в своих песнях, теперь я сделал об этом фильмы. Мечта — это самое прекрасное, что есть в жизни, это то, какой эта жизнь должна быть. Мечтать свойственно всем, но нам, фламандцам, особенно. Мы родились и выросли в равнинной стране, стране, лишенной гор и холмов, и нам пришлось создавать их в своем воображении. Обратите внимание, например, на фламандскую живопись. На многих полотнах — горы... Этим же и объясняется, я думаю, наша приверженность к фантастическому».

Отношения с кино сложились у него непростые. Брель-актер заразил зрителей искренностью, энтузиазмом, темпераментом. Брель-режиссер разочаровал. «Дикий Запад» был показан на Каннском фестивале 1973 года и потерпел полный провал. Но вот что сам Брель говорит по этому поводу:

«Я не хочу сказать, естественно, что этот провал меня радует. Но не так уж он меня и огорчает. Ведь когда что-то делаешь, думаешь не об успехе, а о том, чтобы выразить себя. А иначе не стоит и начинать. Главное — это пробовать, не бояться делать. Есть люди, которые ничего не делают, но всю критикуют других. Я же предпочитаю поражение ничегонеделанию».

КОГДА БОЛЬНО ЗА ДРУГИХ... Проявив себя в столь различных амплуа, Жак Брель всюду оставался человеком с открытым сердцем, чутким и отзывчивым ко всему

чистому и незащищенному. Недаром в его разнообразном творчестве так явственно читаются темы защиты детства, защиты мечты.

«Я пою много о юности и о любви, потому что это очень актуально, это то, чего нам сейчас не хватает. Не хватает нежности, не хватает искренности, не хватает способности удивляться... Певец — это тот, кому больно за других».

«Я не считаю себя современным человеком. Сейчас все валютует проблемы успеха, выгоды, осторожности. Все это мне очень трудно понять. Я до сих пор чувствую себя ребенком в мире взрослых. Меня часто упрекают в наивности. Но, по-моему, быть наивным прекрасно, это значит — иметь моральное здоровье».

«Деньги меня пугают. Деньги искажают человеческие отношения. Богачи думают только о тех деньгах, которых им не хватает. Я боюсь стать богатым, боюсь, что у меня тоже появятся болезни роскоши. Деньги скрывают людей. А человек должен быть подвижным».

«Единственное, что имеет значение в жизни, — это сама жизнь. И только жизнь! Меня никогда не привлекали ни религия, ни метафизика. Я всегда был участником жизни. Я без конца совершаю открытия. А жить — это значит совершать открытия. Жить — это значит делать свое дело от души. И я стараюсь жить. Это не просто. Но это захватывающе. Это удивительно».

Эти слова были сказаны Жаком Бредом на Каннском фестивале 1973 года. Он говорил тогда о своих планах, о том, что собирается работать в кино, может быть, вернется опять к музыкальной комедии, подумывал о написании романа.

А через год после этого Брель изумляет почитателей своего таланта: порывает все контракты, покупает яхту и отправляется в кругосветное путешествие.

«Я хочу найти такой уголок земли, где жизнь существует в своей истинной, первоначальной форме, где можно любить и мечтать, жить с людьми и для людей».

Казалось бы, внешне этот отъезд Бреля произошел вдруг. Но если задуматься во многие его высказывания, то понимаешь — это результат глубокой нравственной трагедии настоящего художника в жестоком мире, который так не соответствовал его представлениям о справедливости и счастье.

Брель, так любящий жизнь, жизнь в вечном движении, знает и то, чего не знает широкая публика: он неизлечимо болен. Но он знает и то, как прожить последние отпущенные ему судьбой годы, не изменив себе.

Не случайно для своего нового местожительства Брель избирает один из Маркизских островов в Полинезии — островок под названием Хиваова. Здесь, на этом же самом острове, жил, работал и впоследствии был похоронен великий художник Поль Гоген, бежавший сюда из цивилизованного мира, где ни ему самому, ни его искусству не было места. И именно здесь Брель осуществляет свой идеал служения человечеству.

Продана яхта, и на вырученные деньги Брель покупает самолет. Он получает разрешение на осуществление почтовой связи между островами Маркизского архипелага, одновременно перевозит больных с отдаленных островов на Таити. Его самолетик взлетает в любую погоду, точно по расписанию. Бури и порывистые ветры Тихого океана не страшат его. Не пугает его и то, что сажать самолет часто приходится в местах, где отсутствуют посадочные полосы. Похоже, что каждый раз он бросает вызов опасности. В этом каждодневном риске Брель, возможно, старается забыть о своей трагической тайне. «У меня небольшой грипп», — говорил он друзьям с островов, когда их беспокоил его кашель.

Название его самолета — «Жожо» — было символом дружбы. Так звали бессменного секретаря и друга юности Бреля, погибшего за год до этого.

Домом Жака Бреля была простая дощатая постройка, затерянная среди океана зелени, очень похожая на последний приют Гогена. Вместе с архитектором Таити он создал проект нового, более просторного дома, надеялся жить в нем. По стечению обстоятельств макет дома был закончен в тот день, когда певец умер — во Франции, за 18 тысяч километров от края, где он прожил четыре последних года.

Воля Жака Бреля была исполнена. Он похоронен рядом с Полем Гогеном на высоком зеленом холме, омываемом нескончаемыми волнами Тихого океана.

Теперь, три года спустя после смерти Бреля, его творчество не представляется критикам набором случайных и разрозненных элементов. Слушая его сильный и щедрый голос, поющий о любви и справедливости, об одиночестве и о надежде, смотря фильмы с его участием, перечитывая его интервью, мы понимаем, что все сделанное Бредом — проявление яркой и цельной индивидуальности, щедрой и неуспокоенной души, сердца, вместилившего в себя радость и боль за человечество.

Татьяна ЛУЧНИКОВА

Долго еще будет солнце писать пальцем нагретым на жгучих ступенях. Долго еще будут в чашечке пену пчелы уставшие собирать.

Долго еще будет лентой свисать солнечный луч с загорелых лопаток. Долго еще этот домик дощатый в зелени замшевой будет стоять.

Так для чего же под тень флигелей, словно из скрытности, сумраком скользким нес в своей яростной скрипочке Ойстрах осень?

Даже сверчок, говорящий сверчок, все ощутил своей чуткой гортанью. Что это — радость или наказание — звуками тело сжигать горячо?

Лето уже невозможно спасти. Скрипка дрожит за спиной, как бывшее... И невозможно ничем объяснить жажду певучей, чарующей боли.

Между небом и землей все уснуло. Так казалось. До того, как мир войной станет, пять минут осталось.

Даже венчики цветов как под ветром вдруг поблекли. Скрытые, из-за кустов их обшарили бинокли.

И к цветку цветок приник в подсознательном испуге, оттого, что в этот миг открывались танков люки.

Не тряслась еще земля. Не гудела от металла. Только как-то тяжело над планетой солнце встало.

Что спокоен шар земной, это только так казалось. До того, как мир войной станет, пять минут отсталось.

Небо — это птице радость. Вот ладонь моя — пуста. Преумноженная сладость — по спирали высота. Взмах крылами, не жалея! На мгновенье — не хочу! Будто над Свети-Цховели в первый раз — лечу, лечу... Птица, пусть все будет это точно так, как ныне есть. Только память, только лето, только высота...

...И честь.

Растерянню не стоит плакать и все сводить, сводить к нулю, как будто плавать, плавать, плавать в реке холодной — на краю. А надо женщиной быть слабой, чтоб даровать кому-то власть, и испытующе хотя бы к твоим глазам легко припасть. О, это женское лукавство среди горьких трав и спелой ржи напоминает о лекарстве — без сожаления, без лжи.

у, с этим ясно,—сказал Привалов.—Ясно, что вы пытаетесь доказать. Теперь вы уже не настаиваете на своей прежней версии, что тетку Павлину убил Сличко каким-то неизвестным в криминалистике способом, как вы раньше подчеркивали, чтобы упрекнуть меня за недоверие к показаниям экспертизы. Значит, теперь вы уже считаете,

что подобным способом тетку убила Галина. А что же, по-вашему, делал Сличко?

— Сличко, вероятно, провел день в старом доме Галины и к вечеру должен был вернуться домой. Но прежде чем идти домой, он нанес визит Петрушину. Думаю, сделал это потому, что уже собирался уезжать, вероятно, ночным поездом. Иначе зачем ему этот визит? Словом, все дальнейшее к смерти тети Паши отношения не имеет. Между прочим, если бы Сличко сразу пошел домой, не заходя к Петрушину, тетя Паша продолжала бы жить.

— Вот даже как?

— Галина пошла на это преступление потому, что ей важно было окончательно погубить Сличко и тем самым избавиться от него. Ведь он же сделал ей недавно—в отместку за нежелание уехать с ним—подлость, натравив ее сына Пашку Куряна на ограбление магазина.

— Может быть, она же убила и самого Сличко?

— Нет, я так не считаю,—отвечал я, делая вид, что не замечаю приваловской иронии. Совершенно очевидно, что он не верил моей версии о роли Галины в гибели тети Паши.—Но вы все равно установите следующее. Сличко, явившись в Новоднепровск, увидел, что явился в пустоту. Не только из-за того, что потерял свой клад. Он и женщину потерял, с которой хотел провести остаток жизни. Возможно, он и раньше каким-то способом...

— Конечно, тоже неизвестным в криминалистике,—с улыбкой заметил Привалов.

Но и эту реплику я пропустил мимо ушей.

— Каким-то образом звал ее к себе, да она не ехала. Кстати, некая ревность тоже могла подстегнуть его и заставить приехать в Новоднепровск. Хоть жил он на свете по чужим документам, мог же надеяться по этим же документам официально жениться на Галине и своего собственного сына усыновить. Однако, разобравшись во всем, потеряв надежду на спокойную и обеспеченную старость, он принял решение проучить Галину. Сидя по ночам или среди бела дня в ее старом доме, он залез в душу к сыну. Чергинец назвал того балбесом, так что для Сличко благодатный материал. Сличко пожертвовал сыном, чтобы проучить Галину. Дать ей испытать то, что он уже прошел, чтобы она потеряла все: и сына, и мужа, и, возможно, свободу. Вы говорите, что парень исчез после ограбления магазина? А я уверен, что он прячется где-то в Новоднепровске. Вот вы попробуйте

притом так, как ему положено быть закрытым в холодную осеннюю ночь. Кто же закрыл окно?

— Софья,—быстро ответил я.—Когда утром пришла с дежурства. Эта девица умеет держать себя. Она и ко мне приходила, чтобы ввести меня в заблуждение. Хотя подождите... Вы же сами прислали мне записку, что она отлучалась из больницы.

— Она якобы беспокоилась о том, что происходит дома.

— Значит, она и закрыла окно. Возможно, что тогда же ночью. А больницу покинула по причине простой и глупой. Когда Елышев, которого она уже считала своим любовником, выходил из ворот больницы, его задержала подъехавшая на автомобиле... ну, довольно молодая вдова... врач из нашей больницы.—Так как Елышев не сказал мне этого прямо, то и мне не хотелось называть прокурору имени своей сестры. А ведь почти наверняка это как раз Валентина пыталась удержать Елышева.—Софья знала, что соперница—в ее воображении соперница—закончит работу в двадцать два часа. Вот она и убежала в это время, чтобы подкараулить Елышева возле дома соперницы. Конечно, не дождалась, потому что соперница задержалась в больнице, а Елышев пошел сперва к Надежде, потом за Надеждой. И своей формой, ночью похожей на милиционерскую, сыграл во всех ночных событиях едва ли не решающую роль.

Вот тут Привалов так красноречиво вздохнул, словно окончательно разочаровался во мне.

— Конечно, можете не соглашаться со мной,—пришлось добавить мне.

— Конечно, несогласен,—ответил Привалов.—Многое было не так. Не все, но многое. Ваши парни и девицы говорят правду. Только не всю, что можно понять,—они ведь прежде всего стараются отвечать на вопросы. К тому же мимо вашего внимания прошли кое-какие важные детали. В общем, поскольку угрозыск передал дело мне, я ведь говорил вам об этом, завтра всех этих парней и девиц и еще кое-кого я вызову к себе. Будут протоколы. Обвинительное заключение. Суд. Приговор. Или даже приговоры.

— В таком случае,—рассердился я,—хороша же была наша с Чергинцом роль. Считайте, что я вам больше не помощник или кем там я был. А Чергинец сам решит.

— Ну, что ему решать,—улыбнулся Привалов.—Вы с ним очень помогли нам. И, между прочим, вполне могли бы докопаться до истины. Но его пристрастия еще сильнее, чем ваши, доктор. Впрочем, бывают дела, когда пристрастия играют решающую роль в раскрытии страшных преступлений. Кстати, и в этом деле они были необходимы. И вы еще поймете, почему.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите,—разрешил я.

Валерий ВИНОКУРОВ,
Борис ШУРДЕЛИН

СЛЕДЫ В КРУТОМ ПЕРЕЛКЕ

ПОВЕСТЬ

те провести Петрушина по тому пути, каким он шел за Сличко в тот вечер. Наверняка Сличко по дороге нанес визит и своему балбесу-сыну. Да, да, именно потому они и шли—Сличко с Петрушиным—так долго, что отец навещил сына в каком-то тайнике, а Петрушин, может быть, об этом и не подозревает. Но помнит же он свой путь? Так вот. Галина мстила еще и за сына. А может быть, и за то, что рухнули и ее надежды на ту ховашку...

И дальше я рассказал прокурору, что узнал обо всех ночных событиях. Привалов слушал меня терпеливо и где-то ближе к переходу от версии к информации без тени улыбки: многое в моем рассказе его заинтересовало, хотя, повторяю, Галину убийцей тетки он явно не признавал.

— Фантазия у вас, доктор, работает неплохо,—в задумчивости, вяло заметил он. Но спустя мгновение оживился:—Нет, это совсем неплохо. Зря вы надумались. А кто же закрыл окно?—вдруг спросил он.—Сличко же, вы считаете, выскочил в окно. Но когда мы с вами пришли утром, окно было закрыто, и

Оба—и я и прокурор—раскрыли рты от удивления. Вид у нас был, как я мог судить по виду Привалова, преглупейший. Потому что в мой кабинетик—с белыми стенами, белым топчаном, с белыми халатами на вешалке и потертым столом—ворвался разгоряченный, возбужденный Чергинец. Белый халат, полученный в гардеробе, он держал скатанным под мышкой. Под дождь он выскочил, конечно, без шапки, голова и плечи его намокли.

— Я знаю, дядька Прохор ничего вам не скажет. Только мне.—с места в карьер начал Сергей.

— Ты уверен, что ему есть о чем рассказать?—с какой-то странной опаской спросил Привалов.

— Святослав Владимирович, я не знаю, до чего вы договорились с другими,—укорил прокурора Чергинец, к моему, между прочим, удовольствию,—но если хотите, я вам без расследования расскажу—кто, за что и для чего. А вот как это все было, я и знать бы не хотел... Словом, дядька Прохор с моим отцом были друзьями. Еще с войны. Вернулись, Прохор и узнал, что в его семье, у двоюродной сестры, сотворилось. Что Сличко этот сволочью оказался. Пока девочки малые были, Прохор помогал незаметно, кой-чего подбрасывал, а сам в тот дом почти не

ходил. Когда племянницы выросли, совсем там не появлялся. А вот к старости поближе, когда друзей стал хоронить, и моего отца в том числе, когда и жену похоронил, тут-то и дал слабину, Галина его и окрутила. Я говорил ему... да разве же только я... Ох, эта Жуйчиха, сильна, видать, там, где нам не видно. С тех пор, как он на ней женился, все мы отвернулись от него.

И в этот момент распахнулась дверь.

— Товарищ прокурор,—позвала санитарка,—врач сказал, можно к нему...

Мы с Приваловым на бегу застегивали халаты, Чергинец натягивал свой. Прокурор позвал помощников. У постели дядьки Прохора, как его назвал Сергей, нас оказалось пятеро.

Больной молчал. Шуршала лента магнитофона—он был громоздким, неуклюжим чемоданом. Больной переводил взгляд с одного лица на другое, пока не остановил его на Чергинце.

— Сережа... сынок...—прошелестели слова, голос звучал слабо, но и свежо,—так говорит обычно человек, который долго молчал, потому что вынужден был молчать, и наконец заговорил—с облегчением, с желанием.—Сережа... сынок...

Чергинец опустил на колени.

— Да, это я, дядько Прохор, я к тебе пришел.

— Сынок, прости меня, за все прости...

— Да я прости, дядько Прохор, давно прости.

Если бы в ту минуту я вздумался в эти слова Сергея, то не поверил бы ему: никого он никогда не прощал, не умел он прощать. Но и врать не умел. Раз так сказал—значит никогда по-настоящему не держал на Прохора зла. Значит, жалел его. Хоть и в разлуке.

— Она... она... ты был прав, какая она...

— Что она сделала, дядя Прохор?

— Сережа, поверишь ли... Сережа...

— Что она сделала, дядя Прохор?

— Сережа... Павлину... задушила она... она задушила... Сережа... Я после нее зашел... Подушкой тетку Павлину задушила... Подушку снял, но Паша уже не дышала... Пытался поднять ее... помочь... Уже поздно было...

Я победоносно посмотрел в глаза Привалова, но они ответили мне холодным и насмешливым блеском. Неужели прокурора просто не устраивала такая правда?

За окнами палаты качали серыми ветвями старые липы. Они, эти вековые липы, на Яруговке медленно умирали. А я еще помнил те довоенные времена, когда липовое цветение в июле превращало наш городок в медовый пирог. Но теперь парк на Яруговке умирал. В последнюю зиму оккупации полиция взорвали насосную в парке, а она была кормилицей этих лип. До сих пор—уж семнадцать лет прошло после войны—не восстановили хитросплетение подземных каналов в парке на Яруговке. Людям долго не до деревьев было, и лишь совсем недавно специалисты нашли. Успеют ли с его помощью восстановить насосную и сеть каналов, чтобы спасти деревья?

17

В последующие дни прокурор был занят. Угрозыск все материалы уже передал ему. Теперь каждая его беседа с кем-либо из участников событий той ночи завершалась подписанием протокола. Период при-

ватных бесед и нашего с Чергинцом участия в сборе сведений ушел в прошлое. С прокурором же я встречался, как обычно, по утрам, когда надо было сделать ему перевязку. Я не приставал к нему с расспросами, но он всегда успевал мне сообщить самое интересное. Новая информация, конечно, видоизменяла мои версии, однако у прокурора хватало такта не осмеивать их. Впрочем, многое подтверждалось, так что я не был полностью дезавуирован как исследователь. Если же какая-то новость заставляла меня врасплох и не укладывалась в первоначальную схему, Привалов доброжелательно замечал, закатывая рукава и освобождая перевязанное предплечье:

— Не огорчайтесь, доктор. Информация—мать интуиции. В вашей профессии ведь тоже, не правда ли?

Так или иначе спустя неделю после той трагической ночи все нам стало окончательно ясно. По привычке говорю «нам». Важно, что все стало ясно прокурору. Однако держался он так, будто знал обо всем с самого начала.

В общем, спустя неделю, в такой же дождливый вечер, но, как ни странно, теплый, мягкий—редко, а выпадают такие вечера даже поздней осенью,—я с удовольствием принимал у себя гостя.

Окончание. Начало в №№ 11, 12, 13, 14.

— Вы же разрешили прийти, когда все уляжется,—напомнил Елышев.

— Еще не все улеглось,—возразил я.

Утром в своем кабинете я узнал от Привалова, что ему необходим еще день-другой, чтобы завершить дело. Тогда же он рассказал мне все, что сумел расследовать, к каким выводам пришел. Но что такое приваловский день-другой? Никто не может поручиться, что завтра прокурор не переставит все свои выводы с ног на голову.

— Ну, для меня все,—уверенно сказал старшина.

Я понимал, что его, конечно, интересовало, как удалось прокурору докопаться до истины. И узнать это ему хотелось именно у меня. Потому что — теперь я уже это твердо знал — как раз этого старшину полюбила Валентина. Она и настояла раньше, чтобы он ко мне пришел, и настаивала теперь. Ей так хотелось, чтобы я к нему проникся хоть какой-то симпатией. Но и ему не мешало бы откровенно признаться в том, как он предполагает в будущем строить отношения с моей сестрой. Для меня это важнее, чем удовлетворить его любопытство.

Мы устроились в теплом углу, в тесноватых креслах.

— Вы мне, правда, все расскажете?—спросил Елышев.

— Конечно, расскажу, хотя мою окончательную версию прокурор не принял. И правильно. Оказалось, что я на половине пути застрял — естественно для дилетанта.

— Но ведь вы начали, правда? Всегда важен первый шаг,—решил успокоить меня старшина таким тоном, каким, наверно, беседует вечерами с молоденькими своими солдатиками.

— Ты прав. Но и первый-то шаг сделал все равно не я, а Сережа Чергинев. Он как бы напал на след.

— Но ведь это вы определили, что Мальхя там был. С этого же все началось. Не был бы он там, и вы бы никого из нас не нашли. А вот как вы насчет Мальхи догадаетесь?

— Опять же не я, а Сергей. Он знал, что, когда холодно, Мальхя ходит в шкиперской куртке, да и когда тепло, не торопится снять ее. А тут Сергей увидел Мальхю в ватнике, сообразил и повел нас в барак. В комнате было на удивление сыро. Почему? Потому что на батарее отопления сушилась до нитки промокшая шкиперская куртка. Почему она, скажем, не высохла, если сушилась всю ночь? Мальхя же

говорил сперва, что всю ночь спал. А на следующий день Мальхя прибежал ко мне потому, что, когда дома взялся за куртку — она уже высохла, — то и сообразил, почему мы с Сергеем ему не поверили. И правильно решил, что отпираться бесполезно.

— А я? — абсолютно серьезно, без тени улыбки спросил Елышев.

— Если бы ты сразу рассказал о своей стычке со Сличко, я бы еще сомневался, был ли ты там. Но ты боялся, что мы твою стычку превратно истолкуем. А чего тебе было бы этого бояться, если ты ночью там не был, если имел алиби? Раз ты о стычке умолчал, сомнений быть не могло — ты был ночью в Крутом! Пришел же ты ко мне на следующий день, потому что понял это. Но, вероятно, не сам решил, а тебе подсказали, что надо подойти ко мне. И кто подсказал, мне нетрудно догадаться. Я ведь о тебе и раньше слышал, хотя не видел тебя никогда. Кстати, надеюсь, что нам и о том человеке надо будет поговорить, но, видимо, попозже.

— Да, хорошо, почти все так,—проговорил Елышев, и я, пожалуй, впервые увидел его таким смущенным. Испуганным видел, смущенным — пока нет. А потом он спросил: — Зачем же приходила к вам Надя? Разве ее подозревали в чем-то?

— Нет, но она видела тебя в Крутом переулке.

— Меня? — поразился старшина. — Значит, это она обо мне сказала?

— Вот именно. Только я не знаю, чего ей хотелось больше — досадить тебе или выгородить.

— Но вы нашим рассказам не очень-то поверили, так?

— Почему же? Поверил. Я привык людям верить, но часто оказывается — зря. Вам всем я верил, но, к сожалению, слушал непрофессионально, не так, как нужно было.

— А как нужно было?

— Так, как слушал меня и потом всех вас прокурор. Но самая главная моя ошибка была вот в чем: я решил — все, что вы делали, каждый в отдельности, покинув переулок, не имеет значения. А прокурор решил иначе: имеет, да к тому же первостепенное. И даже объясняет смерть Любы.

— Неужели?

— Ты послушай. Володя Бизяев до дому не дошел. Он поплелся на завод, хотя и не знал зачем. Добрел до проходной, увидел телефон и позвонил. Сперва, конечно, в милицию. А потом... не догадаешься — кому. Вере!

— Почему Вере, а не Любе?

— К тому часу он не принял никакого решения, не знал, как быть с Любой. Подчиниться воле матери или пойти наперекор ее воле? И события в Крутом еще больше запутали Володю. Теперь об этом все знают, так что я могу говорить. К тому же он надеялся, что Вера сама позвонит Любе. Но он был в таком состоянии, что не представил Вере, не подумал, что в заводском шуме она может его голос не узнать. И фразу-то сказал всего одну, не умнейшую притом: «У тебя дома несчастье». Самое нелепое, что она потеряла голову и поступила так, как может только девчонка — не женщина с житейским умом. Непостижимо, никакой логики! Она бросает свое рабочее место и мчится в порт, в барак. В ее представлении дом — это комната Мальхи, и несчастье — от волнения она ни о чем другом не думает — произошло с ним, с Гришей. Но его в бараке нет, и Вера мечется по баракам, ищет, не находит и вынуждена возвратиться в цех.

— А куда же Мальхя подевался? Если Володя дошел до завода, то Гришка мог — до дому?

— Вот теперь и ты рассуждаешь, как это делал Привалов. И Мальхя наткнулся на автомат у ЦУМа и позвонил Любе. Сперва он пытался дозвониться до Веры, но той на месте не было, она ж была в порту. По простоте своей он и рассказал Любе о смерти тети Паши, о том, что убили старуху. Тут и Мальхя наконец сообразил, что надо в милицию сообщить. А там, кстати, ему ответили: «Уже знаем». Значит, Бизяев Мальхю опередил. Люба же, ты сам знаешь, не Софья, не Надежда, она девочка была впечатлительная и реагировала как человек. Мальхя же совсем ни к чему сказал ей, что видел там Бизяева, во дворе. И что потом тот исчез. Глупость сделал Мальхя. Не понимал он, как все это в Любиной голове уложится, что она подумает, кого и в чем заподозрит. А Люба стала звонить Софье — Вере-то не смогла дозвониться, той на месте нет. Но и Софьи на месте не оказалось. Это уж ты должен знать, почему. — Пожав плечами, я взглянул на сосредоточенного Елышева.

— Да,—согласился он,— тут я виноват.

Он действительно поступил не лучшим образом в ту ночь. Из Крутого переулка пошел через весь старый город на Яруговку, в больницу. Я, между прочим, пытаюсь предвидеть поступки Софьи в ту ночь, кое-что угадал, но далеко не все. Как я и предполагал, раздираемая ревностью, Софья побежала, как говорят в Новоднепровске, ловить Елышева на месте измены. Его там, конечно, не было. А ее возвращение

в больницу около полуночи как раз совпало с появлением Елышева в больничном холле. Он и рассказал Софье о том, что сам знал, добавив фразу: «По-моему, там нечисто сейчас». Правда, о смерти тети Паши он тогда ничего не знал и имел в виду только ссору Петрушина и Сличко. Софья хотела, чтобы он проводил ее в Крутой переулочек, но он решительно отказался. Он сам толком не знал, зачем пришел в больницу — скорее всего не к Софье, но встретил ее и рассказал.

И она убегает домой. Увидела, конечно, тело тети Паши. Грязь на полу в комнатах. Обнаружила исчезновение денег, которые она многие годы копила. В те минуты она все — и убийство тети Паши — относит на счет отца. Слишком много вины — так ей кажется. Хотя как-то облегчить ситуацию — вот ее решение. Логика мало в ее поступках, но ведь в каком она состоянии после всей беготни. Она не может остановиться, у нее зуд деятельности. И Софья среди ночи приводит комнаты в порядок. Даже наволочку на подушке, что лежала у тети Паши на лице, сменить догадалась, потому следствие и обнаружило только Софьины отпечатки пальцев. И окна да двери она плотно прикрыла. Полы вымыла, чем ввела наутро всех в заблуждение. Прокурор ступить боялся в комнаты — так они сверкали чистотой.

— Она вообще не порядок не терпела, все время девчонка гоняла чистоту наводить, — подсказал Елышев. — А теперь — ее дом. Нет, не заметала она следы отца. Просто грязь не могла вытерпеть в собственном доме.

— Итак, Софья привела в порядок комнаты, успев опередить милицию. Вот к чему, кстати, привела медлительность Бизяева и Малыхи. Софья же все в бешеном темпе делала, вернулась быстро в больницу, и остаток ночи ей пришлось провести в операционной. А ты в это время...

— А что мне оставалось? Промок, дома своего нет. В казарму в такое время не вернуться. Где теплый угол найти? Да, что я, разве это главное? Я ведь тоже, как и Малыха, многое понял, но вы же сами сказали, что об этом потом...

— Я тебя не виню. Самое страшное, что Люба в это же время... Следствие ведь сразу установило, что она помогала отцу встречаться с Галиной. Она тоже молчала о его появлении. И теперь она во всем винила себя — в гибели тети Паши прежде всего. Она могла думать не только на отца. Она к тому же не могла понять, что делал там Бизяев. И если он не виноват ни в чем, то почему прятался, почему даже от Малыхи скрылся? И, конечно, она решила, что он виноват, да и с отцом ее мог столкнуться. Тогда для нее все, конец, больше Володьки ей не видать. Кто теперь узнает, о чем она думала?

— Выходит, мы все виноваты.

— Да, как сказать — и все и никто. Что ты не пошел в милицию — тебя можно оправдать: ты ничего ведь и не знал о смерти тети Паши. Но все же знал, что нечисто в доме, раз сказал об этом Софье. А вот Бизяев, если уж пошел на завод, должен был все рассказать Чергинцу — тот нашел бы верное решение. А то ведь сколько времени Бизяев потерял, прежде чем позвонил в милицию. Как я понимаю, он еще ничего не знал о смерти самого Сличко. Может быть, парень надеялся отомстить ему в следующую ночь, потому и пребывал в растерянности. А Малыха, если уж не пошел в милицию, отыскал бы Веру. Он же, глупый, позвонил Любе, только после этого — в милицию и отправился домой.

— Но что из всего этого мог выудить прокурор? — спросил еще раз Елышев, словно напомнив о цели своего визита ко мне.

И я, отбросив наконец собственные версии, раскрыл ему суть приваловских поисков.

Первыми по времени были признания Малыхи. Прокурора заинтересовало все, но особенно две детали. Первая: женщина, которую встретил Малыха в переулочке, бежала. Если бы она убила тетю Пашу, она бы хоть пряталась. Бежала же она прямо по переулочку с одной целью — быстрее, скорее. Словом, совсем не пряталась. Вторая деталь: Малыха утверждал, что она вдруг растворилась.

Какая женщина могла раствориться в этом месте Крутого переулочка? — вот какой вопрос задал себе прокурор.

— Вторым был твой рассказ, — говорил я Елышеву, — и мы с прокурором ухватились за одни и те же детали: за твоего пьяного и за твою шинель. Только прокурор не согласился со мной в том, что и Сличко, помимо Петрушина, испугался твоей шинели. По мысли прокурора, это был не Сличко, а другой. И, как ты, наверное, теперь знаешь, прокурор оказался прав. Он ведь уже всех, кого надо, допросил и задержал. В том числе и Пашку Кураня, понимаешь...

Третьей пришла ко мне Надежда, хотя, возможно, лишь с одной целью — досадить Елышеву и Софье. В ее показаниях, или признаниях, прокурор выделил — если не считать упоминания о пьяном — одно: когда Елышев постучал в дверь петрушинского дома, Сличко решил, что пришли за ним. Но не милиция, как

легко можно судить по его дальнейшему поведению. Он не запаниковал, не стал прятаться, но заволновался и заспешил.

Куда же он поспешил? — вот какой вопрос задал себе прокурор.

И дальше ход расследований был таким. Кого он мог ждать? Да, он не испугался. Но, по всей видимости, и не обрадовался, во всяком случае, нельзя сказать, что он был доволен приходом кого-то. С другой стороны, Елышев, блуждавший по Микитовке, пришел к дому тети Паши почти одновременно со Сличко. Где же тот был? Куда заходил?

Теперь-то благодаря сообразительности Привалова мы знаем все.

А дело было так.

Галина Курань рано утром виделась со своим сыном, Пашкой Куранем, в его укрытии — там, где он прятался после того, как ограбил материн магазин. Чергинец назвал его балбесом. И прокурор, как ни странно, ухватился за эту характеристику. Кстати, насчет заброшенного сарая, в котором тому балбесу можно было укрыться, отцу подсказала Люба. Да, да, люди сотканы из противоречий. Так вот, при встрече Галина выслушала своего сына и поняла, как наказал ее отвергнутый ею Сличко. Более того, сын признался, что отец ночью уезжает и берет его с собой. Весь день Галина в панике. И вечером идет в Крутой — объясняться со Сличко.

Но тот уже ушел, чтобы не возвращаться никогда. Перед уходом он, видимо, поспорил с тетей Пашей и, уходя, даже не обратил внимания на ее состояние, а она сознание потеряла. Таковы выводы экспертизы и догадки прокурора. Точно этого никогда уже не установить, ведь Сличко и тетки Павлины нет в живых.

Сличко договорился с сыном, что зайдет за ним в тайник лишь ночью, перед уходом на вокзал. Но балбесу надоело сидеть в старом сарае у оврага. К тому же он мог опасаться, не водит ли отец его за нос, действительно ли хснет взять с собой.

И Сличко правильно чувствовал, что Пашка вряд ли усидит в сарае — на дисциплинированность парня надежды было мало. Поэтому, услышав стук к Петрушине, Сличко и решил, что стучит сын, который не ждет терпеливо в сарае, а следует за отцом по пятам. Приняв стук Елышева за стук сына, Сличко пошел в тайник проверить, там ли сын. Если бы сын шел за ним по пятам, то и теперь пришел бы к тайнику, где отец и заставил бы его остаться. Но в тайнике Пашки не оказалось. И за отцом он, как тот выяснил, не следил. Все это логические выводы прокурора.

А вот в чем ему признался Пашка Курань. Пашка ждал-ждал в тайнике, не вытерпел и побежал искать отца. Ему и в голову не пришло бежать к Петрушину. Где найти отца? Конечно, в доме тети Паши. Он и заявился туда. Отца не застал. Но увидел, что в комнате за кухней лежит мертвая, как ему показало, тетя Паша.

Бежать! Бежать из города вообще — решает он. Но где взять деньги на билет, на жизнь? И он ищет эти деньги.

В признаниях Бизяева прокурор еще раньше уловил: свет то горел, то не горел.

Пашка ищет деньги. Кое-что находит у тети Паши. И пока ищет в ее комнате, закрывает подушкой ее лицо, считает же, что мертвая она. Теткинских денег ему мало. Он ищет у девчат. Ищет в комнате у Софьи. Но уйти ему помешали. Он слышит: кто-то зашел на веранду. Спрятался он довольно надежно, в Софьиной комнате.

Он не знал, что пришла мать. А она пробыла в доме всего несколько минут. Зашла — дверь-то оказалась открытой. Шагнула в кухню — и увидела тетю Пашу с подушкой на голове. На лице. В ужасе Галина сбежала.

Ее муж, дядя Прохор, зайдя в дом за ней следом, решил, что убийство совершила Галина. А она, напротив, если бы была возможность предупредить такое убийство, предупредила бы тетю Пашу, что той грозит опасность. Но дело-то в том, что опасности никакой не существовало. Тетю Пашу никто не собирался убивать. У нее никакого богатства не было. Это уже знали все.

Однако у Галины логический ум женщины, привыкшей оперировать накладными. В данном случае и поступки людей для нее, словно те же накладные на товары. И она начинает их тасовать в своем мозгу, чтобы решить, кто из двоих убил тетю Пашу: сам Сличко или ее сын? Клубок страха и ненависти жил у нее в душе. Уехать со Сличко — безумный шаг для нее. Она понимала это давно и не собиралась уезжать с ним.

Итак, она сбежала. Малыха видел, как она неслась по Крутому переулочку, но не узнал ее.

Она так бежала потому, что испугалась за сына. Он в доме побывал — она не сомневалась, потому что унесла с собой забытую им в комнате тети Паши шапку. Пока он дежурил там, искал, он шапку снял. Перчатки-то, сукин сын, не снимал. Не унеси она

Пашкину шапку, насколько это упростило бы задачу прокурору.

Она бежит и вдруг на глазах Малыхи растворяется. Но ведь чудес не бывает. И прокурор верно решил: единственная женщина, которая может на этом месте исчезнуть, — Галина, ибо она добежала как раз до своего старого дома, в котором сама уже не живет и в котором сейчас, по сути, никто не живет. Дом ее — на углу Микитовской и Крутого. Добежала она до него и исчезла за забором.

Но Малыха об этом не знает, поэтому она для него просто растворилась.

Что же ее привело в старый дом? Здесь после убийства может скраться сын. Но его там нет. И она бежит к оврагу, в его тайник, где утром она слушала его исповедь. Но и там его нет. Что делать? Вернуться к дому тети Паши? В Крутом она увидела Елышева. Возвращаться нельзя.

А ее сын между тем остается в доме тети Паши. Визиты в тот вечер в ее дом следовали один за другим. Балбес никак не мог вырваться.

И тут приходит отец. Он видит подушку на лице тети Паши, снимает ее. У него и мысли не возникает, что он сам оставил старую женщину в бессознательном состоянии. Значит, убийство — вот что он решает. Раз убийство — все должно остаться на своих местах. Подушку он возвращает — не в изголовье, а на лицо тетки.

Видит беспорядок — кто-то что-то искал. Он сразу подозревает сына, и никого больше. Идет в комнаты — там тоже следы. Грязные следы на полу. В Софьиной комнате он наконец находит сына. Вероятно, еще до этого сын открыл окно, чтобы сбежать. Происходит объяснение. Сын божится, что только положил подушку на голову и больше ничего — боялся мертвой: искал деньги, а рядом она лежит, вот и закрыл лицо подушкой. Но отец не верит, отец не берет вину на себя.

— Вот здесь и вмешалась твоя шинель, — сказал я Елышеву.

— Да, — согласился он, — и чего меня носило по Микитовке?

— Сын увидел твою шинель. Теперь уже ничто, никакая сила не могла удержать его в доме. Он выпрыгивает в окно. Отец за ним. Этот топот как раз и услышал Малыха. Пашка оказался проворнее отца. Он рассказал, что успел отскочить в сторону перед самым оврагом, не ступил на тот клочок земли, который затем, когда отец на него ступил, рухнул в овраг. Малыха ведь и глухой шум слышал — от падения Сличко то был шум. Так что тетя Паша, о которой ты, кстати, первый хорошо отозвался — первый в беседе со мной, о ней и другие неплохо говорили, — тетя Паша стала жертвой черствости, с одной стороны, и глупости — с другой. Может быть, и спасли бы ее врачи, если бы вызвал их кто-нибудь.

Я перевел дух. Говорить о той ночи было нелегко, даже мучительно.

— Люба же попала в тупик. Посуди сам. К Бизяевым дороги не было. Она понимала все. Знала, что Володя против воли матери не пойдет, хотя сам он еще мучился сомнениями. Более того, она начала подозревать Володю. Нет, не в убийстве тети Паши, о смерти которой она узнала от Малыхи. Но она услышала, что там был Бизяев. Для чего он ходил? Девчонка — она же во всем была девчонка — решила, что он хочет отомстить ее отцу за смерть своего отца. И если в ту ночь не удалось, Володя не остановится. Да и совесть ее мучила. Она же помогала отцу: устраивала его свидания с Галиной, придумала, где спрятать своего сводного брата, совершившего преступление. Брата — вот что для нее главное было. Из-за того она и фамилию отца носила, хотя все сестры взяли материну фамилию. В крови у нее было чувство родственного единства, поэтому и родителей Володи хорошо понимала и вовсе не осуждала за то, что не принимали они ее в семью. Тут еще дозвониться не может ни до Софьи, ни до Веры. Кругом в ее жизни тупик. Вот и приняла свое страшное решение...

А знаешь, что сказал в конце концов прокурор? Нет, не гадай, все равно не угадаешь. Он сказал так. Если бы тех парней, то есть вас троих, и девушек ваших — не хищниц, а стоящих — не раздирали внутренние драмы, мы бы выбрали самую правдоподобную версию и на том бы закончили. Но всех вас раздирали драмы. Они-то и помогли распутать клубок. А я ему сказал, Привалову: может быть, это и лучше, что пришлось распутывать, может быть, им всем с раскрытыми душами — пришлось ведь раскрыться, чтобы прокурор смог распутать, — легче теперь жить будет. Ты-то сам как думаешь?

Елышев кивнул.

И вдруг затрещал телефон.

Голос Привалова я, конечно, узнал сразу. Он звучал глуховато, как и обычно, но сегодня не так, как в последние дни. Не так спокойно, рассудительно, а, напротив, возбужденно, озадаченно. Примерно так говорил со мной Привалов неделю назад, когда

заставил меня включиться в поиски тех, кто оставил следы в Крутом переулке. «Неужели новое дело?» — мелькнула у меня мысль. Я почему-то не сразу вспомнил о том, что он мне говорил утром: что ему необходим день-другой для завершения этого дела.

— Извините, — буркнул я в трубку, — у меня сегодня выходной день.

Я знал, что именно так, а не распросами заставлю Привалова сразу же выложить, за чем я ему понадобился. Иными словами, сразу же узнаю о том, какая новость вынудила его мне позвонить.

— Я вовсе не собираюсь втягивать вас в новую историю, — прогудел Привалов, словно подслушал мои мысли. — Но, во-первых, я не выполнил обещания рассказать вам, для чего впутал вас в это дело. А, во-вторых, — и это более важно, — мне совершенно необходимо повидать того сверхсрочника, старшину. По слухам, его легче всего отыскать через вас — по слухам, а не по сллетням, подчеркиваю. Видите ли, новые обстоятельства. Известный вам Павел Курань, с которым, как вы знаете, вожусь не один день, полчаса назад сказал нечто такое, что может спутать показания наших парней. Многие теперь зависят от старшины.

Значит, новый поворот? Что же мог сказать сын Галины? С ним не соскучишься — путается и путается, пока что-нибудь стоящее сообщит, ну, истинный балбес.

— Елышев у меня, — спокойно сказал я. И взглядом успокоил своего гостя.

— Вы с ним не будете возражать, если я сейчас приеду к вам? Я не займу много времени. Всего один вопрос задам ему. И отвечу на один ваш вопрос.

— Одну минуту, — сказал я и, не прикрывая трубку рукой, обратился к Елышеву: — Ты не возражаешь, если заедет прокурор?

Старшина бросил на меня вопросительно-настойчивый взгляд.

— Ладно, приезжайте, — сказал я в трубку.

— Вашему великодушию нет границ, — не выдержав наконец, съязвил прокурор.

Но я уже повесил трубку.

— У него к тебе какой-то вопрос, но не волнуйся.

— Ну, что еще? — Елышев вскочил со стула и зашагал по комнате. — Что еще?

— Не горячись. Сейчас прокурор приедет и все узнаем. Я тебе помогу. — И вдруг я сказал: — Давай, пока он едет, все же поговорим о женщине, которая переживает о тебе искренне и потому посоветовала рассказать все именно мне. Я ведь от Валентины давно про тебя слышал и такие ей советы давал, какие тебе вряд ли бы понравились. Советовал наплевать на тебя, хотя знаком с тобой не был. Но ты так вел себя.

Елышев перестал шагать. Остановился посреди комнаты.

— И что она? Послушалась вас?

— Ты от волнения поглупел, что ли? Если бы она послушалась, разве приоткрыла бы в трудный час, разве ты сейчас стоял бы здесь?

Он улыбнулся и сел.

— Верно, поглупел я. Тут поглупеешь. Впрочем, вы правы, вел я себя глупее не придумаешь. И правда, надо было ей давно на меня наплевать.

— А ты когда узнал, что мы с ней не только коллеги, что Валентина — моя сестра?

— Да вот как дело это началось противное, так и узнал. А вы, выходит, про меня давно знали?

— Слышал про тебя. Теперь вот увидеть довелось. Познакомиться. Надолго ли?

— Поверите, если скажу — навсегда?

— Не зарекайся. Не мне тебя учить, не первый же раз ты к женщине переехать собрался.

— Не первый. Но последний. И по закону.

— Не спеши, думай лучше, чтоб ей вреда не было. Хватит с нее бед... Матери у нас разные были, а отец... ей он настоящим отцом был, а от нас с братом ушел. Потом война. И он не вернулся, и моя мать, и ее... Да, вот такие дела...

— А знали вы, что я... когда срочную служил... дружил с ее мужем?

— Не знал. Этого не знал... Да-а-а... Сталь сожрала его, взрыв этот проклятый, в тот день, в то утро — как и брата моего, как и брата Чергинца. Это я знал... А что ты дружил с ним, не знал. Вот и еще один наш... новоднепровский... клубок. Эх, какая у них бригада была! Только с теперешней чергинцовской сравнить можно. Героической смертью — что на фронте, что в труде — только герои и гибнут.

Прошепелявил звонок в прихожей. Елышев сразу как-то сжался в кресле. Я пошел открывать, успев глянуть на него: он мучительно рылся в памяти, что-то, видно, угнетало его.

Прокурор, здороваясь, кивнул мне. Елышеву тоже кивнул, и по этому кивку я понял, что парню ничего не угрожает. Прокурор придвинул к журнальному столику кресло, присел на самый край сиденья, опустил руки между колен, сплел узловатые пальцы. Я тоже сел.

— Дело вот в чем, — сказал прокурор. — Этот бал-

бес полчаса назад сказал нечто такое, что может многое изменить. — Говоря так, Привалов смотрел на Елышева, да и фразу эту повторил для него — я ведь ее уже по телефону слышал. — Тот из вас, кто был на улице в те минуты, когда отец выскочил в окно вслед за сыном... или немного раньше...

Я мельком взглянул в напряженное, но спокойное, сосредоточенное лицо Елышева. Прокурор продолжал:

— ...должен был видеть человека, который стоял в конце переулке. У оврага. Не мог не видеть. Исключено, что ты его не видел, — обратился прокурор к Елышеву.

— Одну минуту, — вмешался я. — Так сразу нельзя. Вспоминать надо терпеливо, спокойно.

— Но я больше ничего не помню, — прошептал Елышев. — Я вам, что помнил, все сказал.

— Не волнуйся, — ответил прокурор. — Давай вспоминать вместе.

Действительно, мы с прокурором могли уже все вспоминать вместе с этими парнями, словно сами пережили ту ночь в переулке. Но Елышев возразил:

— Ну, как снова вспоминать? Я все эти дни только и старался обо всем забыть. Выкинуть из головы.

— Вот и хорошо, — подхватил Привалов. — То, что ты помнил и мне рассказывал, можно забыть. А то, чего ты тогда не вспомнил, ты же не мог забыть в эти дни. Как же забыть то, чего не помнил? Когда ты стоял на улице, ну, в переулке, после того, как этот Петрушин испугался твоей шинели... ты хоть раз взглянул в конец переулка, в сторону оврага?

— Наверно, — неуверенно ответил Елышев, — смотрел.

— А видел, — продолжал прокурор, — что там стоит человек? Только не выдумывай: видел или нет?

— Человек? — Елышев вдруг посмотрел в какую-то точку в углу комнаты, и нам стало ясно, что он вспомнил. Но что он вспомнил?

— Стоял? — спросил я. — Стоял человек?

— Да, — твердо сказал Елышев, всматриваясь в угол комнаты. — Да, стоял. Неподвижно стоял. Почему же я раньше вам не сказал? — спросил он, переводя взгляд на прокурора.

Привалов откинулся на спинку кресла. Лицо его светилось от удовольствия. Заговорил он чуть ли не возбужденно:

— Потому ты и забыл про него, что он стоял неподвижно. Если бы он пошел или побежал, ты бы запомнил. Таково свойство нашей памяти.

— Еще один неизвестный? Значит, прокурору надо продолжать поиск? Чему ж он радуется?

А прокурор продолжал:

— Тот балбес, Пашка Курань, вспомнил, что, когда он бежал впереди отца, у оврага перед собой увидел человека, испугался его и нырнул в сторону. А Сличко не успел свернуть, столкнулся с тем человеком, и они оба рухнули в овраг.

— Оба? — воскликнул я и даже вскочил со стула. — Значит, тот второй остался жив и ему даже удалось выбраться из оврага? Наверняка это был муж Галины.

— Как всегда спешите, доктор, — укорил меня прокурор. — Ну, как он мог там оказаться, когда его видели на Микитовской до того, как Сличко свалился в овраг? Прodelать весь этот путь назад в том состоянии, в каком он был? Вы лучше вспомните овраг, каким мы с вами видели его утром. Труп Сличко. А кроме того: рваный пиджак броской расцветки, чугонок со свежими царапинами...

— И нелепая крестовина. Так то пугало было, — догадался я.

— Вот именно, — подтвердил Привалов, не обращая внимания на ничего не понимающего Елышева. — Так что один из наших парней караулил в переулке вовсе не свою девчонку, а ее отца. Задумал каким-то образом заманить того к оврагу.

Да-а, ситуация. Знал ли об этом Чергинец, когда так старался выручить Володьку? Видно, Люба понимала парня лучше, чем все мы, потому и жить не смогла. Значит, Бизяев все-таки хотел отомстить за гибель своего отца.

— Ничего это не меняет, — сказал я. — Пусть он и установил пугало. Но с какой целью? Никто не докажет, что он таким способом хотел отправить Сличко в овраг. Это же просто смешно. Тем более, что сам рядом с пугалом не остался. Может, он и забыл про него после всех катавасий в доме и во дворе?

— Верно, — сразу согласился Привалов, — но в девятнадцать лет можно придумать что-нибудь пооригинальнее огородного пугала, если хочешь кого-то с дороги сбить. Тем более такого волка, как Сличко. Но так или иначе, а пугало тропку перекрывало, пути оттуда не было, если заранее не свернуть. Не мог разве наш парень так решить: заманю-ка этого гада за дом, он за мной погонится, я перед пугалом — в сторону, а он — в овраг. Мор? Но это примитивная выдумка. Правда? В нашем Новоднепровске эти

пугала чуть ли не в каждом саду стоят. Так что выдумка даже неоригинальная.

— А, по-моему, неплохая выдумка, — с вызовом сказал я, — тем более, что в такую ночь может и дьявол померещиться. Видел кто или не видел неподвижного человека — в протоколе пока не записано. И кто и когда установил там пугало — может, оно давно стояло, да никто не замечал, неподвижное ведь, сами говорите.

Елышев хотел было вставить два слова в свое оправдание, но я опередил его:

— Тебя спросили про человека? А человека там никакого не было. Человека ты не видел, ты не мог его видеть — там его не было. Дождь, ночь. Про пугало ты вообще ничего не говорил. А человека там не было — даже прокурор это признает.

— Признаю, признаю, — вроде и не улыбувшись, согласился Привалов. — Тем более, что за неделю там в овраге от дождя и грязи все перемешалось. Теперь уж и не установить, чей то был пиджак. — Прокурор посмотрел сперва себе под ноги, а потом исподлобья метнул в меня хитрый взгляд.

— Лучше скажите, зачем все же я вам понадобился? Вы же обещали, — сказал я прокурору. — Сами признали, что дело закончено. Может быть, жалете, что втянули меня?

Привалов ответил не сразу. Лицо его стало серьезным, задумчивым. Я вспомнил, что он часто выглядел таким раньше, когда мы, будучи почти неизвестными людьми, встречались в компании. Он производил там впечатление человека малоинтересного, скучного в общении. Потому что чересчур много молчал и думал о чем-то своем. Но теперь-то я знал: за таким молчанием последует нечто важное, сейчас уж, очевидно, самое важное из того, что ему осталось мне сообщить.

— Нет, доктор, — заговорил наконец Привалов, — не я втянул вас в эту историю. Сама жизнь втянула. Когда я спросил вас, помните, говорит ли вам что-нибудь фамилия Сличко, и вы ответили, что никогда не слышали такой фамилии, — вот тогда я решил: вы должны пережить эту историю вместе со всеми. Не знаю уж, как сказать: то ли это был мой долг перед вами, чтобы вы приняли в ней участие, то ли это ваш долг, наш общий долг перед... перед всеми погибшими — пережить ее вместе. Если бы вы знали, что такой Сличко существует, я бы вас, вероятно, не привлек. Сами бы интересовались, переживали бы... А сказать вам сразу все о Сличко, сказать то, что вы сейчас услышите, я тогда не мог, не имел права. Вы могли мне помочь, и помогли, лишь собирая объективную информацию, а для этого вы не должны были знать всего...

Он снова замолчал. И мы с Елышевым не дышали, чтоб не помешать, не прервать его.

— Этот Сличко, — продолжил Привалов, глубоко вздохнув, — как раз тот самый полицейский, который пинком сапога выбил табуретку из-под ног вашей матери, доктор.

— Моей матери?

Привалов не шелохнулся, не поднял на меня глаз. Он словно не видел моего волнения, моей растерянности. Человек, конечно, привывает ко всему, даже если ему еще долго до сорока. Видимо, он привык своими словами переворачивать людям душу и умеет оставлять слушателя как бы наедине с узанным. Но и Елышев вел себя так же, не пялил на меня глаза. И я мысленно поблагодарил их за это.

А Привалов медленно продолжал:

— Ваша мать была именно тем человеком, который оказал первую помощь летчикам, скрывавшимся на Микитовке. Родному отцу Володи Бизяева и его живому отцу, тому, кто вырастил парня. Вы же знаете, как она осталась в оккупированном Новоднепровске. Не могла бросить больницу, своих больных. Вот так-то, доктор, если не знали — узнайте.

— Нет, о ее подпольной деятельности... работе... я знал. О летчиках... теперь соображаю... тоже слышал... давно. Но о казни, о том, что было во время ее казни... о казни мне никогда никто...

— С войны прошло уже столько лет, — сказал прокурор, — но ее следы...

— Мама, мама, — повторял я молча. И вспомнил вдруг нашу больницу — мамину и теперь мою. И вспомнил яруговские липы в парке. До войны мать Любюла водила меня в этот чудесный сад. И в последний наш с ней день мы гуляли там. Липы как раз цвели. И в тот же день эшелон увез меня, десятилетнего, далеко на восток.

— ...Иногда эти следы войны, — услышал я спокойный, мягкий голос Привалова, — обнаруживаются невероятно где. Хотите я вам расскажу, как впервые столкнулся с ними? Это было мое самое первое дело. Я только что окончил университет, отпуск проболтался в Новоднепровске и первого августа явился в прокуратуру. Меня назначили помощником прокурора города и района, и я должен был представиться начальству...

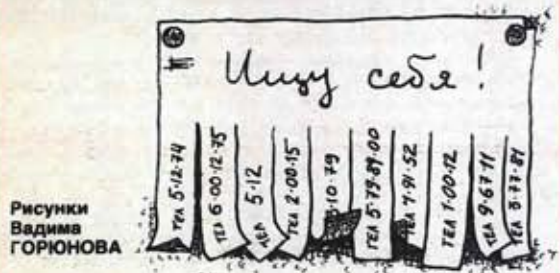
Я попробовал вслушаться в его слова, но у меня ничего не получилось.

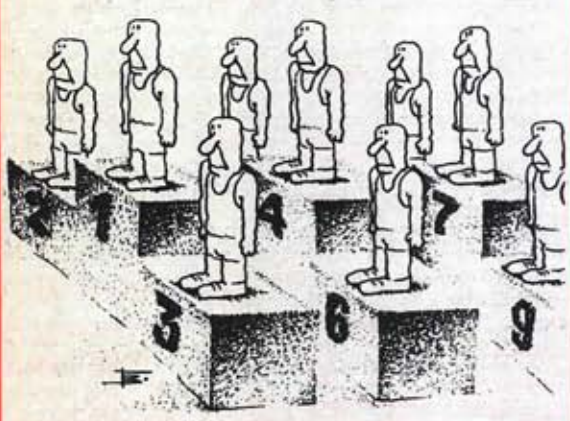
Рисунки
Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

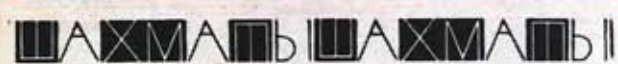
Рисунок
Николая БЕЛЕВЦЕВА

Рисунки
Вадима ГОРИОНОВА

Под редакцией международного арбитра,
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение.
Начало см. в №№ 11—14
журнала)

ПЯТЫЙ ТУР

Открытки на пятый тур посылайте в редакцию не позднее 10 октября 1981 года. Просьба ограничиваться лишь вариантами, исполненными в сокращенной шахматной нотации, опуская словесные комментарии.

Белые начинают и дают мат в два хода.

Белые начинают и дают мат в три хода.

Ход черных. Могут ли они добиться ничьей?

**«ЗОЛОТО»
У СБОРНОЙ УКРАИНЫ**

В обстановке острого соперничества прошло всесоюзное командное первенство по шахматам 1981 года. Вновь, как и в предыдущем аналогичном соревновании, чемпионами страны и обладателями золотых медалей стали шахматисты Украины. Они на-

брали 43 очка из 72 возможных. Всего пол-очка уступили им москвичи, завоевавшие «серебро». Большого успеха добилась команда Грузии — с 40,5 очка она заняла третье призовое место и награждена бронзовыми медалями. Приятно отметить, что в турнире выступило много молодежи, способных и весьма перспективных шахматистов из разных городов.

Полагаем, что читателям «Смены» понравятся яркие фрагменты нескольких партий, сыгранных в недавнем командном первенстве страны.

Перед вами позиция, к которой после 17-го хода белых пришел поединок между гроссмейстерами чемпионом СССР Александром Белявским — лидером сборной Украины (у него были черные фигуры) и Анатолием Лутиковым, возглавлявшим команду Молдавии. Энергичными маневрами тяжелых фигур черные в стремительном темпе нагнетают давление.

17. ... Лa8—c8 18. Ca3—b2 Фe6—c4 19. Фc2—a4 Лd8—d2! 20. Кc3—d1 b7—b5 21. Фa4—a3 Кf6:e4 22. Ла1—c1 Фc4—e6 23. Фa3:a7 Ke4:f2! 24. Kd1:f2 Лd2:b2.

Черная ладья «по-хозяйски» распоряжается в неприятельском тылу, господствуя на предпослед-

ней горизонтали. Запоминается заключительный, нокаутирующий партнера ход этой ладьи.

25. Kf2—d3 Лc8:c1 26. Ле1:c1 Лb2—d2! 27. Фa7—b8—Kpg8—h7 28. Фb8:b5 Фe6—f5 29. Kd3—e1 Фf5—f2—30. Kpg1—h1 Лd2—e2! и белые немедленно капитулировали.

Здесь вы видите ситуацию, возникшую после 13-го хода черных у гроссмейстеров Артура Юсупова (сборная Москвы) и Геннадия Кузьмина (команда Украины).

Молодой москвич, игравший белыми, активно взаимодействует центральными пешками и конем, удивительно быстро склоняет чашу весов на свою сторону.

14. d4—d5! Фd8—d7 15. Kf3—e5 Фd7—d6 16. Ke5—c6 Фd6—d7 17. e4—e5 Kf6:d5 18. Kc6:e7—Kpg8—h8 19. Ce2—f3 Лa8—e8 20. Лf1—d1.

Черный конь, вроде бы активно расположенный в самом центре, на поверку оказывается связаным прямо-таки «намертво». Попытка воршиловградца «откупиться» качеством не достигает цели ввиду предельно четкой игры белых.

20. ... Ле8:e7 21. Cg5:e7 Фd7:e7 22. Cf3:d5 Лf8—d8 23. Фd3—b3 Cb7:d5 24. Лd1:d5 Лd8:d5 25. Фb3:d5 Cg7:e5 26. g2—g3!

Ce5—d6 27. Фd5—d4+ Фe7—e5 28. Лc1—d1!, и черные сложили «оружие», ибо в случае вынужденного размена ферзей они теряют одну из пешек.

На этой диаграмме отображено положение, создавшееся после 18-го хода белых во встрече мастера Елены Беловой из команды Ленинграда с юным гроссмейстером из сборной Грузии Наной Иоселиани (у нее были черные фигуры).

Слон белых неуязвим ввиду мата или потери ладьи, поэтому черные хладнокровно отражают тактическую угрозу противницы, а затем, умело лавируя конем, ликвидируют одну из неприятельских пешек на королевском фланге.

18. ... f7—f6! 19. Cb6—d4 Kh6—f5 20. Cd4:e5 Kf5:h4 21. Ce5—g3 Kh4:g2 22. b2—b4 a7—a6 23. a2—a4 e6—e5 24. Kc3—d5 Kpg8—f7 25. Kd5—b6 Лa8—e8 26. c2—c4 Ле8—e6 27. b4—b5.

Пешечное наступление белых не спасает их, концовка эта ничто проиграна.

27. ... a6:b5 28. a4:b5 Cc6:b5! 29. c4:b5 Ле6:b6 30. Лd1—d7—Kp7—g6 31. Лd7—d5 Kpg6—f5 32. f2—f3 Kg2—f4 33. Cg3:f4 Kpf5:f4 34. Лd5—d7 g7—g5, и белые сдались.

УМЕРЕННО.

Пусть го-ло-ва мо-я се-да,
 - и се-да, се-да, не толь-ко мо-и го-да -
 - и го-да, мо-и го-да мо-е бо-гат-ство -

- дат - ст-во. Пусть го-ло-ва мо-я се-да,
 - и се-да, се-да, не толь-ко мо-и го-да -
 - и го-да, мо-и го-да мо-е бо-гат-ство -
 мо-е бо-гат-ство, 2. Я // - дат - ст-во.

Музыка Георгия МОВСЕГЯНА

Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

МОИ ГОДА

Пусть голова моя седа,
 Зимы мне нечего пугаться.
 Не только груз мой года,
 Мои года — мое богатство.
 Пусть голова моя седа,
 Не только груз мой года,
 Мои года — мое богатство.

Я часто время торопил,
 Привык во все дела впрягаться.
 Пускай я денег не скопил,
 Мои года — мое богатство.
 Я часто время торопил,
 Пускай я денег не скопил,
 Мои года — мое богатство.

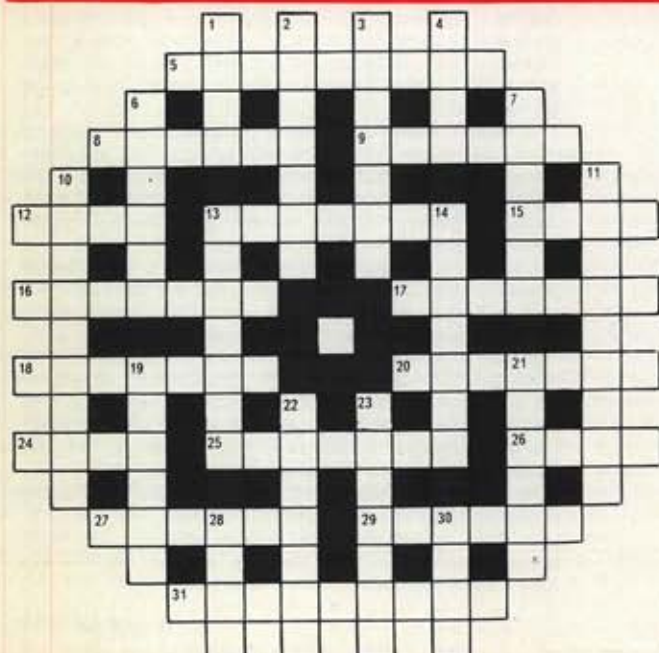
Шепчу «спасибо» я годам
 И пью их горькое лекарство.
 И никому их не отдам,
 Мои года — мое богатство.
 Шепчу «спасибо» я годам
 И никому их не отдам,
 Мои года — мое богатство.

А если скажут мне века:
 «Твоя звезда, увы, погасла...» —
 Подымет детская рука
 Мои года — мое богатство.
 Когда-нибудь наверняка
 Подымет детская рука
 Мои года — мое богатство.

Кол-ла-жи, на-
 - дат - ст-во. Пусть го-ло-ва мо-я се-да,
 - и се-да, се-да, не толь-ко мо-и го-да -
 - и го-да, мо-и го-да мо-е бо-гат-ство -
 мо-е бо-гат-ство, 2. Я // - дат - ст-во.

КРОССВОРД

Составил Н. ВАГАНОВ,
 Челябинск

По горизонтали:

- Ювелирное изделие из тонкой проволоки.
- Драма Б. А. Лавренева.
- Советский физиолог, академик, создатель материалистического учения о высшей нервной деятельности.
- Положительный полюс источника тока.
- Двустворчатый морской моллюск.
- Драгоценный камень.
- Аппарат для печатания копий с документов, схем.
- Первая русская рукописная газета.
- Ягодное растение тундры.
- Пресноводная рыба семейства карповых.
- Венгерский пианист, композитор, дирижер XIX века.
- Разновидность рассказа.
- Персонаж пьесы М. Горького «На дне».
- Балет французского композитора А. Адана.
- Река в Западной Африке.
- Органическое вещество растений, клетчатка.

По вертикали:

- Денежная единица Ирана.
- Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности.
- Произведения живописи, объединенные одним замыслом.
- Приток реки Десны.
- Индийский общественный деятель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
- Басня И. А. Крылова.
- Сборник художественных произведений различных авторов.
- Певучая мелодия.
- Один из первых русских летчиков.
- Механик-водитель хлопкоуборочной машины, дважды Герой Социалистического Труда.
- Город в Псковской области.
- Метод научного исследования.
- Город в Грузии.
- Боковая пристройка жилого дома.
- Голландский живописец XVII века.
- Стихотворение Н. А. Некрасова.

ОТВЕТЫ
 НА КРОССВОРД
 НАПЕЧАТАННЫЙ
 В № 14

По горизонтали:

- Тыква.
- Филателия.
- Рефлексор.
- Гагат.
- Слюда.
- Лазер.
- Виноградова.
- Сельдерей.
- Мокроусов.
- Уникум.
- Трость.
- Экономист.
- Добромил.
- Циолковский.
- Сайма.
- «Игрок».
- «Ямщик».
- Эдельвейс.
- «Работница».
- Сунжа.

По вертикали:

- Стяг.
- Григорьев.
- Карт.
- Лиелупе.
- «Раздолье».
- Аквариум.
- Боженко.
- «Интеркосмос».
- «Косоворотка».
- Вьетнамец.
- Акротерий.
- Ансамбль.
- «Задонщина».
- Сморгонь.
- Команда.
- Литовцы.
- Яссы.
- Край.

ЕГО БОГАТСТВО

Знакомый
голос

Вахтанг Кикабидзе. Солист Грузинской государственной филармонии. Художественный руководитель широко известного ансамбля «Орэра». Популярный киноартист. Лауреат Государственной премии СССР и нескольких международных премий. Народный артист Грузинской ССР...

Вахтанг Кикабидзе — человек с большим юмором. Очень добрый. Очень деловой и ответственный за все, что делает, с чем соприкасается в жизни. Это чувствуешь в каждой его роли, в каждой песне. Это ощутимо в том, что он говорит о себе: «Представить не могу себя без песни. Эстрада — мой дом. И в кино работать тоже необыкновенно интересно. Счастливый я человек: занимаюсь делом, которое нравится».

На эстраду Вахтанг (или, как его ласково нарекли земляки, Буба) Кикабидзе пришел из самодеятельности. Еще в школьные годы выступал в студенческих ансамблях. Естественно, не оставил самодеятельности, и когда сам стал студентом института иностранных языков. Но уже со второго курса (в 1959 году) ушел работать в филармонию: надо было помогать матери, заботиться о семье. И вот уже двадцать два года на эстраде. Не счесть, сколько песен спето... Эти года — бесценное богатство артиста.

Непросто найти свое лицо в искусстве. Бубе Кикабидзе, кажется, его не пришлось искать — настолько сливается он сам с героями своих песен и фильмов. В его репертуаре нет бравурных, крикливых песен. В творческом союзе с композиторами Георгием Цабадзе, Джансугом Кахидзе, Гией Канчели, Алексеем Экимяном и Георгием Мовсисяном создает певец теплые, сердечные музыкальные новеллы, в которых будто делится со слушателями собственными самыми сокровенными, дорогими и чистыми переживаниями. «Я не люблю, когда на сцене кричат», — говорит Вахтанг. — И не берусь петь то, что не мое, что я могу испортить...» И он очень точен в своем отборе. Любимые песни артиста стали любимыми и для слушателей — «Мои года» и «Проводы любви».

Вахтанг Кикабидзе впервые появился на киноэкране в 1965 году — в фильме «Встреча в горах». Но истинным началом своей жизни в кино он считает 1969 год — фильм Г. Данелия «Не горюй»: «За четыре года после первого фильма забыл было о кинематографе. И когда позвали сниматься в «Не горюй», не предполагал, что получится что-то такое, что всерьез изменит жизнь».

Сейчас у Вахтанга Кикабидзе четырнадцать фильмов, в которых он сыграл главные роли. Самые дорогие и значительные и для него и для зрителей — Бенжамин и Мимино. Из разных времен, с разными характерами, они очень похожи друг на друга. Такое бывает, когда артист воплощает в герое самое главное в себе самом, свое представление о лучшем в человеке, свою мечту о том, каким должен быть человек. И это действительно так. «Георгий Данелия — большой режиссер, — рассказывает Вахтанг. — Выбрав меня на главную роль, он не стал ломать мою индивидуальность, подстраивая под задуманный образ, но переписал заново характер своего героя, сделав его близким мне...»

Где и когда нашел артист именно такого близкого себе героя? Где подсмотрел такие характеры? Может быть, в детстве, в послевоенные годы, когда они, мальчишки без отцов, без присмотра, без игрушек, кино и телевидения развлекали сами себя и друг друга придуманными историями и игровыми сценками, сюжеты и персонажи для которых подсматривали дома и на окрестных улицах? Или из книг? «И то и другое, — соглашается Кикабидзе. — И Бенжамин и Мимино — это Дон-Кихоты. А Дон-Кихот жив во все времена. Вы знаете, что в нем самое главное? Доброта! Беспредельная доброта, порой доходящая до абсурда...»

Фильм «Мимино» получил Главный приз X Международного кинофестиваля в Москве, а Вахтанг Кикабидзе удостоен Государственной премии СССР. На Международном кинофестивале в Картахене (Испания) Кикабидзе получил премию за лучшее исполнение мужской роли в фильме «Не горюй».

Скоро мы встретимся с Кикабидзе в новой кинокомедии «Будь здоров, дорогой». Он и Томаз Гомелари — авторы и режиссеры фильма. Новая комедия — все о том, о главном: о доброте.

Будут в новом фильме и песни. Их пишет Георгий Цабадзе. Это будут такие же спокойные, красивые, мелодичные песни, какие мы всегда любим и ждем от Вахтанга Кикабидзе и от руководимого им ансамбля.

Вскоре выйдет пластинка-гигант с новыми песнями Бубы Кикабидзе. Она называется «Пожелание».

Вахтанг Кикабидзе мало снимается на телевидении и редко записывает пластинки. Говорит, что не хочет надоесть, примелькаться. И еще говорит, что любит видеть лица своих слушателей — тогда ему легче и радостнее говорить с ними. Петь для них.

Эдда ЗАБАВСКИХ